

ВАСИЛИЯ
ЗЮЗИНА

ИЗГНАНИЕ

И. ГОЛОСОВСКИЙ

И. ГОЛОСОВСКИЙ

ИЗГНАНИЕ

ВАСИЛИЯ
ЗЮЗИНА

ИГОРЬ ГОЛОСОВСКИЙ

**ИЗГНАНИЕ
ВАСИЛИЯ
ЗЮЗИНА**

Повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» 1963

ПРОЛОГ

В приемной начальника районного отдела милиции было тихо. Так тихо, что Виктор Трубников отчетливо слышал шуршание занавесок. Форточка была открыта, и занавески выгнулись под ветром, как два тяжелых зеленых паруса. Виктору показалось, что он стоит на палубе корабля, плывущего в неведомые страны. За плотно прикрытой дверью кабинета, как за линией горизонта, пряталась неизвестность...

Давненько не был Виктор в этой просторной ком-

нате, окрашенной в зеленовато-серый, казенный цвет. Почему, интересно, стены в учреждениях принято окрашивать так скучно, что посетителям хочется поскорее уйти? Если бы Виктор работал в райотделе, он приказал бы оклеить стены коридоров и кабинетов веселыми, пестрыми обоями, а на полу постелил уютные ковровые дорожки. Ведь здесь бывает много людей. Пусть бы они почувствовали, что в этом доме желают им добра, хоть и вызывают иногда совсем не по приятным делам...

Но Виктор давно уже не работал тут. Два года назад, точно в такой же жаркий летний день он вышел отсюда с паспортом и трудовой книжкой в кармане. Он был освобожден от работы, как было написано в приказе, «по собственному желанию». Формулировку эту, однако, оставили лишь из уважения к его отцу, а на самом деле он был просто-напросто уволен... «Вам нужно, наконец, стать взрослым, Трубников, — сказал ему в тот день полковник Бандура. — Лично против вас я ничего не имею. Я даже вполне прилично к вам отношусь. Когда повзрослеете, приходите».

И вот спустя два года Бандура сам его вызвал. Зачем? Честно говоря, этот внезапный вызов взволновал Виктора. Он еле дождался утра. Выходит, не забыли еще о нем в райотделе. Впрочем, неизвестно, что его ждет. Дверь, обитая желтой кожей, хранит свою тайну...

С улицы доносились пронзительные звонки трамваев. Секретарша Люся, озабоченно сдвинув брови, стучала по клавишам пишущей машинки. Время от времени она с интересом поглядывала на Виктора. Когда-то они дружили. Раза два даже сходили вместе в кино... Люся совсем не изменилась, не постарела ничуть, только прическа у нее стала другой. Раньше она завивалась, а теперь высоко взбила волосы и уложила их на затылке копной...

— Ты присядь, — сказала Люся, оторвав на мгновение руки от клавиш. — Ждать придется долго, у полковника совещание.

Виктор вышел в коридор и закурил. На круглом

журнальном столике лежала газета... Как тогда, два года назад... В тот день, войдя сюда, Виктор прежде всего увидел на столе газету. На первой странице был напечатан портрет светловолосого юноши с широко раскрытыми, добрыми глазами. Портрет был обведен черной, траурной рамкой...

Вздыхнув и нахмурившись, Трубников прошелся по коридору. Ему вдруг почудилось, что не было никаких двух лет. Просто продолжается тот длинный-преддлинный, тоскливый день. Лейтенант милиции Виктор Трубников только что вернулся из больницы... Утром он был на заводе и разговаривал с Мишкой Шибановым, Ромкой Гаевым и Кондратом Григорьевичем Жилинским... Совсем недавно произошла драка в заводском клубе — та самая драка, с которой все началось...

1

Клуб завода сельскохозяйственных машин прятался в глубине парка. Деревья протягивали к нему ветки, обросшие белым инеем. Окна уютно, по-домашнему, светились в темноте; сизые ели потрескивали от мороза... Белый туман клубился над домом, и казалось, что он вот-вот вспыхнет синим холодным пламенем.

Мишка Шибанов вытер рукавицей иней, выросший от дыхания на бровях и под носом, поправил галстук и направился к подъезду. Навстречу ему из-за колонны вынырнули три фигуры.

— Стой! — услышал Мишка сиплый, слишком хорошо знакомый ему голос Васьки Зюзина.

— Здорово, ребята, — сказал он нехотя.

— Здорово, здорово, — ответил Зюзин. — Мы тебя жаждали.

— Ну? А зачем я вам? — удивился Мишка.

— Организуй в темпе троечку пригласительных билетов. Понял?

— Понял, — ответил Шибанов, потеряв нос варежкой. — Попытаюсь. Только не знаю, выйдет ли что.

— Выйдет, выйдет, — усмехнулся Васька, — ты же теперь ударник, тебя провести бортиком они не имеют права, верно, Иван?

Иван промолчал; на его узких губах блуждала неопределенная усмешка. Этот человек мог в любой момент совершить что-нибудь неожиданное. Например, стукнуть Мишку по физиономии. Или засмеяться и уйти прочь. Смех его похож на лай. Или на кашель. Смеется, а глаза злые. Михаил побаивался Ивана. Боялся его и Яшка Малышев. Когда они все вместе шли по улице, Яшка семенил рядом с Иваном, как борзая, и преданно заглядывал ему в глаза. Васька Зюзин внешне держался независимо, но только внешне. Уж очень этот Иван был бешеный.

Ах, как не хотелось Мишке встречать Новый год в этой компании! У него были совсем другие планы. Но отказать Ивану Бушуеву и Ваське Зюзину он не решился.

...Катю Назарову Мишка отыскал сразу. На Кате была узкая черная юбка, синий свитер и белые туфли на высоких каблуках. Ее темные блестящие волосы были причесаны на прямой пробор и скреплены на затылке в тяжелый узел. Катя была бледная и грустная. Озираясь, она высматривала кого-то в толпе.

— Привет! — сказал Мишка.

Катя рассеянно кивнула ему.

— Мне нужно три билета, — сердито буркнул Мишка, обиженный тем, что она едва на него взглянула. «Лопух ты, лопух! — сказал он себе с презрением. — Пришел сюда, можно сказать, ради нее! Добрых два часа отглаживал костюм и чистил ботинки! А она не обращает никакого внимания, точно забыла, что сама же вчера пригласила в клуб».

Катя равнодушно протянула Михаилу билеты и снова принялась озиаться.

«Аркашку ищет! — подумал Шибанов. — Опять Аркашка! Неужели они помирились? Да, теперь уже ясно, что он зря сюда притащился. И еще эта компания!..»

Настроение у Михаила вконец испортилось. Ему

показалось, что Катя намеренно не смотрит на него, чтобы побольнее его уколоть. И щурит глаза нарочно и вздыхает специально для того, чтобы Мишка это слышал и имел в виду, что он для Кати — ноль! Конечно же, лучше было встретить Новый год дома... но теперь делать нечего...

Он вышел на улицу.

— Я говорил, будет полный порядок, — прохрипел Зюзин, шмыгая покрасневшим носом.

Дежурная, стоявшая у дверей, покосилась на него с подозрением, но, увидев пригласительный билет, молча отступила.

— Можно было бы и так пройти, да сегодня связываться неохота, — бросил на ходу Зюзин Михаилу.

Вошли в вестибюль, разделись.

— Закусим? — предложил Васька, оглядевшись с хозяйским видом и толкнув Мишку локтем. — Угощай друзей.

Мишку каждый раз коробило, что эти люди называют его своим другом. Он знал, что и у Васьки и у Ивана есть деньги, и побольше, чем у него, но они считают своим неременным долгом обдирать Мишку при каждом удобном случае. Такая уж у них привычка. И правильно делают. Поделом ему, раз он не имеет характера, чтобы им отказать.

В буфете было полно народу. Растолкав очередь, Зюзин лег грудью на стойку, подмигнул буфетчице и громко сказал:

— Привет, Валечка. Наше вам, а ваше нам. Как насчет пивка?

Никто из стоявших в очереди не проронил ни слова.

Осушив бутылки, Иван, Васька и Яшка вразвалку направились в фойе. Мишка нарочно задержался в буфете. Уж очень не хотелось ему быть вместе с ними. Мишка взял еще бутылку пива, два бутерброда и уселся за стол. За стеной, в зале играл оркестр. За соседними столиками слышались шутки и смех, девчонка в маске, проходя мимо, улыбнулась Мишке, и настроение у него постепенно исправилось. Он опять стал думать о Кате.

Музыка внезапно умолкла, за дверью послышался какой-то шум, затем наступила мертвая тишина, взорвавшаяся через несколько секунд глухими ударами, сдавленными возгласами и топотом ног.

Мишка вскочил, едва не опрокинув столик, но тут же снова сел, сообразив, что лучше всего оставаться на месте. Он не знал, что случилось в зале, зато он очень хорошо знал Ваську Зюзина и Ивана Бушуева.

Из фойе отчетливо донесся крик:

— Осторожно, нож!

Кричала девушка. Голос был знакомый. Мишка закусил губу. В виски стучались молоточки. Они стучались все громче и громче, заглушая все звуки. Люди вокруг засуетились, из комнаты словно ветром всех вымело. Мишка остался один. Он помедлил, затем встал и вышел в фойе. На паркете валялись разноцветные обертки от конфет и обрывки серпантина. Под елкой лежал дед-мороз, крепко зажав в руке мешок с подарками. Он смиренно лежал на спине, уставив в потолок глупые, нарисованные глаза. «Куда все разбежались?» — подумал Мишка и шагнул к лестнице, но остановился, словно наткнувшись на стеклянную стенку. Он стоял, растерянно растопырив руки, медленно бледнея, и расширенными глазами смотрел под ноги, туда, где на блестящем паркете темнела небольшая лужица. Это была кровь.

Не сводя с лужицы глаз, Мишка попятился, наткнулся на стул и отшвырнул его в сторону. Мишке хотелось закричать, ущипнуть себя, но кричать было незачем. Кровь была не во сне, а на самом деле. Вот так он чувствовал себя полтора года назад, когда раскроил Аркашке Трайнину голову тяжелым медным портсигаром. По лицу Аркашки текла кровь, и ничего уже нельзя было исправить.

Мишка бросился к лестнице, но спуститься в вестибюль ему не удалось. Лестница была запружена толпой. Мишку смяли и притиснули к перилам. При-

встав на цыпочки, он увидел внизу двух санитаров с носилками. Санитары медленно продвигались к выходу. Из распахнутых дверей валили клубы белого пара.

— Где же милиция? Надо вызвать милицию! — назойливо повторял чей-то голос.

Рядом с Мишкой стояла буфетчица Валя. Какая-то девушка, ахая и всхлипывая, рассказывала ей о том, что случилось в фойе. Валя выбежала из буфета вслед за Мишкой и тоже ничего не видела... Девушка волновалась, и рассказ был несвязным. Мишка прислушался:

— ...Тогда этот, который поменьше ростом, горбоносый такой... подходит к Зинке Стрельцовой — знаешь ее? — нормировщица из литейки... хватает за руку и тащит танцевать... представляешь? Зинка, конечно, упирается, не идет, а парень ее, как назло, ушел в курилку... Ну, кто-то из ребят вежливо так сказал этому хулигану: что ты, мол, делаешь, не приставай к девчонке... Тот его отпихнул, а Зинку не выпустил... Она поскользнулась и упала... Все их окружили, смотрят, возмущаются, а вмешиваться никто не хочет... В это время подошел Ромка Гаевой, комсорг механического цеха...

— Знаю я Гаевого, — вставила буфетчица. — Такой интересный молодой человек...

— Он помог Зинке встать, потом повернулся к тому и говорит: «А ну извинись!» Тот стоит, усмехается, руки в карманах. Ромка стал настаивать. «А то, — говорит, — мы тебя отсюда вышвырнем!» Сзади к Ромке второй бандит подобрался, длинный такой... Тощий. Ножку ему подставил, а горбоносый ударил Ромку прямо в лицо, но Ромка удержался, не упал. И началась у них драка. На Ромку трое наскочили, он стал отбиваться, а все стоят, только глазами моргают. Кому охота с бандитами связываться? А Катька Назарова не побоялась... техник из отдела капитального строительства... Как закричит: «Что же вы смотрите? Ребята!» Бросилась к горбоносому, тот ее в сторону отшвырнул... Ромка к нему,

а он его ножом... Представляешь?.. Ромка упал, они бежать... Никто опомниться не успел.

— Кто ножом-то ударил? — спросил Мишка. — Длинный или тот, который Катю толкнул?

— Я не заметила, — ответила девушка. — Вроде который покороче... Он ближе стоял... Гляди, милиция!

В вестибюль вошли несколько человек в милицмейской форме.

— Теперь-то они тут как тут, — ехидно сказала буфетчица. — А где они были, когда эти бандиты в клуб пришли?

Мишка протиснулся сквозь толпу, оделся и, стараясь не попадаться на глаза милиционерам, выскочил на улицу.

...Мороз усилился. Фонари были окружены радужным сиянием. Откуда-то слышалась торжественная и величественная музыка государственного гимна. Часы пробили полночь. Наступил новый, тысяча девятьсот пятьдесят девятый год.

На автобусной остановке Мишка увидел Катю Назарову. Она стояла, задумчиво и сосредоточенно глядя под ноги. На щеке у нее темнела ссадина. Глаза у Кати были красные и припухшие. Мишка не решился приблизиться к ней. Ему вдруг стало трудно дышать. На Кате была белая шубка и белая пушистая шапочка, похожая на огромную нетающую снежинку. Катя не шевелилась. Не двигался и Мишка. Он смотрел на Катю, ничего не желая, ни к чему не стремясь, просто смотрел, довольный тем, что никто не мешает ему смотреть на нее. Катя неожиданно повернула голову. Лицо ее тотчас же стало суровым.

— Ты... — пробормотал Мишка, — меня... — Мишка хотел объяснить, оправдаться... Но Катя отвернулась.

Подъехал автобус. Катя поднялась на ступеньку, закрылась автоматическая дверь. Взвизгнув, забуксовало колесо, и автобус умчался, обдав Мишку снежной пылью.

В клуб возвращаться не было смысла. Там наверняка допрашивают свидетелей.

Лучше быть от всего этого подальше. Надвинув шапку на уши, Мишка побрел домой. Вот тебе и новогодний вечер. Потанцевал, называется, с Катей!

От досады, от злости на себя, на Ивана ему стало жарко. Сжав кулаки, он зашагал быстрее.

Мишка давно знал Бушуева и когда-то его даже уважал. Но с годами уважение исчезло без следа, остался лишь страх перед ним. Сколько раз Мишка давал себе слово порвать с Иваном, но не мог сделать решительного шага и вот опять влип в историю. Чего доброго, еще в соучастии обвинять будут. Неизвестно, чем все кончится. Почему Иван накинулся на Гаевого с ножом? С ума, что ли, спятил? На него это не похоже. Скорее похоже на Зюзина. Впрочем, оба одним лыком шиты.

Нет, хватит! Надо с этой компанией кончать!

Улицы опустели. С шорохом сыпалась ледяная крупа...

Из освещенных окон домов слышалась музыка. Мишка закурил и присел на скамейку в сквере. Спешить ему было некуда. Он сидел и смотрел на тусклый огонек сигарки, а мысли скакали, обгоняя друг друга. В тысячный раз задавал себе Мишка проклятый вопрос: почему жизнь идет как-то через пень-колоду, не по-людски? Его сверстники давным-давно твердо стоят на ногах, а он... Внутри него словно сидит какой-то чертик, который толкает его куда-то не туда... Так было в детстве, так продолжается и сейчас. То и дело Мишка совершает поступки, которые ему вовсе неохота совершать, и сам изумляется им потом. А может, ему просто удивительно не везет? Ведь не встретить Катя Назарова Аркашку, вся Мишкина жизнь могла бы повернуться по-другому!

...Мишке было тогда четырнадцать лет. Он жил с дядькой Иваном Кузьмичом, учился в шестом классе и пользовался полной свободой: дядьке было не до него. Иван Кузьмич в то время впервые запил;

стал хуже работать, по вечерам слонялся по комнате, моргая красными виноватыми глазами, и умолял Мишку не позволять ему пить. Он ходил даже к известному профессору-психиатру, но профессор не помог; Ивану Кузьмичу было не до воспитания племянника, на что Мишка отнюдь не жаловался. Целыми днями гонял по улице. Тогда-то и заметил его Иван.

Очень скоро Иван стал Мишкиным наставником, единственным другом и покровителем.

Ивану было тогда лет двадцать. Он носил пальто с карманами на боку, сапоги гармошкой и зеленую кепку. На шее у него болтался красный, с белыми полосами мохнатый шарф. Его широкое энергичное лицо с горбатым носом и тонкими губами было веселым, дерзким и отчаянным. Во рту у него сверкали два золотых зуба, расположенные строго симметрично, с левой и с правой стороны.

Иван курил папиросы марки «Палехский баян». Он вынимал из кармана деньги, небрежно скомкав их в кулаке, и давал Мишке, не считая, сколько захватят пальцы. Пальцы его обычно захватывали рубля три-четыре. Но он так шикарно протягивал их Мишке, что деньги казались тому целым состоянием.

— Бери на бедность, разбогатеешь — отдашь! — небрежно говорил Иван. — А если тебя кто тронет, только мигни мне. Я такому смелому пятки к затылку приставлю!

Мишка со временем тоже научился произносить всякие затейливые фразы, но до Ивана ему было далеко. Иван был просто виртуоз. Ругательства из его рта лились нескончаемым потоком. Ребята со всех дворов окружали его и замороженно глядели на его золотые зубы. Он мог, не закрывая рта и не переводя дыхания, ругаться в течение семи с половиной минут, специально проверяли по часам. Эта ругань звучала в Мишкиных ушах как волшебное заклинание. Он готов был вызубрить ее наизусть, так она ему нравилась.

Связь с Иваном ставила его на голову выше других ребят. Сверстники-мальчишки вскоре стали

смотреть на Михаила с таким же боязливым уважением, с каким он сам смотрел на Ивана. Матери запрещали своим детям дружить с Мишкой. Он гордился этим и ревниво поддерживал славу драчуна и забияки.

Мишка оказывал своему герою и повелителю множество мелких и крупных услуг. Он, например, прятал у себя под кроватью чемоданы и узлы, которые частенько приносил Иван... Поздно вечером раздавался стук в окно, Мишка вскакивал с кровати и с бьющимся от восторга сердцем принимал «товар».

Случалось также, что Мишка стоял на «стреме». Он стоял где-нибудь в воротах, притаив дыхание и зорко оглядываясь по сторонам, а Иван тем временем, обклеив газетной бумагой стекло квартиры на первом этаже, делал мягкое движение рукой, стекло лопалось и вынималось... Когда приближался проходжий, Мишка насвистывал.

Совесть его не мучила. Все, что делал Иван, было великолепно и здорово! Иван казался ему благородным, как Атос, дерзким, как д'Артаньян, и удачливым, как королева Марго... Свет померк для Мишки, когда Ивана арестовали. Он не плакал только потому, что считал это недостойным настоящего мужчины. Под кроватью и на чердаке еще хранились оставленные Иваном вещички. Что теперь с ними делать?

К своему величайшему изумлению, вскоре после ареста Ивана Мишка тоже очутился в районном отделе милиции, в кабинете у следователя и убедился, что следователю известно о нем все. Но откуда?

Мишка был потрясен. Он долго не верил в предательство Ивана, но тот на очной ставке сам ему сказал с кривой усмешкой: «Ладно, чего там...» Мишка, широко открыв глаза, долго смотрел на него и, наконец, решил, что только высшие, недоступные ему, но, несомненно, благородные соображения побудили Ивана во всем сознаться. Мишка перестал отпираться и рассказал следователю все, что знал. Однако следователь не стал отдавать Шибанова под суд, а ограничился тем, что вызвал Ивана Кузьми-

ча и предупредил его, что, если он срочно не займется воспитанием племянника, Мишка кончит плохо.

Дядька удрученно кивал и, вернувшись домой, с горя напился.

— Где мой ремень? — сказал он жалобно. — Мишка, стервец, поди сюда!

— Еще чего! — мрачно ответил племянник.

Больше дядька не делал попыток воспитывать Мишку, и их жизнь потекла по-прежнему. Иван Кузьмич проводил досуг преимущественно в пивной, а племянник снова бесцельно слонялся по улицам. Вернее всего, Мишка вскоре встретил бы другого Ивана и действительно плохо кончил, если бы дядька не устроил его в ремесленное училище. Мишка надел новенькую форму, почти такую же, как у моряков, черную шинель с серебряными пуговицами, черную фуражку с лакированным козырьком и, взглянув на себя в зеркало, решил, что все это не так уж худо. Можно поучиться немного в этом ремесленном, а если не понравится, недолго и сбежать...

Через неделю он уже твердо знал, что не сбежит. Ремесленное училище пришлось ему по душе. Сбежать было невозможно еще и потому, что он познакомился с Катей. Собственно, Мишка знал ее давно. Он видел Катю каждый день во дворе. Она играла в «веревочку» с подружками, этакая длинноногая, остроносая девчонка с большим ртом. Мишка не обращал внимания на Катю. Иногда, проходя мимо, он дергал ее за жидкую косичку или давал подзатыльник.

Теперь Катя училась в восьмом классе. У нее были прищуренные, насмешливые глаза и пушистые широкие брови, сросшиеся на переносице. Нос сделан был менее острым, губы стали пухлыми и розовыми, а на щеках появились ямочки. И косы ее уже никак нельзя было назвать жидкими. Толстые, тугие, они, как две черные змеи, спускались ей на спину. До чего же черными они были! Ни у одной девчонки Мишка не видел таких кос!

Встречая Катю по вечерам в переулке, Мишка с любопытством провожал ее глазами. Он презирал девчонок, но эта ему определенно нравилась. Она держалась свободно и независимо. На Мишку ни разу не посмотрела. А ему почему-то хотелось, чтобы она посмотрела... Наверно, он так бы и не решился подойти к ней, если бы не увидел, как она лихо прыгает на лыжах с трамплина. Это было в воскресенье. Мишка взял напрокат лыжи и отправился на берег реки. На льду с ним никто не мог соперничать, а с горок он слетал как на крыльях, с наслаждением ловя изумленные взгляды зрителей, которым казалось, что он вот-вот расшибет себе лоб.

Но прыгнуть как Катя Мишка бы не смог.

Минут десять он наблюдал за ней. Совершив очередной прыжок, она поднималась снова на трамплин. Присев, Мишка ринулся с горы ей навстречу и промчался мимо, задев ее краем шарфа и подняв тучу снега. Потом круто затормозил, взглянул вверх и зажмурился. Катя стремглав неслась прямо на него. Через секунду она должна была сбить его с ног, но в последний момент ловко свернула в сторону. Домой возвращались вместе.

Катя пренебрежительно смотрела на Мишку своими раскосыми черными, как бусины, глазами, но он чувствовал, что пренебрежение нарочитое. Он явно ее заинтересовал... Они подружились. Впрочем, дружба эта была довольно странная. Мишка ежеминутно грубил Кате, старался задеть ее побольнее. Она не оставалась в долгу, называла Мишку хулиганом и утверждала, что таких, как он, нужно изолировать от общества. Мишка посмеивался. Ему приятно было ужасать Катю. Он плел ей разные небылицы про себя, но Катя слушала его с язвительной усмешкой. Раз только, когда он назвал ее уродом, она вспыхнула и по-настоящему разозлилась.

Им обоим казалось, что они терпеть не могут друг друга, но каждый вечер почему-то они встречались или во дворе, или в переулке. Ходили на лыжах, катались на коньках, а когда настало лето, часами валялись на пляже, говорили колкости и игра-

ли в карманные шахматы, причем Катя неизменно обставляла Мишку.

Так продолжалось долго, целый год. И Мишка привык к тому, что вечером он увидит Катю. Он привык к ее насмешкам и к испытующему взгляду. Ему было очень важно, чтобы все, что он делает, одобрялось Катей. Когда она была им особенно довольна, шутки ее становились безобидными и даже ласковыми. И Мишка старался вести себя так, чтобы она всегда была такой. Он даже бросил курить, потому что табачный дым Катя не любила. И вдруг все прекратилось. Это случилось сразу, в один день и без всякой причины. Катя не рассердилась на Мишку, никуда не уехала, не заболела. Она просто перестала с ним встречаться. Мишка по-прежнему поджидал ее во дворе, но она не появлялась. Через две недели он позвонил ей; она скучающим голосом ответила, что поступила учиться в техникум и очень занята.

— Ты думаешь, я страдать буду? — спросил Мишка. — Наплевать мне. Подумаешь!

Через два часа он почувствовал, что огорчен, а через три уже изнывал от тоски. Катя была ему необходима, он ненавидел себя за эту недостойную слабость, но ничего не мог с собой поделать.

Он решил продемонстрировать ей свое презрение, взял у приятеля новый костюм, галстук, шляпу и несколько вечеров подряд прогуливался под ее окнами с Настей Тимошиной, которая училась в одной группе с Мишкой в ремесленном. Настя млела, громко дышала и закатывала круглые, глупые глаза. Мишке очень хотелось стукнуть ее по затылку, чтобы она перестала кривляться, но он хмурился и терпел. Катя должна была понять, что она для него ничто.

Однако Кате это было все равно, и Мишка загрустил всерьез.

Он встретил ее на улице. Она, сухо кивнув, поспешно прошла мимо. Мишка не мог понять, что произошло.

Случай раскрыл ему глаза. Вечером возле кино-

театра он увидел Катю. Рядом с ней стоял Аркадий Трайнин, парень с их улицы, толстенький, румяный, в кожаной куртке. Он что-то быстро говорил Кате, рассыпая слова как горох. Мишка прислушался. Слова были умные: «сопромат, как ни удивительно, очень эмоционален», «со стороны нашего пророка и прорицателя все это было весьма симптоматично». Мишка таких слов никогда не произносил. Он даже не знал, что такое «сопромат» и что такое «симптоматично», а из румяного парня слова сыпались, как из худого мешка. Катя слушала его внимательно. В глазах ее было уважение. На Мишку она никогда так не смотрела.

Лучше всего было бы уйти, но Мишка купил билет в кино. Когда в зале погас свет, он своими глазами видел, как парень взял Катю под руку и принялся что-то шептать.

— Эй вы! Нельзя ли потише! — громко сказал Мишка и ушел, не досмотрев фильма. Он был потрясен предательством Кати.

Недели через две Мишка снова встретил Катю с Аркадием. Подумать только, что это был тот самый Аркашка, который несколько лет назад при виде Мишки шарахался в сторону и старался поскорей скрыться в подъезде. Сколько раз Мишка просто так, в шутку, вываливал его в снег или толкал в лужу! Аркашка был кругленький, спокойный и очень вежливый. Он не плакал, не молил о пощаде, а только спрашивал с недоумением: «Ну, зачем это?» Надо же так случиться, что именно его, этого ничтожного человека, гордая Катя предпочла Мишке! Это было просто оскорбительно.

Прошло несколько месяцев, и Мишкина рана постепенно зажила, но не совсем, потому что строительный техникум, где теперь училась Катя, находился напротив ремесленного училища, и Мишка каждый день видел в окно, как Катя выходила на улицу к Аркашке, поджидавшему ее у фонарного столба.

Как хотелось Мишке выскочить на улицу и сказать Аркашке все, что он о нем думал! А может быть, и не только сказать... Но он сдерживался. Это

ничего не изменит. Катя все равно больше никогда не пойдет с Мишкой на каток и на пляж. Она будет ходить с Аркашкой. Ничего тут не поделаешь. А мстить Мишка не хотел. Это как-то не соответствовало его понятиям о мужской чести. Кроме того, Аркашка, собственно говоря, не был виноват в том, что понравился Кате. Это окончательно обезоруживало Мишку. Он ненавидел Аркашку. Ненавидел за румяные щеки, за умные слова и вежливый прищур глаз. За кожаную куртку и скрипящие остроносые полуботинки. Но ничего не мог сделать. Ничего!

Мишку выпустили из училища слесарем пятого разряда. Дядька устроил его на завод, в механический цех, где сам работал мастером вот уже со-рок лет.

Завод Мишку ошеломил и покори́л. Нельзя сказать, чтобы ему особенно нравилась его профессия. Честно говоря, он предпочитал бы работать чертежником или в крайнем случае — электриком, — ходи себе в синем халате и подкручивай пробки. От тяжелых напильников у него болели руки.

Но цех — свой огромный, со стеклянным потолком цех — он полюбил. Он с удовольствием вдыхал воздух, пахнувший нагретым маслом и металлической пылью. Ему было приятно чувствовать себя впервые нужным человеком, человеком, от которого зависит выполнение плана. Он с достоинством выслушивал замечания мастера и, если находил нужным, солидно и спокойно возражал ему. Мастер выслушивал Мишку с полным вниманием, как равного по опыту и умению. Это тоже нравилось Мишке. Он работал старательно и, вынимая из-под резца новенькую, сверкающую деталь, испытывал радость, хотя вряд ли отдавал себе в этом отчет. Просто у него было хорошее настроение. Он напевал или насвистывал сквозь зубы, когда размеры детали в точности совпадали с чертежом... С ребятами в цехе Мишка близко не сошелся, друзей не завел, но чувствовал, что стал «своим». Если бы он утром не пришел на завод, это не осталось бы незамеченным. Сознать это было лестно.

О Кате Мишка вспоминал все реже. Но Катя сама про него вспомнила. Осенью она пришла к Мишке в гости. Вечером, после работы.

Он только что переоделся и брился, поставив перед собой на стол круглое зеркало. Брить, правда, было нечего, но он хотел заставить расти поскорее бороду и усы. Катя вошла не постучав. Мишка вскочил, рукавом вытер с подбородка мыльную пену и растерянно сказал:

— Привет!

Катя неловко улыбнулась и каким-то не своим голосом ответила:

— Зашла тебя навестить.

— Садись, — предложил Мишка, понемногу приходя в себя.

— А может, лучше пройдемся?

— Ну что ж, пройдемся, — солидно согласился Мишка, скрывая радость.

На улице Катя посмотрела на часы и сказала:

— Собственно, можно было бы сходить в кино. У меня есть два билета. Ты смотрел «Дело Румянцева»?

— Нет, — соврал Мишка.

Они отправились в кинотеатр. Мишка искоса поглядывал на Катю. Она стала совсем взрослая девушка. На ней была юбка колоколом и красные туфельки на каблуках-иглолочках. Косы она остригла и была похожа на растрепанного мальчишку. У нее стали какие-то особенные губы. И на смуглых щеках появился нежный пушок. Раньше его не было. Но, возможно, Мишка раньше его не замечал.

Они сидели в темном зале. Мишка смотрел не на экран, а на Катино ухо, шаловливо выглядывавшее из-под черной прядки волос. От Кати пахло духами. Мишка терпеть не мог духов, но эти были необыкновенно приятными. Катю как будто что-то тревожило. Она хмурилась и вздыхала.

Потом долго бродили по улицам. Катя рассеянно говорила о техникуме, об отце-полковнике, который скоро должен был уйти в отставку. Мишка что-то несвязно бормотал в ответ. Об Аркашке Катя не

вспоминала, а Михаил ее не расспрашивал. Посидели минут сорок в пустом скверике на мокрой скамейке. Чтобы Кате не было сыро, Мишка подстелил свою черную шинель, которую носил со времен ремесленного училища. Катя, ежась, оглядывалась по сторонам.

— Тебе холодно? — спросил он.

— Да, — ответила Катя уныло.

К скамейке подошел какой-то парень и изумленно сказал:

— Ты здесь?

Это был Аркашка Трайнин. Он вытянулся, стал выше Мишки. На нем был черный блестящий плащ и модная ворсистая шляпа. Не обращая на Мишку внимания, он потянул Катю за руку.

— Куда ты пропала? Я пришел к техникуму ровно в восемь часов. Меня задержали на бюро, я никак не мог раньше!

— На бюро? — с надеждой переспросила Катя.

— Ну конечно! Ты совсем замерзла... Пойдем!

Он обнял ее за плечи, Катя повернулась к Мишке, виновато улыбнулась, хотела что-то сказать, но Аркашка потянул ее за руку, и она пошла с ним.

С минуту Михаил не шевелился. Потом медленно вытащил из кармана портсигар, но так и не вынул из него папиросу. Он не знал, для чего бежит за Аркадием и Катей. Просто нестерпимая обида сдавила горло.

Догнав их уже на улице, преградил Аркадию дорогу и задыхающимся голосом крикнул:

— Ты!.. Что тебе надо?!

— Это я могу спросить, что тебе надо! — сердито ответил Трайнин. — Иди-ка, брат, своей дорогой.

Катя потупилась... Застонав от ненависти к самодовольному Аркашке, от жгучего презрения к себе, Мишка размахнулся и ударил Трайнина кулаком по лицу. А в пальцах у него был зажат тяжелый сталь-

ной портсигар. Он совсем забыл о нем. Этим тяжелым портсигаром он рассек Аркадию бровь...

Трайнин, громко вскрикнув, закрыл лицо руками, между пальцами потекла кровь. Улица была людной, собрался народ... Кто-то крепко взял Мишку за плечо. Опомнился он в милиции.

— Приятная встреча, — сказал следователь Хорьков — тот самый, который уже однажды допрашивал его. — Я не сомневался, что мы еще увидимся...

Аркадий скоро выздоровел, но Мишку судили за хулиганство и дали ему два года.

Его наказали бы гораздо строже, если бы не Катя. Она выступила на суде и сказала, что во всем случившемся нужно винить только ее одну. В зале было полно людей, все смотрели на Катю с любопытством. В первом ряду сидел Катин отец и укоризненно покачивал седой головой. Катя говорила так громко, словно хотела, чтобы ее услышали на улице.

— Вы его простите, пожалуйста. Наказывать нужно меня, а не его... Я сама к нему пришла, позвала сама... Я поступила очень плохо, подло... — Катя задохнулась, но справилась с собой и твердо закончила: — Главное, пострадавший Трайнин не имеет к Шибанову никаких претензий. Пусть сам скажет.

Пострадавший Трайнин подтвердил, что действительно претензий не имеет. Ничего особенного не случилось. Но судья был иного мнения и приговорил Мишку к заключению в исправительной колонии.

Вернувшись через год и два месяца из колонии, Мишка нашел своего дядьку Ивана Кузьмича в состоянии сильнейшего уныния. Он постарел, обрюзг, глаза были жалобными.

В комнате, где они жили, от обстановки остались лишь железная кровать да полуразвалившийся комод. Сели к столу. Дядька, виновато посмотрев на племянника, достал из комода бутылку «перцовки» и сказал:

— Не осуждай, брат, меня. Одолела она, проклятая!

— Все пьешь? — угрюмо спросил Мишка. — Спишь-то на чем? Прямо на железной сетке? Простыню с подушкой загнал?

— Загнал, — горестно ответил Иван Кузьмич. — Что я могу поделывать, если у меня такая линия? Вот теперь ты вернулся, я брошу. Это последняя, ей-богу.

Мишка вздохнул. Ему не хотелось оставаться здесь. В колонии он научился ценить простые житейские радости: окно без решетки, собственную кровать, возможность ходить куда хочется. Он твердо решил пользоваться этими радостями и больше не портить свою жизнь. Новую жизнь следовало начинать на новом месте. Но бросить дядьку на произвол судьбы Мишка не мог. Иван Кузьмич в свое время сделал ему много добра. Забывать об этом было подло. И Мишка скрепя сердце остался в комнатке с голыми стенами, хотя мог бы устроиться в общежитие. Но ему было жалко дядьку, и он, ворча и ругаясь, ухаживал за ним, как за ребенком.

Иван Кузьмич пришел на завод до революции, когда не было каменных цехов и двора, залитого асфальтом. В полутемном сарае изготавливались плуги и бороны. Два года Иван Кузьмич был учеником, подметал полы и во время обеда бегал в лавку за пивом для слесарей. Потом ему доверили напильник. Иван Кузьмич строил завод, сам выросл вместе с заводом, на заводе взял жену — застенчивую девочку-подсобницу. Она умерла во время родов... От завода Иван Кузьмич получил комнату, после смерти сестры взял к себе племянника, чтобы одному не было так тоскливо, и зажили они вдвоем. Один подрастал, другой седел.

Ругали Ивана Кузьмича за пьянство, но жалели. Мастер он был золотой, да и деваться человеку некуда. Не увольнять же. Без завода ему окончательная гибель.

К тому же начальник цеха Балашов четырнадцать лет назад был у Ивана Кузьмича учеником, а директор завода во время войны вместе с Иваном Кузьмичом был на приеме у Калинина, и Михаил Иванович вручил им обоим ордена за отличное обе-

спечение фронта боеприпасами. Давно не носил свой орден Иван Кузьмич: стыдился, понимал, что жизнь, которую он вел, была несовместима с высокой наградой; надел этот орден старый мастер лишь в то утро, когда отправился в отдел кадров просить за племянника, чтоб приняли того обратно на завод. Вернувшись, дядька сказал Мишке: «Ступай, не обидят», а сам отвинтил орден от пиджака и снова спрятал.

Мишке не хотелось возвращаться на завод. Он хотел бы работать там, где никто не знал о его прошлом. Но начальникам отделов кадров было неизвестно, что Мишка решил начать новую жизнь. Из его документов они видели только то, что он побывал в тюрьме. Целый месяц он никуда не мог устроиться. Ему всюду отказывали под разными благовидными предлогами. В райисполкоме посоветовали идти туда, где работал раньше. «Там вас обязаны принять!» — объяснили Мишке. И он скрепя сердце попросил дядьку замолвить за него словечко... Начальник отдела кадров долго рассматривал справку об освобождении, затем взял Мишкино заявление и пошел в партбюро. Вернувшись, сказал:

— Ты погуляй, Шибанов, хорошо? Нужно сообразить, в какой цех тебя пристроить. Зайди через часок.

Гулять Мишке не хотелось. Он решил пока пообедать и зашел в заводскую столовую. Взяв на раздаче тарелки с борщом и котлетами, Мишка направился к свободному столу.

Как только он сел, за его спиной раздался удивленный возглас:

— Гляди-ка! Мишка!

Шибанов оглянулся и едва не выронил ложку. Перед ним стояла Катя.

Она пополнела, сделалась солидной и совсем взрослой. Ее черные волосы были гладко причесаны, одета она была в темное шерстяное платье с кармашками на груди. Той девочки, которую знал Мишка, больше не существовало. Теперь ее и называть-то Катей было неловко. Рядом с ней стоял Трайнин. Он

не изменился. Был такой же, как и прежде, аккуратный, весь какой-то подобранный, сдержанный и вежливый.

— Здравствуй, — сказала Катя, и на щеках у нее появился румянец. — Значит, ты вернулся?

— Как видишь, — Шибанов придвинул тарелку, пытаюсь скрыть растерянность. Руки у него дрожали.

— Как я рада, что все кончилось хорошо! — продолжала Катя. — На заводе будешь работать? Уже оформили? Поздоровайся же с ним, Аркаша.

— Здравствуйте, — кашлянув, произнес Трайнин. Мишка не ответил, даже не взглянул в его сторону.

— Почему ты молчишь? — тихо спросила Катя. — Неужели сердисься до сих пор? Пора забыть старое, ведь мы были детьми.

Мишка снова промолчал, хотя ему хотелось сказать: «Тебе очень просто — взять и забыть. И я бы с удовольствием забыл. Да мне об этом четырнадцать месяцев напоминали».

Он не стал вступать с ней в спор. И Катя сама, кажется, поняла, что сказала что-то не то: она покраснела и, закусив губы, оглянулась на Аркадия. Тот вежливо улыбнулся, но в его глазах застыли нетерпение и скука.

Отодвинув тарелку, так что борщ выплеснулся на клеенку, Михаил встал и вышел из столовой. Он решил забрать из отдела кадров свое заявление. Лучше еще раз попытаться устроиться в другое место. Надо действительно забыть все старое. Не сошелся же свет клином на этом заводе! Но в отделе кадров ему сказали, что он принят на работу. В последний момент Мишка сообразил, что не следует испытывать судьбу. Неизвестно, сколько бы еще пришлось слоняться по приемным. А здесь он через две недели уйдет получит честно заработанные деньги...

Мишку зачислили в механический цех к дядьке на участок. Никто не вспоминал прошлое, не косился. И он очень скоро убедился, что поступил совершенно правильно. Приятелей у него и раньше не было, а теперь он хотел только одного: чтобы его оставили

в покое. Что касается Кати, то, хотя Михаил и встречался с ней довольно часто, эти встречи не мешали ему жить. Он сперва решил, что Катя вышла за Аркадия замуж, но потом узнал, что они еще только собираются пожениться — после того как Аркадий получит комнату в новом доме... Пускай женятся. Михаилу это было совершенно безразлично...

Он не искал встреч с Катей. Он даже не думал бы о ней, если бы она сама о себе не напоминала. Катя окончила техникум и работала прорабом в отделе капитального строительства.

Она ходила в начальниках — была членом заводского комитета комсомола, ее все знали. Михаил не был комсомольцем, и то, что Катя член комитета, его не касалось. Но она почему-то с первого дня упорно искала с ним встречи. Во время обеденного перерыва она являлась в цех, разыскивала Мишку и начинала с ним разговаривать о всякой чепухе. Она спрашивала, хочет ли он посещать политкружок? Нет? Так, может, он желает учиться на курсах шоферов-любителей? Тоже нет? А как он вообще проводит время после работы? Если он хочет, Катя поможет ему поступить в вечернюю школу. А сколько он заработал денег за месяц? И как их собирается тратить? Хватает ли ему?

Михаил коротко отвечал на ее вопросы. Разговор с ней тяготил его. Он не смотрел на Катю и всем своим видом показывал, что не нуждается в ее заботах.

Но Катя словно не замечала его холодности. Конечно, Мишка в принципе ничего не имел против того, чтобы представитель комитета комсомола о нем заботился, такое внимание было ему даже приятно, но лучше бы приходил кто-нибудь другой. Слишком уж частые посещения Кати сбивали Мишку с толку. Не может быть, чтобы она тратила на него столько времени лишь из воспитательных соображений. Наверно, считает, что Мишка попал в тюрьму из-за нее и пытается таким образом загладить свою вину... Но Катя вовсе не выглядела виноватой. Она смеялась, шутила и даже поддразнивала Мишку. Очевидно,

дело было не в этом. Но в чем же? Наверно, она просто поссорилась со своим Аркашкой и хочет ему отомстить, как тогда, полтора года назад. «Ну, нет, — сказал себе Шибанов, — теперь ей этот номер не пройдет... Стреляного воробья на мякине не проведешь!»

Несколько дней он разговаривал с Катей подчеркнуто официальным тоном, но она не прекратила посещений, и Михаилу пришлось отказаться от своего предположения. В конце концов он решил, что не стоит ломать над этим голову.

Если ей нравится, пусть ходит, нечего даже думать о ней.

Но он думал о Кате и радовался, видя ее, хотя и не признавался себе в этом.

В общем Мишка был бы вполне доволен тем, как складывалась теперь его жизнь, если бы она не была омрачена неожиданной встречей. Разве ожидал он, что еще когда-нибудь увидит Ивана? О том времени, когда он был влюблен в Ивана, Шибанов вспоминал со злой усмешкой. В колонии он понял, на какие дешевые приемы ловят дурачков люди, подобные Ивану. Иван для Михаила был мрачной тенью прошлого, о которой даже не хотелось вспоминать. Но эта тень оказалась вполне осязаемой и снова напомнила о себе в тот момент, когда Михаил меньше всего был к этому подготовлен...

Однажды после работы он остановился возле пивного ларька. День был жаркий, Мишке хотелось пить.

Кто-то положил руку ему на плечо. Обернувшись, Мишка увидел Ивана.

Иван не то чтобы постарел, а как-то поистерся. Лицо его сморщилось, нос покраснел и заострился, но одет он был с иголки: в модном сером пальто, узких брюках, шляпе — ни дать ни взять инженер или артист.

— Здорово, — ошеломленно пробормотал Мишка, понемногу приходя в себя и пытаясь сообразить, к чему может привести эта встреча, но мысли его мешались.

Иван смотрел на него спокойным, оценивающим взглядом, видимо обдумывая, как вести себя дальше. Через секунду его лицо стало приветливым, а на губах появилась радостная улыбка. Увидев эту улыбку, Мишка нахмурился. Он достаточно знал Ивана и почувствовал, что тот решил извлечь из их встречи максимальную пользу. «Осторожно, брат, — сказал он себе с тревогой. — Осторожно, брат Мишка! Как бы тебя опять не взяли на аркан. Руки у этого типа длинные. Беги-ка ты отсюда, пока не поздно!»

— По такому случаю надо выпить, — весело сказал Иван, продолжая улыбаться. — Большой суммой я, правда, не располагаю, но все, что у меня есть, мы разделим пополам. Как раньше. Помнишь, сколько раз я тебя выручал?

«Начинается, — с тоской подумал Мишка. — Сейчас скажет, что я у него по уши в долгу!»

— Мне некогда! — собравшись с духом, пробормотал он.

Но Иван уже протягивал продавцу деньги. Они выпили по две кружки пива.

— Верно я слышал, что ты попал на полтора года? — спросил Бушуев. — Где отбывал?

— Знаешь, Иван, давай потом поговорим, — решительно сказал Мишка. — У меня дядька заболел, домой надо...

— Может, тебе гроши нужны? Если что, скажи, не стесняйся. Это для меня не проблема. — Иван подождал ответа, искоса глядя на Мишку, но тот, переступая с ноги на ногу, нетерпеливо глядел в сторону.

— Ну, будь здоров! — сказал Иван, подумав. — Не буду тебя задерживать. На днях загляну к тебе с друзьями. Ребята свои. Яшка Малышев и Васька Зюзин. В наше время ни на кого нельзя положиться, но с ними можно в огонь и в воду. Товарищу готовы последнюю рубашку отдать. Они тебе понравятся. Яшка агент по снабжению, а Вася где-то вкалывает по научной части.

Михаил пробормотал что-то в ответ, но Иван сделал вид, что не заметил его хмурой мины. В пригла-

шении он не нуждался. У него были на Мишку свои виды, и он шел к своей цели, меньше всего думая о том, нравится это Мишке или нет. Пожав ему руку, он удалился.

Несколько дней Мишка бродил как в воду опущенный. Он хорошо понимал, что встреча с Иваном не сулит ему ничего, кроме неприятностей, но не знал, как от него отделаться.

В воскресенье Иван появился в Мишкином дворе в сопровождении Яшки и Васьки Зюзина.

Они стояли рядом с ним, передвигая языком во рту мокрые сигарки и поплеывая на асфальт. С первого взгляда Мишка понял, что это за люди, и сердце его тоскливо сжалось. Прошное наступало на него, готовя ему западню, но он, стиснув зубы, дал себе слово, что не попадется в нее...

— Очень приятно познакомиться, — протяжно произнес Яшка.

Это был парень лет двадцати шести, с толстой круглой физиономией, на которой, словно пуговица, торчал нос; Яшка был среднего роста, с рыжеватыми, как будто мокрыми, гладко прилизанными волосами и крохотными светло-голубыми глазками. На нем были надеты коричневый костюм, белая рубашка с отложным воротником и сапоги с низко опущенными и вывернутыми подкладкой кверху голенищами... Васька Зюзин привлекал к себе внимание сразу. Он был настолько выше всех нормальных людей, что, казалось, будто он на ходулях. У него была маленькая круглая голова, розовые большие уши и глаза, скрытые под толстыми стеклами очков. Эти очки странно выглядели на его сонном и туповатом лице... Яшка Малышев и Васька Зюзин совсем не подходили друг на друга, но все же между ними было что-то общее. Оба при ходьбе волочили ноги, почти никогда не вынимали из карманов рук, смотрели исподлобья и каждую минуту сквозь зубы сплевывали на мостовую. Но когда им не хотелось привлекать к себе внимания, они умели держаться так же, как все остальные люди.

Васька и Яшка внимательно и оценивающе раз-

глядывали Мишку, точно прикидывая, годится ли он для той роли, которую они решили ему отвести. Михаилу стало не по себе от их откровенно заинтересованных взглядов.

— Ну, заходите, что ли, — буркнул он.

Появилась водка. Мишке пришлось поставить на стол стаканы. Иван к водке едва притронулся. Все трое усиленно подливали Михаилу, но он был насто-роже и почти не пил.

Через неделю дружки явились снова. На этот раз Михаил сам сбегал за водкой. Он не хотел оставаться у Ивана в долгу. Он прекрасно понимал политику Ивана: сначала связать по рукам и ногам выпивкой, деньгами, угощениями, потом дать небольшое поручение, а там от них уже не отделаешься.

— Вот что, хлопцы, — собравшись с духом, сказал Мишка, когда водка была выпита, — вы ко мне не ходите. Дядька мой, Иван Кузьмич, человек нервный, гостей не любит, а хозяин тут он, а не я.

Зюзин прищурился и сжал кулаки, но Иван толкнул его локтем и укоризненно сказал Мишке:

— Мое добро, я вижу, ты забыл, но я старых долгов с тебя требовать не стану. От друзей отказываться не спеши, мы еще тебе пригодимся.

После того вечера Васька Зюзин и Иван Бушуев резко переменили тактику. Они больше не пытались вовлечь Мишку в свои дела, но и не оставили его в покое. При каждом удобном случае они старались «выставить» его на десятку-другую... Васька и Иван подстерегали Шибанова у заводских ворот, являлись к нему во двор, как бы случайно встречали на улице. Иногда с ними бывал Яшка, исполнявший роль добровольного лакея. Зажав в кулаке деньги, он со всех ног мчался в магазин, разливал водку в стаканы, возился с закуской, а сам пил лишь тогда, когда его угощали. Мишка не мог отказаться. Он безропотно доставал из кармана деньги, помня слова Ивана о «старых долгах». Нет, все что угодно, только не быть у него в долгу! После таких выпивок Мишке частенько приходилось обходиться без обеда, но и с этим он как-нибудь смирился бы. Гораздо хуже

было то, что заводские ребята, встретив его несколько раз с Бушуевым и Зюзиным, стали на него коситься. «Да поймите же, я с ними ничего общего не имею!» — хотелось крикнуть Мишке. Но крикнуть так он не мог, потому что не знал, как объяснить свое поведение товарищам по цеху. Он уже не испытывал прежней радости, входя по утрам в цех, а после гудка не спешил домой. Он стал одиноким среди множества людей и не мог их винить за то, что они не желали иметь с ним дела.

Уж очень дурная слава была у Бушуева и у Зюзина. Все скандалы, драки, пьяные дебоши были так или иначе связаны с их именами. Случавшиеся время от времени кражи и ограбления молва также приписывала им. В очередях домохозяйки под большим секретом рассказывали друг другу о том, что в парке появилась таинственная банда «червонных валетов». Главарь банды — долговязый Зюзин, «очкарик»; бандиты отбирают у военных оружие, снимают с прохожих золотые часы, присылают на дом письма с требованием положить в условленные места крупные суммы денег. Милиция, шептались домохозяйки, несколько раз устраивала облавы, но никого не поймала, а, как известно, непойманный — не вор... Если в этот момент в магазин входил, заложив руки в карманы и пошатываясь, Васька Зюзин, опухший после очередной выпивки и жаждущий опохмелиться, очередь испуганно замолкала. Зюзин беспрепятственно подходил к прилавку и, швырнув продавцу комок слипшихся денег, величественно удалялся с бутылкой.

Почему же им все сходило с рук? Разве мало в районе было здоровых и смелых ребят, могущих дать им отпор? Конечно, в таких людях в районе не было недостатка. Но Зюзин и Бушуев обходили их стороной. Они знали, с кем можно связываться, а с кем нельзя. Они тщательно изучали обстановку, прежде чем затеять драку, и нападали только на слабых, и только в том случае, если их было трое против одного. Им помогал страх. Тот самый страх, который разъединяет людей перед общей опасностью.

Зюзин, Бушуев и Малышев с первого взгляда умели распознавать в своих противниках этот страх и, в свою очередь, боялись тех, кто не боялся их.

Их сообщниками были равнодушные, нерешительные, трусы.

На всех троих в районном отделе милиции у следователя Хорькова были заведены «дела». Он ожидал только удобного случая, чтобы отдать их под суд. Пока же в его распоряжении не было достаточно веских улик, не имело смысла привлекать их к уголовной ответственности. Они сумели бы выйти сухими из воды, а Хорьков хотел действовать наверняка. Он собирал о них сведения и, встречая на улице Зюзина или Бушуева, небрежно спрашивал:

— Ты еще на свободе? Ну, гуляй, гуляй последние деньки.

— Что вы, гражданин начальник! — оскорблялись те. — Я ничем таким не занимаюсь. Можете проверить.

Так эти люди и жили: без дома, без семьи, без друзей, в вечном страхе за свою шкуру, без будущего и без прошлого, ненавидимые и презираемые всеми. Невеселая у них была жизнь.

Неужели же и Мишке жить такой жизнью?

* * *

...Было уже очень поздно. Михаил закоченел. Повсюду погасли огни, застывшие трамваи и троллейбусы были засыпаны снегом. Редко-редко проносилась мимо машина... Подняв воротник пальто, Шибанов свернул в свой переулок, пересек пустынный белый двор и достал из кармана ключ.

Дядьки не было дома. Мишка чертыхнулся. Опять явится поздней ночью. Придется вставать и возиться с ним.

Сходяв на кухню, Шибанов вскипятил чайник, но не успел налить в чашку кипятка, как раздался треск, дверь распахнулась и в комнату, пошатываясь, ввалился Иван Кузьмич.

Мишка помог дядьке вылезти из пальто. Пиджак на нем был расстегнут, рубашка порвана. Он виновато смотрел на племянника и пытался что-то сказать, но язык его не слушался. Мишке было жалко дядьку. Глаза у того заплыли, дышал он прерывисто, с трудом... Сердце у Ивана Кузьмича было уже не молодое, и после выпивок он выглядел очень неважно.

У Мишки защемило в горле. «Эх ты, бедолага!» — подумал он, раздел Ивана Кузьмича, уложил его в кровать и улегся сам, так и не выпив чая.

Он долго не мог уснуть. Глядел на стены с порванными обоями, на пыльные занавески, на грязный, заплесанный пол и думал о том, что живет он неважно, неинтересно, совсем не так, как следовало бы жить человеку в девятнадцать лет... Но как нужно жить, Мишка не знал.

3

Тридцать первого декабря 1958 года токарь четвертого разряда Димка Зорич понял, что он трус, достойный презрения всех порядочных людей.

Роман Гаевой выучил Димку специальности токаря. Димка работал изо дня в день рядом с Романом, Роман был его лучшим другом. Роман самый справедливый, умный, добрый и смелый человек на свете. Он уважал Димку. Он говорил, что Димка настоящий парень. Он доверял Димке. А Димка самым подлым образом покинул его в беде! Димка не бросился на помощь, не закрыл Романа грудью. Разве можно после этого смотреть в глаза людям?

Димке казалось, что все знают о его подлости и показывают на него пальцами. Он боялся смотреть на прохожих, даже на кондуктора в трамвае... Он хотел сесть рядом с Романом в карету «Скорой помощи», но его не пустили. Пришлось на ходу прыгнуть в трамвай. Пассажиров было мало, но Димка остался на площадке, чтобы не попадаться людям на глаза... Легче от этого ему не стало. Нельзя спрятаться от самого себя.

Что же ты, Димка? На поверку-то, выходит, ты оказался барахлом!

А еще сочинял письма в Академию наук с просьбой отправить в первой ракете на Марс или в крайнем случае на Луну... Упрашивал секретаря райкома комсомола дать путевку на целинные земли... Хороший бы вышел из тебя космонавт или целинник, нечего сказать!..

Димка пришел на завод после того, как ему не разрешили поехать на целину, твердо решив, что все равно найдет для себя дело, достойное настоящего мужчины.

...Он верил, что в самом скором времени станет известным рационализатором и ударником. Каждое утро, включая станок, он волновался. Что, если именно этот день будет решающим в его жизни? Но день проходил, не принося с собой изменений, и заводской художник не выводил кистью Димкину фамилию на очередной «молнии».

Не такой уж большой была дневная норма, но Димка никак не мог ее выполнить... Он с восхищением и завистью смотрел на легкие и точные движения Романа. Детали в руках у Романа выглядели невесомыми — Димке они казались тяжелее свинца.

Грустно и стыдно было сознавать себя неловким и неумелым, у Димки руки опускались, он мрачнел и косился на станок, как на врага, но Роман убеждал его, что все идет как положено. Со временем из Димки выйдет первоклассный токарь. Все еще впереди... Но вот сегодня стало ясно, что впереди ничего нет, кроме позора. Димка просто-напросто жалкий трус!

Он поступил бесчестно. Значит, точно так же он поступил бы и в других таких же сложных и тяжелых обстоятельствах, например на фронте. Или в космическом корабле... Димка застонал, и молоденькая кондукторша покосилась на него.

В приемном покое пахло лекарствами. Блестел гладкий кафельный пол. Мимо Димки проходили люди в белых халатах. Они вели себя спокойно, как будто ничего не произошло, а некоторые даже улыбались и о чем-то вполголоса разговаривали. Ждать

пришлось долго. Рядом на скамейке всхлипывала Лариса. Димка попытался заговорить с ней, но она не ответила. Конечно, ей рассказали, как он вел себя в клубе. Она презирует Димку... Наконец появился хирург. Он сказал:

— Рана не опасна. Не волнуйтесь. Можете отправляться по домам.

Лариса покачала головой и снова села на скамейку. Вместе с ней Димка просидел в больнице до утра.

На рассвете дежурная сестра молча взяла его за руку и вывела на улицу.

— Домой немедленно! — строго сказала она,правляя воротник на Димкином пальто. — Мать-то, наверно, все милиции обзвонила.

Лариса осталась в приемной.

Не желая будить мать, Димка еще часа два слонялся по улицам. Солнце стояло уже высоко, когда он, наконец, отправился домой.

Мать даже не ложилась. Окно было завешено шторой, на письменном столе горела настольная лампа. Вера Сергеевна печатала на машинке.

— Ты из-за меня не спала? — тихо спросил Димка, остановившись в дверях. — Я ужасная скотина. Я обязан был тебя предупредить.

— Почему из-за тебя? — сказала Вера Сергеевна, продолжая печатать. — Просто я взяла работу на дом. Я же знала, что ты встречаешь Новый год... Ты уже взрослый и можешь бывать там, где находишь нужным.

Вера Сергеевна считала, что лучший метод воспитания — доверие. Она не осуждала Димку, когда он бросил школу и поступил на завод. Ей хотелось, конечно, чтобы сын получил образование, но она понимала, что Димка решил поскорее стать самостоятельным, и не собиралась насильно усаживать его за книги. Она верила, что со временем он сам поймет необходимость ученья. Всю ночь Вера Сергеевна места себе не находила от беспокойства. Впервые Димка не ночевал дома. Она с трудом дождалась

утра. Но теперь, когда выяснилось, что он жив и здоров, совсем не обязательно ему знать о ее страхах.

Не отрываясь от машинки, Вера Сергеевна сказала:

— Завтрак на кухне, в кастрюле. Сходи подогрей.

Она ни о чем не спрашивала. Сын расскажет сам, где был.

Ненавидя себя, Димка побрел на кухню. В коридоре он встретил соседку Раису Юрьевну с измятым спросонья, желтым лицом. В ее жидких волосах торчали бумажные папильотки.

— Шатаются по ночам! — буркнула Раиса Юрьевна, толкнув Димку.

Он с недоумением посмотрел ей вслед. Димка никак не мог привыкнуть к характеру Раисы Юрьевны, хотя жил рядом с ней уже восемь лет. Соседка в общем-то была тихой и доброй. Она угощала Димку вкусными пирожками и поила его вкусным, каким-то особенным чаем, но иногда ею овладевало беспричинное раздражение, и тогда она ссорилась со всеми.

Поставив кастрюлю на огонь, Димка сел на табурет и вздохнул. Ему стыдно было смотреть на Раису Юрьевну, на мать, на незнакомых людей, встречавшихся на улице. У него было такое ощущение, будто он подло обманывает их всех. Они верят ему, считают его порядочным человеком, а он просто предатель. Услышав ласковый голос матери, Димка чуть не заплакал от стыда. И даже сердитый окрик Раисы Юрьевны был слишком хорош для него. Если бы она узнала о его поступке, она бы просто не взглянула в его сторону, сочла бы недостойным для себя даже обратиться к нему...

Шаркая тапочками, в кухню вошел супруг тети Раи — Леонид Максимович Клычко, директор универсального магазина, атлетически сложенный, широкоплечий мужчина лет пятидесяти, с насмешливыми, умными глазами и красивой сединой на висках.

Он редко улыбался, но в уголках его губ пряталась ироническая усмешка. Димке очень нравился Леонид Максимович. Он хотел бы стать вот таким

сдержанным, строгим. Короче говоря, настоящим мужчиной. Но это было не так-то просто.

Леонид Максимович очень прилично играл в шахматы. Как-то он выиграл у Димки одиннадцать партий подряд. Самым обидным было то, что играл Клычко без всяких правил, понятия не имел о дебютах и все же легко обставлял Димку. Димкина гордость была уязвлена. Он дал себе слово научиться играть как следует. Изучал теорию, анализировал партии гроссмейстеров, но странное дело — как только садился за доску, все выученное им, красивейшие комбинации, почему-то мгновенно забывались.

— Привет, сосед! — бодро сказал Клычко и подмигнул Димке.

Тот съезжился на своем табурете и пробормотал, не поднимая головы:

— Здравствуйте.

— Что с тобой? — удивился директор магазина. — Заболел, что ли?

Димка не ответил. Он не мог заставить себя поднять глаза.

Леонид Максимович скрылся в ванной комнате.

Он долго плескался там, фыркал, потом наступила тишина. Через полчаса сосед вышел из ванной, и Димка занял его место. Умываясь, он заметил возле стены три ящика, поставленных друг на друга и наглухо забитых гвоздями. «Интересно, что в них?..» — удивился Димка, но тут же забыл про ящики, вернее отогнал посторонние мысли. Какое он имел право интересоваться чем-то, заниматься какими-то делами, короче говоря, жить обычной жизнью, когда Роман лежал в больнице, раненный из-за того, что Димка его предал!

4

Просторный, светлый дом под черепичной крышей... Садик с вишнями... Прохладная комната... К щеке Романа прикасается чья-то рука, мягкая, теплая, ласковая... Это мамина рука... Мама работает учительницей, а отец у Романа — военный, танкист. Приезжает он домой редко... Всегда веселый, улы-

бающийся... Насквозь пропахший удивительно приятным медовым табаком. Он обнимает Ромку и подбрасывает его высоко, под самый потолок...

Ромка летит, и сердце его замирает... Но вот домика под черепичной крышей уже нет... Перед Романом колонна усталых солдат, вереница сгорбленных женщин, они толкают и везут куда-то детские колясочки и тачки, нагруженные всяким домашним скарбом. Бледные от ужаса лица, закушенные губы. Матери прижимают к груди плачущих младенцев. По дороге проносятся черные тени немецких самолетов. Пулеметные очереди прошивают дорогу фонтанчиками пыли...

Рядом с Романом идет мать... Они идут давно. Вчера они ночевали в скирде сена, а на рассвете снова пустились в путь. У Романа нестерпимо ноют ноги, но он молчит, жалея мать и понимая, что она не может ему помочь.

Какая-то станция, товарные вагоны. В вагонах — двухэтажные нары, пахнущие сосной. Тесно, душно. Гудит паровоз, стучат колеса.

В маленьком окошке блестит большая звезда. Поезд грохочет все быстрее, но звезда не отстает... Внезапно вагон резко дергается, пассажиры сыплются с нар друг на друга. Кто-то пронзительно кричит:

— Воздух!

Бухают взрывы, все ближе, ближе. Звезда за окошком исчезает, и в небе разливается багровое зарево. Чьи-то сильные теплые руки поднимают Романа высоко над криками, стонами, давкой и бережно несут к двери. «Прыгай, — слышит он. — Прыгай, милый! Смелее!»

Это голос мамы.

И он прыгает. Ударяется коленями о колючую гальку, скатывается под откос и там, в сухом кювете, заросшем степным ковылем, сжимается в комок, закрывает голову руками.

Наверху грохочет, ревет, лопается. Бушует огненный вихрь. И вдруг сразу наступает мертвая тишина. Только потрескивает горящее дерево да где-то

рядом, в зарослях травы сердито жужжит запутавшаяся пчела.

Шатаясь, Ромка поднимается на ноги. Вагоны пылают, валяясь колесами вверх на вспаханной, перевернутой насыпи. Он видит людей, лежащих без движения... Их много, и среди них мама...

Наступает ночь, Роман идет куда-то... По какому-то полю, на котором чернеют круглые копны. Мимо пустой мельницы, через горбатый мостик... Под утро он засыпает прямо на траве возле какой-то деревни...

Потом он чинит сапоги. Сидит на низеньком табурете и прибавляет подметки. Обувью завалена вся комната, и одноногий сапожник Гаевой показывает, как держать молоток и натирать варом дратву...

А у сапожника есть дочь. Ее зовут Лариса. Худенькая, беленькая девочка с голубыми глазами. Она совсем еще крохотная. Она играет разноцветными обрезками кожи. Роман рассказывает ей сказку. Длинную-предлинную, ту самую, которую он слышал от своего отца... Он видит глаза Ларисы — внимательные, любопытные... Дочке сапожника два годика. Роман старше ее на целых пять лет. Ее мать недавно застрелил какой-то солдат. Просто так — шел мимо и застрелил... Смешная, худенькая девчонка... Она не капризничала, не плакала, не шумела... Она пыталась помогать Роману, подавала ему гвозди, дратву...

Он вскапывал огород, еле удерживая в руках тяжелую лопату, солнце пекло, и пот заливал глаза... А Лариса приносила ему еду. Кусок черного хлеба и луковицу в тряпице...

Одноногого сапожника, отца Ларисы, расстреляли немцы за то, что прятал партизан. Ларису и Ромку красноармейцы отправили в детдом. «Вы брат и сестра?» — спросили их. «Да», — ответил Ромка. И вот их обоих записали по фамилии сапожника — Гаевой.

В большой холодной комнате сидят стриженные ребяташки и старательно выводят под диктовку: «Мы не рабы, рабы не мы». Детдомовский сторож

дядя Игнат шаркает по коридору. Сейчас будет звонок.

Выйдя из класса, Лариса встречает Романа на лестнице и подмигивает, не забыл ли он? Сейчас они убегут на базар — это рядом, сразу за воротами — и купят конфет. Лариса нашла на дворе вчера целый рубль!.. Звенит звонок...

Но разве это звонок? Это корабельная рында отбивает склянки. Роман в тельняшке драит шваброй палубу. Ему весело. У него широкая грудь и крепкие мускулы. Дышится легко. Крейсер плывет по голубому морю, и на горизонте в фиолетовой дымке виднеются горы. Роман вырезает из дерева маленький кораблик — он не любит сидеть без дела. Мастерит что-нибудь. Или чинит товарищам тяжелые матросские башмаки. Можно было бы новые получить на складе, но зачем же пропадать добру?

А то еще пишет письмо сестренке Ларисе. Она прислала фото. Моряки с завистью вздыхают: «Ну и сестра у тебя! Королева!»

Как ярко светит солнце! Строй моряков застыл на палубе. Капитан первого ранга прикалывает к рубашке Романа Гаевого золоченый знак «Отличник-артиллерист». Зеленая, ласковая морская волна мягко покачивает Романа. Он плывет, рассекая упругую воду, слева и справа плывут товарищи. Сияет солнце, с катера машут флажками. На берегу столпились зрители. Кто будет победителем массового заплыва?

Ромке тяжело — руки его не слушаются, ломит затылок. Наверно, простудился вчера, возвращаясь в дождь из города на корабль... Но он упрямо плывет вперед, и так десять километров. Прямо с финиша карета «Скорой помощи» увозит его в госпиталь. Белые стены, запах лекарств... Он и сейчас лежит в этом госпитале. А когда же он стоял перед комиссией, которая признала его негодным к дальнейшему прохождению службы? Это было совсем недавно.

— Не взыщи, старшина, — сказал ему председатель комиссии сочувственно. — Ты, конечно, не инвалид, но на палубе тебе все-таки делать нечего. Для тебя и в гражданке работа найдется...

Директор детдома похлопал Романа по плечу и сказал:

— Не забыл еще, что такое суппорт? Пойдешь на завод? А там можно и в институт, на заочный... Договорились?

«Конечно, на завод!» — сказала Лариса. Она тоже теперь на заводе — в конструкторском бюро копировщицей. А по вечерам учится в десятом классе. Роман с радостью смотрит на нее. Какая стала! Высокая, тонкая. Светлые волосы уложены высоко над гладким лбом, пушистые брови приподняты удивленно. И гордый поворот головы. Точеный, как на древних монетах, профиль — прямой нос, пухлые губы, упрямый подбородок. Это его сестренка. Лариса Гаевая. Теперь будем работать вместе!

Когда все это было? А может, не было? Приснилось только? Наверно, приснилось... Роман — старшина первой статьи... А из госпиталя он выкарабкается, выкарабкается. Только бы справиться с этой болью в плече!

...Роман открыл глаза. Он все время помнит, что нужно встать. Лежать просто стыдно. Люди же смотрят... Куда девалось освещенное фойе, музыканты с блестящими трубами? Почему он не может встать? Не может даже пошевелить пальцами?

Перед глазами гладкий, отвесный склон, покрытый снегом. Склон тянется куда-то вверх и там незаметно переходит в голубоватое небо. Роман долго смотрит на эту гору. Она такая неинтересная и скучная, что ему хочется спать.

...Когда Роман снова очнулся, был вечер. Никакой горы он не увидел. Он лежал на кровати в небольшой комнате с белыми стенами и высоким потолком, посередине которого мягко светила матовая лампа. Тогда он понял, что находится в больнице. В больнице, а вовсе не в госпитале.

Рядом на стуле сидела Лариса в белом халате и улыбалась. А ее ресницы были мокрые. От нее пахло духами.

— Что это за духи? — спросил Роман. — Ух, сколько ты их на себя вылила! Наверно, целый флакон!

— Ничего не флакон! — ответила Лариса и вытерла глаза платком. — Это и не духи вовсе. Это одеколон. К тебе ребята приходили... Валька Кабанчик, Катя Назарова и Димка... — Помолчав немного, она наклонилась к Роману и жалобно спросила: — Больно?

— Не очень, — ответил он и закрыл глаза.

Прошла неделя. Плечо заживало плохо. Ромка в общем-то сам был в этом виноват: он слишком рано начал вставать с постели; как только нянечка выходила из палаты, он надевал тапочки и бродил по больничному коридору до тех пор, пока кто-нибудь из врачей не заставлял его вернуться в палату.

Настроение у него было подавленное. Он скучал.

Окно палаты выходило в больничный сад. Там тихо покачивали отяжелевшими от снега лапами продрогшие ели. Суетливые воробьи, смешно топорща куцые хвостики, с радостным чириканьем прыгали по дорожкам. За чугунной оградой призывно звенели трамваи. Там была жизнь. А в больничном коридоре, еле слышно шаркая войлочными тапочками, осторожно прохаживались больные.

Роман упросил врача, чтобы ему позволили починить старое кресло на колесах, пылившееся под лестницей. Он заново обил сиденье белой клеенкой, подтянул рессоры, покрасил масляной краской подлокотники. Работой Роман пытался заглушить тревожные мысли, но они упрямо лезли в голову, не давая ему покоя. Он никак не мог понять, почему никто не встал с ним рядом, когда он схватился с Бушуевым? Разве он один был в клубе? Значит, его могут убить, и никто пальцем не пошевелит. «Просто все слишком быстро произошло, ребята опомниться не успели», — пытался как-то объяснить случившееся Роман. Но избавиться от тревожных мыслей не мог.

Чем больше он размышлял обо всем, тем тяжелее становилось на душе.

Ведь он был не только рабочим, он был комсоргом. Его выбрали на общем собрании. Комсорг — это не должность, не чин, не профессия. Это свидетельство того, что тебя уважают товарищи. И Роман гор-

дился этим уважением, ценил его. А выходит, гордиться-то было нечем? Хорош командир, которого бросают бойцы во время атаки!

Ну, допустим, не было тех, с кем Роман был особенно близок, но ведь просто знакомые были наверняка! В цехе работает около трехсот ребят и девушек. Пусть только треть из них... даже не треть, а всего пятая часть... шестьдесят человек пришли встречать Новый год в клуб. Конечно, кто-то из них был в этот момент в зале! И все-таки он остался один... один... Это было обидно. Обидно за себя, но еще более за ребят... Ромка в них так верил... Он потому и преградил путь Бушуеву, что чувствовал за спиной стену друзей. Он выступил как бы от их имени, по их поручению, и вдруг оказалось, что за спиной не стена, а пустота!.. Откуда же она взялась?.. А хорошо ли он знает тех, на кого так надеялся?

Да, он, конечно, знает, но только кого? Активистов из своего цеха, членов комитета, ну еще участников художественной самодеятельности, спортсменов, а вся остальная масса комсомольцев была для него именно просто «массой». Разве Роман знал, чем живет каждый из них, о чем мечтает, чем недоволен, и чему стремится?

На заводском комитете комсомола работу Романа одобряли. В механическом цехе и стенгазета выпускалась аккуратно, и лозунги обновлялись, и рейды совершались... Бесперебойно работал комсомольский пост. Регулярно занималась спортивная секция.

Роман умел уговаривать самых ленивых и безразличных. Он следил, чтобы на комсомольские собрания являлись все, и старался проводить эти собрания интересно.

Но он не знал, как молодежь относится к его призывам и уговорам, не знал, что думают о нем комсомольцы. О нем и о его работе. Искренне они увлечены различными «мероприятиями» или отбывают повинность? На первый взгляд Роман делал все, чтобы работу комсомольской организации в цехе можно было считать удовлетворительной, даже хорошей.

Но все ли комсомольцы в цехе были его единомышленниками?

Теперь Роман крепко задумался бы, прежде чем ответить на этот вопрос...

— Гаевой, принимай гостей! — громко сказала медсестра.

От неожиданности Роман вздрогнул.

Гостей было трое: Катя Назарова, ее приятель инженер Аркадий Трайнин и Димка Зорич. Катя и Аркадий сели возле кровати на табуреты, а Димка, красный и взволнованный, робко остановился у дверей.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Катя. — В комитет из всех цехов звонят, спрашивают. Телефон оборвали. От Ларисы ничего толком не добьешься... Десятого января у нас будет общезаводское комсомольское собрание. Мы хотели пятнадцатого, но пришлось перенести на десятое. Ребята потребовали.

— О чем собрание-то? — спросил Роман.

— О трусости! — резко ответила Катя. Глаза ее потемнели. Но в этот момент Аркадий толкнул ее плечом и спросил Романа:

— Как твоё здоровье?

Вопрос прозвучал явно невпопад. Всем стало неловко. Молчание нарушила медсестра:

— Гаевой, к тебе там еще делегация.

— Это из механического цеха, — сказала Катя и встала. — Ну, мы пойдем. Выздоровливай поскорей.

Димка так и не произнес ни слова. Глаза его подозрительно блеснули. «Что это с ним?» — с удивлением подумал Роман.

Ребята из механического цеха пробыли недолго. После их ухода на тумбочке остался букет подснежников. Где они ухитрились достать подснежники в январе? Наверно, в теплице...

Глядя на нежные весенние цветы, Роман вспоминал крепкие рукопожатия товарищей по работе и чувствовал, что сомнения и тревоги, владевшие им все эти дни, понемногу отступают. Есть у него друзья. Есть!

Поведение Ларисы все больше беспокоило Романа.

Она забежала как-то, сказала, что опаздывает на какой-то вечер, сунула Роману коробку с печеньем и скрылась, оставив после себя запах крепких духов.

Неужели она до сих пор ходит с тем парнем в узких брючках? Из-за него Роман поссорился с ней — впервые в жизни. Он очень любил ее, свою названую сестренку, и при одном воспоминании о том, что произошло два месяца назад, у него саднило сердце. Он старался не вспоминать об этой ссоре, но забыть было нельзя, потому что с тех пор между Романом и Ларисой возник какой-то ледок...

...Поступая на «Сельмаш», Роман был уверен, что сможет помогать Ларисе, предостерегать от ошибок, давать ей советы, но она в первые же дни ясно показала, что не нуждается ни в его помощи, ни в его предостережениях. Как только Роман пытался по душам поговорить с ней, взгляд ее становился отсутствующим. Она попросту пропускала его слова мимо ушей. Пока он был в армии, она сильно изменилась. Раньше это была хотя и легкомысленная, но добрая и ласковая девчонка, теперь она стала какой-то черствой. Больше всего ценит свою независимость, не позволяет никому вмешиваться в ее дела. Скрытная, насмешливая... Лицо серьезное, задумчивое, а в глазах ирония. Может, это со временем пройдет?

Просто она отвыкла от него. Да и возраст у нее сложный — семнадцать лет... Сердце подсказывало Роману, что у Ларисы не все ладно. Раз она не желает быть с ним откровенной, значит ей есть что скрывать. Иногда Роману даже казалось, что она его просто избегает. Ему никак не удавалось ее поймать. Всегда она куда-то спешила...

Жили Роман и Лариса в одном общежитии, на разных этажах, но по вечерам застать ее дома было невозможно, а днем на заводе они не виделись. От механического цеха до технического отдела надо идти двадцать минут. Завод огромный. Пятнадцать ты-

сяч рабочих. Двадцать цехов, не считая складских, подсобных помещений и заводоуправления. Территория, равная по площади районному центру. Железнодорожная колея, свистки электровозов, бесконечные ряды борон, сеялок и культиваторов на складе готовой продукции. Груды кирпича и вертящиеся бочки бетономешалок на строительной площадке. Паутина лесов на здании нового сборочного цеха. Бесконечные аллеи, широкая асфальтированная площадь, и на ней звонкий фонтан с мраморными фигурками прыгающих в воду пловцов. Целый город! Во время работы не встретишься, а в столовую Роман и Лариса ходили в разное время...

Незадолго до ноябрьских праздников Ромка все-таки выбрался в технический отдел. Он вызвался принести начальнику этого отдела Ларионову синьку, на которой нужно было уточнить один размер. Ларионов сидел за столом, отгороженным от просторной комнаты стеклянной стеной. Пока начальник техотдела рылся в справочнике, Роман огляделся...

Ларису он увидел сразу. Она сидела за чертежной доской у окна. В ее руках был тюбик губной помады и зеркальце. Она красила губы. Глядясь в зеркальце, Лариса смешно морщила нос, щурила глаза, оценивающе рассматривала себя. «Ну и кокетка! — подумал Роман. — погоди же, я тебе задам!»

Вечером он расспросил о Ларисе знакомого конструктора. «Что с нее взять? — улыбнулся тот. — Разве можно ее принимать всерьез? Позавчера, например, заявила Ларионову: «У меня все из рук валится, голова болит, сил нет. Разрешите уйти...» Ларионов ее отпустил, а через час ее видели в кино... Ветер в голове. Но это бы еще полбеды, ей только семнадцать лет. Гораздо хуже то, что она работу не любит, стыдится ее. Недавно в клубе на танцах представилась какому-то парню студенткой театральной студии... Вообще она бредит театром. Считает себя великой артисткой, самородком, и все из-за того, что на прошлом концерте самодеятельности ей много аплодировали. Правда, сыграла она свою роль и в самом деле неплохо...»

«Артистка? — подумал Роман. — Это что-то новое...» В детдоме Лариса одно время увлекалась живописью. Она рисовала на уроках, на переменах и в спальне после занятий. С альбомом уходила в парк и там рисовала деревья и узорчатую ограду. Иногда, вместо того чтобы рисовать, убегала в кино... Денег у нее не было, но ее приглашали кавалеры. Уже в тринадцать лет у нее были кавалеры — ребята из соседней школы. Она назначала свиданья сразу двоим и с любопытством смотрела, как ее поклонники ссорились. Роман, не вытерпев, как-то оттащил ее за косы. Потом долго стыдил. Лариса два дня ходила с опухшими глазами, затем поклялась Роману, что с кавалерами навсегда покончено. Она не обиделась на него... Она любила Романа. Но покончено было не с поклонниками, а с живописью. Лариса бросила кисти и заявила, что это не ее призвание. Ее призвание — литература... А теперь, значит, театр!

Роман отправился в общежитие, расспросил девчат, которые жили в одной комнате с Ларисой. Мнение девчат о Ларисе было довольно нелестным. Дружить с ней невозможно: она слишком много о себе воображает, грубит, ни с кем не хочет считаться. То читает до рассвета, то является за полночь и бесцеремонно барабанит в дверь. Каждый вечер ее на крыльце поджидают парни, причем не заводские, а какие-то стилиаги... Довольно часто от нее пахнет вином...

Вином?! Роман был встревожен. Надо принимать меры. Но какие? Лариса взрослая, за косы ее не оттащешь...

На другой день Роман после работы зашел в красный уголок механического цеха. Там репетировали драмкружковцы, готовясь к новогоднему концерту.

Ларисы среди них не было. «Видимо, она за кулисами». Роман сел подальше, за колонной, и стал ждать.

Наконец на сцену вышла Лариса. Она читала «Стихи о советском паспорте». Вскоре Роман забыл о том, что он находится на репетиции заводского

драмкружка. На сцене стояла артистка, настоящая артистка и звучным, сильным голосом читала стихи. Читала так, что каждое слово казалось неожиданным и выразительным. Она умолкла, с достоинством поклонилась воображаемым зрителям и ушла за кулисы... Репетиция продолжалась.

Роман вернулся в цех. Он решил, что откладывать разговор с сестрой больше нельзя. Все оказалось куда сложнее, чем он предполагал. У Ларисы совершенно определенно есть талант... Может быть, даже большой, настоящий талант. Роману очень понравилось, как Лариса читала и вообще держалась на сцене. Ей надо сходить в театральную студию. Пусть преподаватели проверят ее способности.

Интересно, какие у нее самой планы? А может, она уже побывала в студии? Может, по вечерам пропадает в театре? Именно в театре, и ничего плохого в этом нет?

Роман понимал, что откровенный разговор получится только в том случае, если он будет вести себя умно и с тактом. Надо как следует подготовиться. Подобрать такие слова, которые бы не обидели Ларису. Она девушка гордая и своенравная. Обидевшись, замкнется и все его советы пропустит мимо ушей...

На другой день Роман пораньше отпрашивался с работы и направился в технический отдел. Но Ларисы там уже не было. Ларионов сказал, что отпустил ее после обеда: она принесла справку от врача, что заболела... Однако в общежитии ее не оказалось. Одна из девушек сообщила Роману, что видела ее в клубе.

Билетерша в клубе, знавшая в лицо и по фамилии всех участников художественной самодеятельности, сказала, что Лариса заходила часа полтора назад с каким-то молодым человеком, но, узнав, что танцев сегодня не будет, ушла.

Роман пошел в парк, купил билет на танцплощадку, однако Ларисы там не было. Он обошел все аллеи в надежде, что она, невзирая на мороз, стоит где-нибудь со своим кавалером, однако парк был пуст. Тихонько звенели на ветру обледеневшие ветки. Бе-

лели скамейки, засыпанные снегом. Грустно было смотреть на неподвижное «колесо смеха», которое так весело вертелось летом, на замерзший пруд; только в уголке чернела чистая вода, от воды поднимался пар, и несколько уток и лебедей дремали, спрятав головы под крыло... Роман поежился, взглянув на них, и поспешил к выходу. Где же еще могла быть Лариса?

Да в тысяче разных мест! Просто смешно было ее искать. Роман отправился домой. Рядом с общежитием был ресторан «Чайка». Рабочие туда заглядывали редко, там было все слишком дорого.

Роман не был там ни разу.

Проходя мимо и машинально заглянув в сияющее окно, Роман внезапно увидел Ларису. Она сидела за столом в двух шагах от него. Их разделяло стекло. На Ларисе было синее шерстяное платье, в котором она ходила на работу. Светлые пушистые волосы, высоко взбитые и уложенные в модную прическу, делали ее старше, но все равно лицо ее было совсем юным, удивленным и румяным.

Напротив Ларисы сидел, заложив ногу на ногу, в небрежной позе завсегдатель ресторана молодой человек в сером костюме и красной клетчатой рубашке, с гладко зачесанными темно-русыми волосами. Волосы спускались за уши, достигая воротника. Спутнику Ларисы было, наверно, лет двадцать, но юношей его назвать было нельзя. Под глазами у него темнели синяки, и вообще выглядел он довольно помятым. На верхней губе торчали, словно приклеенные, черные усики. Приподняв одну бровь, он что-то говорил Ларисе. Потом наклонился к ней, обнял за плечи и зашептал в ухо. То, что он шептал, видимо, было нельзя сказать вслух. Лариса покраснела, нахмурилась, затем беспомощно улыбнулась, а парень гадко усмехался, выпятив губы.

На столе стояла наполовину пустая бутылка коньяку.

Роману кровь бросилась в лицо. Он круто повернулся и вошел в ресторан. Швейцар не пропустил его в зал.

— Вы в рабочей одежде. Нельзя, — внушительно объяснил он.

— А девочек-школьниц вы пропускаете? — гневно спросил Роман, и швейцар отступил.

Лариса увидела его издали, и лицо ее стало испуганным, но тут же она оправилась и постаралась придать себе независимый вид.

— Пойдем, — сказал ей Роман, не глядя на парня. Ему просто нельзя было позволить себе смотреть на него, иначе могло произойти что-нибудь, а он не хотел, чтобы был скандал.

Лариса встала, но парень взял ее за руку и спросил:

— В чем дело?

— Выйди! — предложил Роман Ларисе и покинул зал. Он надел пальто и попросил у швейцара папиросу.

Лариса долго не показывалась. Очень долго. Но Роман терпеливо ждал. Ему очень хотелось войти снова в зал и просто-напросто вытащить ее из-за стола, но он понимал, что это невозможно.

Наконец она вышла. Больше всего Роман боялся, что парень будет ее сопровождать, тогда бы обязательно что-нибудь случилось. Но она вышла одна. Она взглянула на Романа исподлобья и, тотчас же опустив глаза, громко спросила:

— Что ты хочешь?

— Дайте ей пальто, — попросил он гардеробщика.

— Никуда я отсюда не пойду! — сказала Лариса. — С какой стати ты за мной шпионишь?

— Я?.. Шпиону?

— Конечно, а как же это еще называется? Кажется, я взрослая, сама зарабатываю... Мне девочки говорили, что ты... вообще мне эта опера надоела!

— Лариса! — сказал Роман ошеломленно.

— Ну, Лариса, а дальше что? — Она все время говорила очень громко. Роман видел, что ей просто-напросто стыдно, от стыда у нее кружится голова, она в отчаянии, но не хочет, чтобы он догадался о ее состоянии, и поэтому ведет себя так вызывающе.

— Как понять, что ты за мной ходишь? Ты что, меня ревнуешь, что ли? — спросила она.

— Ревную?.. Тебя! Ты соображаешь, что говоришь?

— Конечно. Только ты сам об этом не догадываешься.

Роман остолбенел. У него просто язык отнялся.

— В общем я пошла, — сказала Лариса. — Не волнуйся, пожалуйста, ничего со мной не случится. С кем попало я не хожу!

Она повела плечом, презрительно посмотрела на швейцара и направилась в зал. Рядом кто-то засмеялся...

Роман догнал Ларису, крепко взял ее за руку и повел к выходу. Она густо покраснела, на глазах навернулись слезы.

— Пусти, — шепотом сказала она, низко нагнув голову и пряча глаза от любопытных взглядов. — Пусти сейчас же!

Он молча подтолкнул ее к швейцару, заставил надеть пальто и распахнул дверь. На улице Лариса остановилась, закрыла руками лицо и разрыдалась.

Роман обнял ее за плечи и повел к общежитию. Сперва она пыталась упираться, но он приподнял ее и пронес несколько шагов, тогда она подчинилась. Роман проводил Ларису на второй этаж, на лестнице он вытер ей глаза своим платком и сказал:

— Ступай проспись. Ты пьяная. А завтра тебе на работу. После поговорим.

— Я не пьяная! — злым шепотом ответила она и оттолкнула его руку. — Я тебе этого никогда не прощу. Никогда! Ты меня опозорил при всех! Ты мне в лицо наплевал! Вот что ты сделал!

— Позор не в том, что ты оттуда ушла, а в том, что ты там появилась, — ответил Роман, вздыхая. Ему было жалко ее. У нее был несчастный вид, и лицо опухло от слез.

— А кто ты такой, чтобы следить за моей нравственностью? — спросила Лариса, вскинув голову. —

Что это ты на себя берешь? Ты кто мне? Муж? То, что у нас одна и та же фамилия, равным счетом ничего не значит. В этом война виновата. Мы были детьми, а сейчас мы взрослые, понятно? У меня своя жизнь, а у тебя своя. Ты мне никто! Я буду ходить куда хочу и с кем хочу! И мне наплевать, что тебе это не нравится!

Повернувшись к нему спиной, она хлопнула дверью.

Роман долго стоял на крыльце. Он хотел обдумать то, что произошло, но ему было так больно, так обидно, что думать он не мог. Он просто стоял и смотрел, как падает снег. Снег медленно колыхался в воздухе, снежинки спускались плавно, как на парашютах, дома были словно завешены кисеей. В общежитии окна гасли одно за другим. Скрипя валенками, мимо Романа вошел в дом усатый комендант Коркин. Он заглянул Роману в лицо, убедился, что это человек свой, не какой-нибудь чужак, и стал подниматься по лестнице.

А может, Лариса права? Может, действительно Роман сам не сознает, что ревнует ее? Может, он к ней относится не как к родной сестре, а совсем по-другому? Роману стало жарко. Он сел на ступеньку и, поймав на ладонь несколько снежинок, провел рукой по горячему лбу.

Он представил себе Ларису, как она сидела там за столом. Из-под краешка платья были видны ее острые, детские коленки, она выпрямилась на стуле, чтобы казаться выше, и вся ее тоненькая фигурка, спина, грудь, плечи, все было напряжено. Глаза смотрели удивленно, смущенно и ласково... Да, да! Она ласково смотрела на этого типа в дурацкой красной рубашке! Да нет, конечно, ерунду она сказала! Никак Роман к ней не относится. Она ему сестра. И точка!

Роман пошел спать, но долго не мог уснуть.

Вспоминая этот вечер, Роман ворочался на своей койке. Так и не удалось ему тогда поговорить с Ларисой. С тех пор они стали словно чужими. Даже в больницу приходит так редко...

Девятого января у Димки по графику был выходной день. И весь день он, страдая, провалялся на кровати. Он содрогался при мысли о том, что завтра опять придется пойти на завод и встретиться с ребятами и девушками — товарищами по работе. Все эти дни он не мог смотреть им в глаза. Ему казалось, что они презирают его. Невозможно было жить с таким пятном на совести! Самым лучшим было бы, конечно, немедленно прекратить расчеты с жизнью и покончить с собой каким-нибудь особенным, многозначительным способом. Например, отправиться в полярную экспедицию и замерзнуть там. Или лучше пусть Ромке потребуется редкое лекарство, которое можно достать лишь на краю света, и Димка помчится туда и трагически погибнет где-нибудь в пути...

Но настало утро, и Димка, как вчера, как позавчера, вышел из дому. Вахтер поздоровался с ним, проверяя пропуск. И мастер Чурыгин, проходя мимо, похлопал его по плечу. И сверловщица Ленка, подмигнув, спросила, как жизнь. Но это не обрадовало Димку. Ему стало еще тяжелее. Не ответив Ленке, он вздохнул и включил станок. Однако и работа не успокоила его. Соседний станок, принадлежащий Роману, молчал. Это молчание было укоризненным. Хуже всего то, что Димка никому не мог рассказать о своем горе и о своем раскаянии... А ему хотелось рассказать. Очень хотелось.

Днем появилась Катя Назарова. Приподнявшись на цыпочки, она приколотла к стене объявление:

«Сегодня, 10 января 1959 года, в 18 часов в красном уголке состоится общезаводское открытое комсомольское собрание».

Сердце у Димки екнуло. «Вот оно!» — мелькнуло у него. Все последние дни предстоящее собрание не выходило у него из головы. Это собрание имело к Димке самое непосредственное отношение. Ведь разговор пойдет как раз о таких людях, как он!.. От волнения и тревоги у Димки перехватило дыхание. Но ему не было страшно. Он даже почувствовал неко-

торое облегчение. Наконец все это должно было чем-то кончиться! Он еще не знал, что произойдет на собрании, но что-то должно было произойти непременно, в корне изменив Димкину жизнь.

Раздался пронзительный скрежет. Димка выключил станок, вынул из патрона сломанный резец и растерянно потрогал пальцем теплую деталь. Можно не измерять. Типичный брак.

Кое-как доработав до конца смены, Димка отправился на собрание. Ему казалось, что все смотрят на него как-то особенно. Он опустил голову, но, сделав над собой усилие, выпрямился и с бледным, решительным лицом вошел в красный угол.

Небольшой зал был полон народа, но стояла такая тишина, что Димка слышал шорох ветра за открытой форточкой. За столом президиума, накрытым красным сукном, сидели секретарь парткома, секретарь заводского комитета комсомола, старый мастер из сборочного цеха Кондрат Григорьевич Жилинский и Катя Назарова.

Секретарь комсомольской организации шепнул Кате несколько слов. Она встала из-за стола, одернула платье и подошла к краю сцены. Димка стоял недалеко и видел, как у Кати дрожат губы.

— Ребята! — негромко сказала она. — У нас было достаточно времени, чтобы все обдумать.

Парень, стоявший рядом с Димкой, вздохнул и переступил с ноги на ногу.

— Мы ходим на работу как ни в чем не бывало... Смеемся, говорим о своих делах... А Роман Гаевой, наш товарищ... Его нет среди нас... — Голос Кати зазвенел... — Он не смог сюда прийти, потому что мы подло, низко поступили с ним — бросили его в беде! Он остался один... А вокруг были все мы! Как же это могло случиться?... Да разве только у нас в клубе такое происходит? Давайте же, наконец, скажем об этом прямо! Хулиганы делают, что хотят!

Катя перевела дыхание.

— Что верно, то верно! — мрачно сказал Димкин сосед. — Сестренка моя... пятнадцать лет. Боится в кино пойти после школы... Вчера прибежала в сле-

зах. Берет с головы сорвали... А каток возьмите! Каждый день драки. Прямо коньками дерутся. Деньги отнимают у школьников...

Поднялся шум.

— И главное, все об этом молчат! — раздался возмущенный возглас.

— Где же молчат? Вон недавно статья в газете была об убийстве рабочего паренька, коллективное письмо еще в газету подписывали...

— Верно, подписывали! Ну и что? Теперь тоже письмо писать? Или подождем, пока еще кого-нибудь ножом ударят? Хорошо, с Романом благополучно обошлось, а могло быть как с тем пареньком.

— Ну, а вывод, вывод-то какой?

Шум усилился.

— Ясно какой, — сказал Димкин сосед. — Надо в милицию коллективное письмо послать. Заявляем протест. Примите меры. И в райком письмо. Пусть наведут порядок.

— Правильно, — поддержал рабочий из первого ряда. — С голыми руками на ножи никто не полезет. Этим вопросом должны заниматься те, кому положено!

— А нас, значит, не касается? — спросила Катя. — На наших глазах могут человека убить, а мы будем глазами хлопать?

— Что же, всякий раз лезть в драку? Каждый должен свое дело исполнять. Любой со мной согласится. Кого хочешь спроси.

— Нет! — крикнул Димка. Все обернулись к нему. Побледнев, Димка выступил вперед. В его ушах стоял гул, все лица сливались в сплошное белое пятно. Словно порыв бури сорвал его с места и бросил к сцене. Обернувшись к залу, он крикнул:

— Нет, неправда! У всех есть только одно дело — быть человеком. Настоящим! А не трусом! А я струсил... подло струсил тогда в клубе, вот и все! Ромка мой друг. Я за него был готов... ну, все, что угодно! А сам... Как жить после этого? Ромка в больнице лежит... В больнице, понимаете? — Глазами, полными слез, Димка смотрел в зал.

— Дайте мне слово, — поднялся со стула Кондрат Григорьевич Жилинский.

Несколько секунд Жилинский оглядывал зал маленькими светло-голубыми глазами, глубоко прятавшимися под седыми бровями, похожими на два клочка ваты. Он слегка сутулился, но по его крепко сбитой коренастой фигуре было видно, что Жилинский, несмотря на преклонный возраст, обладает еще недюжинной силой. На заводе все его знали.

Кондрат Григорьевич пришел на завод сорок пять лет назад. Все, что происходило на производстве, он считал своим близким, кровным делом, вмешивался в события, не имевшие отношения к сборочному цеху, где он был мастером, и все признавали за ним право на такое вмешательство. За многолетнюю работу он был награжден орденом Ленина.

— Ты прав, Димка, — тихо сказал он. — Я тебя понимаю... Да, верно, страшнее трусости, страшнее равнодушия ничего нет на свете! Я тоже спрашиваю себя, как и ты: что же делать? Как жить дальше? От этого вопроса никак не уйти. И решать этот вопрос надо не только каждому для себя, но и всем сообща — для всех. Для коллектива, для завода в целом! Ты сядь, Димка... Сядь. Ты назвал себя трусом, но я думаю, ты не трус. Нет. Трус не назвал бы себя так здесь, перед всеми... Ты хороший человек и хороший друг, но ты просто ошибся... Друзья! — повысил голос Жилинский, ободряюще улыбнувшись Димке. — Действительно, настала пора поговорить начистоту, по большому счету! Тут высказывались разные мнения. Одни, как Димка, считают, что беда с Романом случилась по их вине, другие обвиняют милицию. Но происшествие в клубе всех затронуло за живое. Разберемся, чем же мы так возмущены? Тем, что хулиганы распоясались? Да, конечно. Но не только этим. Равнодушие тех, кто стоял рядом, — вот что особенно потрясло весь завод. Сейчас в каждом цехе, в каждом отделе и лаборатории только об этом и говорят. Такое равнодушие страшно, верно сказал Димка. Там, где появляются равнодушие и эгоизм, там разрушается коллектив. Там ничего нельзя построить, потому

что исчезает вера в товарища, в его поддержку. Вот об этом мы и должны сегодня говорить, над этим нас и заставило задуматься происшествие в клубе.

Равнодушие похоже на ржавчину. Оно незаметно разъедает сердца. «Это дело не мое». «Если я вмешаюсь, все равно толку не будет, только наживу неприятности...» Разве среди нас нет людей, которые так рассуждают? Происшествие в клубе показало, что, к стыду всего коллектива, такие люди на заводе есть! Их, с позволения сказать, «позиция» просто позорна. Особенно она нетерпима сейчас, после XX съезда партии. Ныне каждый из нас должен, обязан нести полную ответственность за все, что происходит в городе, на заводе, во всей стране. Никто не имеет права сказать: «Меня это не касается». Ведь нашего товарища чуть не убили. И где? В нашем собственном доме! Вот до чего дошло! Кто же, как не мы, должны изгнать из нашего дома хулиганов, тунеядцев, всяких паразитов, мешающих нам жить? Одной милиции это не под силу. Это наш район, наш город, мы тут живем! И в нем не должно быть места негодям! Только так сейчас должен стоять вопрос!

— Что ты предлагаешь конкретно? — спросил пожилой рабочий. — Что мы можем?

— Я много думал об этом... — ответил Жилинский. — А что, если мы создадим рабочую дружину? Ведь были же дружины в первые годы советской власти, я сам был дружинником... Да и ты, Матвееч, разве не ходил с красной повязкой?.. Тогда город кишел спекулянтами, переодетыми белыми офицерами и просто бандитами и убийцами. Каждый вечер совершались ограбления, гремели выстрелы. Мы, дружинники, поставили перед собой задачу — очистить район от темных людей. Мы патрулировали по улицам, дежурили в парках и скверах, задерживали всех подозрительных и проверяли документы. У нас была военная дисциплина. Вскоре бандиты исчезли из нашего района. Они боялись нас, как огня, и в каждом прохожем подозревали дружинника...

— Да, тогда мы крепко прибрали к рукам всякую шваль, — кивнул пожилой рабочий.

— То-то и оно! — Подняв руку, Жилинский указал на сидевших и стоявших в зале молодых токарей, слесарей, литейщиков. — Ведь такие, если выйдут на улицу... Да что тут много говорить! Разный мусор разлетится во все стороны, и следов не найдешь... И у меня есть полная уверенность, что так и будет. Непременно будет!

После Жилинского выступил парторг. Затем на сцену по очереди стали подниматься рабочие. Собрание затянулось допоздна.

7

Прямо с собрания Димка отправился в больницу к Роману. Он шел и не думал о том, что уже поздно и что прием посетителей давно закончен. С трудом дотерпел Димка до следующего дня.

Роман встретил его радостной улыбкой.

— Здорово! — сказал он. — Присаживайся и выкладывай новости!

Димка, захлебываясь от возбуждения, принялся рассказывать:

— Теперь у нас есть рабочая дружина. Жилинского выбрали командиром, а тебя, Катьку и еще нескольких человек членами штаба...

— Меня?

— Ну да, заочно. Сегодня утром принимали заявления. Я тоже записался. Жилинский и секретарь комсомольской организации с начальником милиции советовались по телефону. Проект устава записали. Начальник милиции попросил их после работы заехать к нему. Сейчас они, наверно, там...

— Там, говоришь? — сосредоточенно переспросил Роман. — Что ж они меня-то... Впрочем, слушай, Димка, мог бы ты сейчас одним духом слетать в общежитие?

— Конечно. Зачем?

— Под кроватью у меня найдешь чемодан. Возьмешь рубашку, костюм, ботинки и пальто... Я окно в сад открою. Понял?

— Ты хочешь... сбежать? — шепотом спросил Димка.

Глаза его округлились. Он был восхищен. Вот это здорово!

— Я мигом, Роман! — радостно сказал он. — Я все сделаю как надо, будь спокоен!

— Гляди только не попадись кому-нибудь. Лучше всего жми прямо через сад, там в заборе дырка, я в окно видел...

Внезапно Димкино лицо омрачилось. Он с сомнением посмотрел на Гаевого:

— А... как ты себя чувствуешь? Ты же болен!..

— Если боишься, так и скажи. Я кого-нибудь другого попрошу, — рассердился Роман.

Сам того не подозревая, он нанес Димке удар в самое сердце.

— Я иду! — тихо сказал Димка и выскользнул из палаты.

Через час в окно раздался осторожный стук. Роман, оглядевшись, выскользнул в пустынный коридор, распахнул набухшие рамы и позвал Димку. Тот снизу подал ему ворох одежды. Пока Гаевой одевался, он стоял под окном, озираясь по сторонам.

От свежего, морозного воздуха у Романа закружилась голова.

Димка проводил его до райотдела милиции. Тут им пришлось расстаться.

— Спасибо, — сказал Роман. — Без твоей помощи я бы не выбрался. А плечо у меня ни чуточки не болит. Так что не волнуйся.

Димка обеими руками стиснул руку Романа.

— Ты что? — удивился Гаевой, взглянув на него.

— Ничего, — сдавленно ответил Димка. — Я только хотел тебе сказать... В общем ты знай... Ты мне друг, понимаешь?.. Друг... На всю жизнь!..

— Да что с тобой? — улыбаясь, спросил Роман. Но Димка, не ответив, умчался прочь. Через минуту его маленькая фигурка скрылась за углом. Ромка поднялся на крыльцо районного отдела милиции.

Ему было немного не по себе. Взять и удрать из больницы! Что подумают врачи, сестры? Ну, ни-

чего! Они хорошо относятся к Роману. Они поймут его и простят... Создана рабочая дружина, Ромку выбрали в штаб! Теперь такие дела начнутся! Значит, то, что тревожило его в больнице, волнует весь завод! Рабочая дружина! Теперь ребята покажут всем этим Васькам, Мишкам и Иванам!

В кабинете начальника райотдела было накурено. На стене висела большая карта района. Под картой на диване, окутанный густым облаком табачного дыма, сидел начальник райотдела полковник Бандура. В зубах у него торчала трубка. У Бандуры были маленькие, прищуренные глаза, круглый, наголо обритый череп и квадратный властный подбородок. Недовольно передвигая во рту трубку, он слушал полного румяного капитана с ровным, как ниточка, пробором. Капитан говорил тихим голосом, рассеянно поглядывая в окно, за которым беззвучно кружились снежинки.

У окна, нахмурившись и нетерпеливо переступая с носков на каблуки, стоял лейтенант в ловко пригнанной форме и в зеркально начищенных сапогах. Роман узнал Виктора Трубникова, который недавно приезжал на завод и читал лекцию в красном уголке о вреде спиртных напитков. Лекция и сам лектор всем очень понравились.

Нахмурившись и покусывая губы, слушал он сейчас капитана. Смуглое подвижное лицо лейтенанта было раздосадованным.

За столом напротив Бандуры сидели Жилинский, парторг, секретарь заводской комсомольской организации и Катя Назарова.

— Мы понимаем, что вы имеете желание нам помочь, — говорил капитан. — И мы это, само собой разумеется, ценим. Но если бы поинтересовались лично моим мнением, то я бы отметил, что эта затея вполне бесполезная и, в сущности, даже вредная. Что получится с этой вашей дружиной? Я же имею совершенно ясное представление. Ребята войдут в азарт и будут хватать первых попавшихся прохожих. Нам потом придется их самих привлекать к ответственности. Зачем все это затевать? Это не вызвано ника-

кими объективными обстоятельствами. Штаты в милиции вполне достаточные, хотя их и урезали, по моему мнению, безосновательно. Но со своей службой мы пока справляемся. Мой вывод такой. Решили помогать милиции — очень хорошо. Помогайте. Есть постовой милиционер, держите с ним активную связь. Зовите его, он придет и разберется. А никаких особых прав я бы лично вам давать не стал. У каждого имеются права рядового советского гражданина, вот ими и пользуйтесь. И не нужно значков, не нужно красных повязок. Это только дезориентирует население. Я так считаю, товарищ полковник.

Бандура промолчал, и капитан, пригладив рукой темные с проседью волосы, сел на стул.

— Так! — густым, могучим басом сказал полковник. — Кто еще желает высказаться?

— Выступление товарища Хорькова меня удивило, — помолчав, ответил Жилинский. — Мы все верим, что наша дружина принесет большую пользу. Уже с трикотажной фабрики приходили, спрашивали, что мы задумали. Вот увидите, такие дружины появятся на многих предприятиях. Разве плохо? Пусть люди учатся сами следить за порядком. Мы вас подменять не собираемся. Это нам не по силам. Но и роль связистов нас не устраивает. От безответственности до равнодушия очень близко. Мы должны нести свою долю ответственности за все, что делается в районе. Взять хотя бы случай в нашем клубе. Рабочие не допустят больше ничего подобного! Дружинники должны иметь какие-то права, тогда их авторитет будет выше. Вы, работники милиции, пришли бы к нам на завод, рассказали ребятам, в чем состоит нарушение общественного порядка, кого нужно задерживать, в милицию передавать, а кого можно и отпустить. Словом, проинструктировали бы нас. А устав дружины, который я вам читал, конечно, не окончательный. Это только проект. Давайте еще посоветуемся и у вас и в райкоме партии... Если вы нас поддержите, разные пьяницы, хулиганы, дебоширы будут обходить район за три версты...

— А сейчас они, значит, терроризируют население

ние? — прищурившись, спросил капитан. — Никому покоя не дают, так, что ли? До того дошло, что сами мы не в силах с ними справиться, и без вашей помощи нас захлестнет волна преступлений? Это вы хотите сказать? Интересно, какого же вы мнения о нашей советской милиции?

— Ну, при чем тут это? — с досадой сказал Роман. — Никто про милицию плохого не думает. Только мы еще вам помочь хотим! Неужели вы против?

— Ромка! — радостно воскликнула Катя и вскочила. — Товарищи! Это же Ромка Гаевой! Наш комсорг! Ты выздоровел?

Выйдя из-за стола, Бандура пожал Роману руку и придвинул ему стул.

— Очень хорошо, что вы пришли, — сказал он. — Нам очень интересно выслушать ваше мнение.

— А что мое мнение! — ответил Роман. — Вы знаете мнение коллектива завода. Дружина создана. Спорить тут не о чем. Я уверен, что вы не откажете в помощи. Дело общее.

— Правильно, — сказал Трубников. — Вот это разговор!

— Я не понимаю, почему вы так опасаетесь за наших ребят? — обратился Кондрат Григорьевич к капитану. — Да и принимать в дружину мы ведь будем только лучших из лучших...

— Вы еще что-нибудь хотите добавить, товарищ Хорьков? — спросил полковник капитана.

— Всего несколько слов, — ответил тот. На его желтых щеках зажглись красные пятна. — Я тридцать лет в органах. Наша милиция тесно связана с народом. Но работа у нас особая. Она не терпит самодеятельности. Мы имеем дело с живыми людьми. Государство дало нам право решать их судьбы. Этого права мы не можем доверить посторонним людям, даже если они, допустим, хорошо себя зарекомендовали на производстве. На моем веку много было подобных мероприятий, много всяких эффектных начинаний, и все они оказались нежизнеспособными. Возьмите бригаду содействия милиции. Взялись горячо, потом остыли, еще позже туда проникли случай-

ные люди, и нам пришлось сворачивать эту бригаду. Сейчас там всего человек двадцать. Или, например, товарищеские суды. Одно название. Нигде они не работают. А окно сатиры? Организовали при райкоме, выпустили номер и замолчали. С общественными контролерами тоже один конфуз получился. Послали троих проверять работу магазинов тканей, а директор им взятку дал, и на них же нам в милицию заявил... Вот тебе и общественность. Конечно, я не хочу этим сказать, что в вашей дружине тоже окажутся недобросовестные люди... но мое убеждение, что ко всякой подобной помощи надо относиться осторожно... Хорошо еще, если от нее просто не будет пользы, а иногда выходит только вред... Надеюсь, впрочем, что в данном случае вреда не будет, — закончил капитан Хорьков, вежливо улыбнувшись Жилинскому. — Извините. Меня ждут дела. Буду рад продолжить нашу полезную беседу в другой раз. Разрешите? — спросил он полковника.

— Можете идти, — кивнул тот.

Когда за Хорьковым закрылась дверь, Бандура сказал:

— Товарищ Хорьков опытный работник. Я согласен далеко не со всем в его высказываниях, но в них есть и рациональное зерно. Мысль его сводится к следующему: взялся, держись до конца, не отступай, не бросай на полдороге, а то выйдет один пшик и конфуз как для вас самих, так и для милиции. Если вы твердо и всерьез решили создать дружину. Впрочем, вы ее, кажется, уже создали, — улыбнулся полковник, — что ж, мы поддержим. Сделаем опыт. Пришлите нам список ваших дружинников. Напечатаем на машинке временные удостоверения. Поставные работники и участковые уполномоченные будут предупреждены. — Он подошел к карте, висящей на стене, и провел по ней карандашом. — Вот ваш район. От набережной до стадиона и от кинотеатра «Мир» до сельскохозяйственного техникума. Вся Красноозерная улица, парк культуры и отдыха, четыре ресторана, одиннадцать закусочных, двадцать шесть рабочих клубов и домов культуры, три кинотеатра. Це-

лый город! Если сумеете завоевать в нем уважение, стать необходимыми — честь вам и слава.

— Постараемся, — горячо сказала Катя. — Только вы нам помогите. Хорошо, если бы на завод пришел работник милиции. Хотя бы на один вечер. А еще лучше, прикрепите кого-нибудь постоянно. Пусть он будет нашим инструктором. Дружинникам надо разъяснить их обязанности, познакомить с законами, с правилами поведения на улицах. А может, лучше мы будем приходить в райотдел, и ваши товарищи будут проводить с нами специальные занятия?

— Я сам к вам приду... Завтра же, — пообещал Виктор Трубников и покосился на полковника.

— Ну, в добрый час, — ответил Бандура. — Желаю успеха.

Он проводил гостей до дверей кабинета.

Было безветренно. Медленно падал снег.

— Ты сейчас куда? — спросил Романа Кондрат Григорьевич. — Мы на завод.

— Я, пожалуй, домой... Устал с непривычки...

Роману хотелось немного побыть одному.

Прощавшись с товарищами, он не спеша направился к больнице. Он шагал, всей грудью вдыхая морозный воздух и размышляя обо всем, что узнал и услышал за последний час. Дружина! В ней воплотилось все, о чем он так много думал в последнее время. Дружина проверит ребят на настоящем, серьезном деле, сблизит их. Они будут вместе не только на производстве, но и после работы. Лучше узнают друг друга, начнут строже относиться к недостаткам товарищей и к себе самим. Эх, давно бы надо создать эту дружину! А впрочем, несколько лет назад ничего бы не вышло. Тогда слишком много было людей, которые боялись нового.

Все, что шло не по официальным каналам, их приводило в растерянность. «Нет, нет, — сказали бы они. — Натворите еще чего-нибудь! Мы не можем взять на себя ответственность!» А теперь отвечаем за все мы сами — верно сказал Жилинский, очень верно! Только сейчас, в наши дни и могла возникнуть дружина...

Устав, Роман зашел в сквер, присел на скамейку да так и просидел до темноты. Уж очень хорошо было тут. На лицо садились неслышно мохнатые снежинки, скрипел снег под ногами прохожих, с ледяной горки с веселым визгом съезжали малыши...

8

На собрании Мишка сидел в первом ряду. Он нарочно уселся в первый ряд, чтобы продемонстрировать, как сильно его возмущает происшествие в клубе. Он громче всех аплодировал Жилинскому и, когда Кондрат Григорьевич предложил организовать дружину, первый крикнул: «Правильно!» Больше всего он боялся, что рабочие сочтут его соучастником Зюзина и Бушуева, но про него никто не вспомнил, и Мишка понемногу успокоился.

Когда было решено создать дружину, он, к собственному удивлению, почувствовал что-то похожее на радость. У него давно вызывало досаду то, что Ивану и Ваське Зюзину никто никогда не дает отпора. Их наглость злила его, ему вовсе не нравилось из месяца в месяц поить их водкой. Но один он ничего не мог с ними сделать. Втроем они живо бы с ним расправились... Было бы, конечно, неплохо, если бы заводские ребята схватили Ивана, Ваську и Яшку и как следует намяли им бока. Разумеется, нелепо, что взрослые, сильные парни отступают перед каким-нибудь наглым, ваzeroшенным щенком. Это они верно говорили на собрании. Но толпа, по мнению Мишки, всегда такой была и такой останется... Именно на этом-то свойстве толпы и построена вся «деятельность» хулиганов. Мишка хорошо разобрался в их психологии, попав в колонию. Они как раз и рассчитывают на то, что с ними не станут связываться. Большинство всех этих горлопанов — отчаянные трусы. Они учатся произносить ругательства с таким грозным видом, словно готовы немедленно разорвать своего противника на части, но в действительности обычно убегают при первом же реальном признаке опасности. К сожалению, многие об этом не знают.

Выйдет ли что-нибудь из дружины? В этом Мишка не был уверен. Пожалуй, он согласился бы с капитаном Хорьковым, если бы мог слышать его возражения.

Но после собрания он все-таки решил записаться в дружину. Конечно, совсем не для того, чтобы бороться с хулиганами. Он был уверен, что до этого и не дойдет. Просто он пришел к выводу, что так будет разумнее. Пусть все поймут, что он ничего общего не имеет с Васькой Зюзиным и с Иваном. Утром, придя на работу, Мишка сочинил заявление и отнес его в штаб.

«Я хочу вложить свой вклад в борьбу с нарушителями общественного порядка», — написал он. Мишка очень гордился этой фразой. Он списал ее, слегка изменив, с лозунга, висящего на стене в цехе. Заявления принимала Катя Назарова. Это было и плохо и хорошо. Хорошо, потому что она все-таки была знакомой, не чужой. Плохо, потому что Михайлу не хотелось смотреть ей в глаза.

Он колебался до обеда, потом все-таки вошел в комнату, где помещался штаб.

Катя взглянула на него как на незнакомого. Точно такие же холодные, чужие глаза были у нее в тот далекий вечер, когда она уходила из сквера вместе с Аркашкой. Только тогда глаза были безразличные, а теперь в них появилось презрение.

— Нет, — сказала Катя. — Мы пока воздержимся вас принимать. А почему, вам должно быть самому очень хорошо известно.

Больше всего Мишку поразило, что она называла его на «вы». Он покраснел и, боясь поднять лицо, ответил:

— Ах, скажите пожалуйста! Я ужасно расстроился. Всю ночь спать не буду!

Катя уничтожающе промолчала. Только она одна умела так молчать, что хотелось провалиться сквозь землю.

Через несколько дней Шибанову принесли повестку из райотдела милиции. Следователя Хорькова он хорошо помнил. Именно Хорьков допрашивал его два

года назад по делу «О хулиганских действиях, выразившихся в нанесении побоев гражданину Трайнину». Теперь, правда, на повестке было написано, что его вызывают в качестве свидетеля, но ему было известно, что иногда свидетели превращаются в обвиняемых. Оставалась еще надежда, что Хорьков за два года успел о нем позабыть. Но начальник отделения дознания имел прекрасную память. Мишка убедился в этом, как только переступил порог кабинета.

— Садись, — указал рукой на стул капитан. — Давай не будем терять времени. Ты должен нам сообщить, где сейчас скрываются Иван Бушуев и Василий Зюзин. Это для тебя единственный выход из положения. Ты, разумеется, знаешь их адреса. Есть показания, что ножом Гаевого ударил Бушуев. Ну? Не надо молчать, Шибанов. Не надо. Ты же понимаешь, что, если я не найду Бушуева и его дружков, мне придется завести на тебя дело, как на организатора. И хорошо еще, если все ограничится статьей семьдесят четвертой, частью второй. Тут сильно пахнет прямым бандитизмом, то есть пятьдесят девятой, пунктом третьим.

— Я вас просто не понимаю, — осторожно ответил Михаил. — Всем известно, что я ни при чем. Я в буфете был. Я не знаю, где Иван. Откуда я могу знать? Что он мне — друг или родственник? Я с ним давно уже никаких дел не имею. А то, что я им билеты вынес, так это же ничего не доказывает, просто они меня попросили. Разве я знал, что все так получится?

— Смотри, Шибанов, ты у меня допрыгаешься! — внушительно сказал Хорьков и откинулся на спинку стула.

— Так я что? Я же ничего, — ответил Мишка. — Я со всем удовольствием готов помочь, но мне Иван не докладывал, куда он пошел.

Больше Хорькову сказать было нечего, и он отпустил Михаила. Нахмурившись, несколько минут смотрел ему вслед, затем запер бумаги в сейф и отправился к полковнику Бандуре. Хорьков пробыл

у полковника минут десять и вышел, удовлетворенно поджав губы.

Если бы Мишка слышал, о чем говорил с полковником начальник отделения дознания, он вряд ли сделал бы то, что пришло ему в голову, когда он сидел в кабинете следователя.

Он решил предупредить Ивана, что этим делом милиция занимается всерьез. Ивану нужно никуда не выходить из дома или, еще лучше, уехать из города. Мишка решил дать ему такой совет вовсе не потому, что беспокоился о его судьбе. Просто он не был заинтересован в том, чтобы Бушуева арестовали. Он уже знал по опыту, что Иван имеет привычку сваливать свою вину на других, и боялся, что в случае ареста тот запутает его в это дело.

И пока Хорьков задавал ему вопросы, он рассеянно смотрел на капитана и думал: «Сегодня же съезжу. На завод не пойду. У меня повестка есть, можно сказать, что до вечера в милиции задержался... Интересно, где сейчас Иван? Верней всего, у старухи...»

Вежливо попрощавшись с Хорьковым и с удовлетворением отметив, что тот раздосадован и еле сдерживает раздражение, Мишка отправился домой.

В комнате было холодно и пусто, она выглядела нежилой. Михаил снял ботинки и улегся на кровать. Час для сна был совсем не подходящий, но делать Мишке все равно было нечего, и он решил вздремнуть.

Когда стемнело, Мишка сел на автобус и поехал на окраину города. Неподалеку от моста через реку, в глухом переулке, спрятавшемся за спинами новых многоэтажных домов, в покосившейся деревянной избушке, как будто перенесенной сюда из прошлого века, скрывался сейчас Иван.

Вслед за Шибановым в переполненный автобус втиснулся молодой человек в пыжиковой шапке. Этот человек всю дорогу сосредоточенно читал газету. Вышел он из автобуса вслед за Михаилом и тотчас же пропал в темноте.

Подняв воротник пальто, засунув в карманы поси-
невшие руки, Михаил пересек широкую, ярко освещен-

ную площадь, свернул в проходной двор, перелез через забор и очутился в переулке. Здесь было темно. Только в окнах кое-где еле теплились желтые огоньки. Застыли дома, деревья, белые заборы. Снег громко скрипел под ногами, и Мишке казалось, что этот скрип разносится по всему переулку. Он торопился, почти бежал. Ему хотелось как можно быстрее покончить с неприятным делом. В душе росла безотчетная тревога. У него возникло такое ощущение, будто в спину ему кто-то смотрит. Возле дома, где жил Иван, он остановился и долго всматривался в темноту. На мгновение ему показалось, что вдалеке мелькнула человеческая фигура, он напряг зрение, но в эту минуту внезапно повалил густой снег, и белая пелена завесила дома и небо.

Мишка постоял у калитки еще немного, но никого больше не увидел и вошел в тесный дворик. Тревога его усилилась, он готов был поклясться, что кто-то идет за ним по пятам. Закрыв калитку, он снова огляделся. С тихим шорохом падали пушистые хлопья, и казалось, что дома, деревья и сам Мишка тихонько поднимаются куда-то. «Никого тут нет!» — подумал Мишка и, выругав себя за мнительность, поднялся на крыльцо.

Мишка постучал. Долго никто не открывал, затем дверь приоткрылась. Наружу высунулся красноватый, согнутый крючком нос и острый подбородок, на котором торчали редкие седые волосы.

— Кого надо? — раздался сиплый голос, принадлежащий не то мужчине, не то женщине.

— Ивана, — ответил Мишка. — Это я, бабушка, открой.

Дверь распахнулась. Старуха, точно летучая мышь промелькнув перед глазами, куда-то исчезла. В коридоре было темно, как в пещере. Михаил вошел в комнату. Иван валялся на кровати. На ногах у него были мохнатые шерстяные носки, в углу рта торчала изжеванная папироса.

На столе, накрытом мокрой клеенкой, Мишка увидел две пустые бутылки. У окна боязливо топтался, явно чувствуя себя не в своей тарелке, парнишка лет

тринадцати. На нем был надет клетчатый пиджак с длинными лапами, достававшими ему до колен. Услышав скрип двери, Иван повернул голову.

— Это ты! — сказал он удивленно и спустил ноги с кровати. — Ты чего?

— Ничего, — ответил Мишка и показал глазами на паренька, стоявшего у окна.

— Ага, — сказал Иван. Повернувшись к мальчишке, он бросил: — Ну, рассказывай, да покороче. Видишь, человек пришел.

Паренек торопливо заговорил. Руки он вытянул по швам, его румяное, совсем детское лицо было испуганным, а голос прерывался от волнения. И вдруг подросток кого-то напомнил Михаилу. Когда-то, давным-давно он уже видел эту сцену. Да ведь он сам вот точно так же стоял и трясся перед Иваном! Это было несколько лет назад.

Теперь он вырос, а на смену ему Иван подыскал другого. Михаил сочувственно посмотрел на мальчишку. Из сбивчивого рассказа он понял, что тот, выполняя задание Ивана, отправился вчера вечером в заводской склад, где работала его сестра, дождался, когда она вышла, и стащил тюк с комплектом спецодежды. Тюк он перебросил через забор, а сам благополучно миновал ворота, где дежурил вахтер. Мальчишка, видимо, был очень горд, что сумел так блестяще выполнить поручение Ивана.

Но Бушуев вопреки его ожиданию не спешил расточать ему похвалы. Он нахмурился и недовольно спросил:

— А почему ты только один тюк взял? Я что тебе велел?

— Нельзя было, — виновато ответил паренек. — Так-то, может, еще и не заметят, а за два тюка сестру бы по милициям затаскали!

— Ах, так ты, значит, ее пожалел? — протянул Иван и покосился на Михаила. — Ну, давай, давай... Может, отнесешь все ей обратно? У настоящего боссяка не может быть ни отца, ни матери, ни сестры, ни крыши. Понял? Вот, потолкуй с человеком. Он те-

бя научит, как жить... Ладно. Ступай, после поговорим.

— А деньги? — заикнулся парнишка.

Иван достал из кармана полсотни и небрежно швырнул на стол:

— Держи! В другой раз не хлопай ушами.

— Это все? Ты же сто рублей обещал.

— За два тюка — верно, сто, а за один — половину, — объяснил Иван. — Еще притащишь, получишь. А пока беги. Понял?

— Понял! — уныло ответил паренек и поплелся к двери.

И такой обиженный, несчастный был у него вид, что Мишка внезапно возмутился. Он снова как будто увидел себя таким, каким он был несколько лет назад. И его обманывал Иван точно так же, как обманывает сейчас этого мальчишку. Мало того, что он делает из него вора, он еще бессовестно грабит его, нарушая те самые «воровские законы чести», о которых все они так любят рассуждать.

Не думая о том, к чему может привести его вмешательство, Михаил сказал мальчишке:

— Стой!

Тот нерешительно остановился. Мишка повернулся к удивленному Ивану:

— Рассчитывайся как положено. Имей совесть!

Вступаясь за паренька, он как бы защищал себя. Вернее, не себя, а того глупого, наивного мальчишку, каким он был до тюрьмы.

— Я плачу по уговору, — помолчав, изумленно ответил Иван.

— Ничего себе уговор. Так только на большой дороге уговаривают. — И, произнеся эти слова, Михаил вдруг почувствовал, что освободился от страха перед Иваном. Это чувство освобождения было так прекрасно, что даже злость его прошла, и он спокойно, почти добродушно повторил:

— Совесть надо иметь.

Иван пожевал губами, его плоское лицо стало совсем гладким, словно по нему провели утюгом, и

вдруг, резко размахнувшись, ударил Михаила кулаком по уху.

Мишка был настороже и, хотя увернуться не успел, тотчас же ответил на удар. Он нагнулся, обмывая Ивана, и, когда тот на секунду открыл лицо, двинул его снизу в челюсть. Бушуев лягнул зубами, отлетел к стене и стукнулся об нее затылком. Он был потрясен. Он никак не ожидал, что Михаил даст ему сдачи — тот самый Михаил, который всегда точно так же трепетал перед ним, как этот мальчуган... Не давая Ивану опомниться, Шибанов подскочил к нему и нанес еще несколько ударов, вкладывая в них всю силу. Он знал, как ловок и жесток Иван, и не ждал теперь пощады.

Бушуев не защищался, только зажмурил глаза. Рука его скользнула в карман.

Заметив это, Михаил хотел перехватить противника за кисть, но не успел. Иван выхватил нож.

Шибанов отскочил в сторону.

Из носа у Ивана текла кровь. Не вытирая ее, держа нож на уровне колен острием к себе, он шагнул к Михаилу. Тот схватил стул и, подняв его над головой, предупредил:

— Не вздумай, Иван, слышишь? Ни шагу дальше. Я худого не хотел. Ты сам начал... Твоя голова не медная, имей в виду, как орех, расколется!

Михаил говорил, а сам не спускал глаз с руки Ивана. Он был готов к решающей схватке; однако Бушуев не шевелился. Переведя дыхание, он неожиданно швырнул нож в пол, и тот глубоко впился в доску.

— Видел? — тихо спросил он и медленно вытер с губ кровь. — Между ребер у тебя сейчас торчал бы... Но ты мне не враг. Мало ли что бывает... Ошибка получилась. — Он вынул из кармана сотенную бумажку и протянул пареньку, который стоял у окна, дрожа от страха. — Возьми. Бери, бери, не бойся... Я ведь, сам знаешь... — Иван не успел окончить фразу. В коридоре прогремели шаги, дверь распахнулась, и на пороге появился лейтенант Трубников. За его спиной виднелись люди в синих шинелях. Миха-

ил мог бы узнать в одном из них человека в пыжиковой шапке.

— Руки вверх! — быстро оглядевшись, скомандовал Трубников. — Вы, кажется, ссоритесь? Напрасно, нервы нужно беречь.

Вошедшие вслед за ним работники милиции в одно мгновение обыскали Ивана и Михаила. Лейтенант вытащил нож из пола и, подбросив его на ладони, спросил:

— Что вы собирались делать этим холодным оружием, если, конечно, не секрет?

— Картошку чистить, — ответил Иван.

Милиционеры развернули тук. Трубников пощупал воротник шерстяного комбинезона и сказал:

— Вот оно что. Картина проясняется. Товар не поделили? Нехорошо, нехорошо...

— Какой товар? — спросил Бушуев. — Что там такое в этом мешке?

— А ты не знаешь? — спросил Трубников.

— Откуда же! Мы с товарищем сидели, пиво пили, только перед вами пришел этот пацан, предложил купить какие-то вещи... Мы хотели посмотреть, а тут вы... Можете у Шибанова спросить. Он на заводе слесарем работает, в свой цех меня зовет, мы как раз беседовали насчет условий. — Иван говорил по инерции; это был его испытанный прием самообороны.

— Интересно, — лейтенант внимательно посмотрел на Мишку. — Так было дело?

— Нет, не так! — ответил тот мрачно.

— Ага, — сказал Трубников, — после разберемся. Пожалуйста в машину, уважаемые граждане.

Подойдя к Михаилу, Иван прошептал:

— Сколько они тебе заплатили за то, что ты навел их на мою хату?

— Я не наводил.

— Ну ладно, — сказал Бушуев. — Ты еще об этом пожалеешь. Я тебя на дне моря разыщу.

— Куда вы нас повезете? — жалобно спросил мальчишка.

— В дом отдыха, — ответил Иван и выругался. —

Из пеленок не вылез, а уж ворованным барахлом торгует! Ну, разве не обидно, товарищ начальник! Из-за мальчишки страдаем!

По обыкновению, он решил свалить вину на сообщника.

«Не выйдет, — подумал Михаил. — От спец-одежды ты, может, и отвертелся бы, но за Романа Гаевого тебя все равно притянут!» Но тут же Мишка подумал, что его собственное положение, пожалуй, ничуть не лучше.

9

Если бы Валька Кабанчик знал, что Иван Бушуев арестован, его бы не мучила совесть и он не подошел бы к Кондрату Григорьевичу Жилинскому после работы. Но Валька ничего не знал, поэтому он сразу после гудка выскочил за ворота и стал прогуливаться по площади. Через несколько минут площадь заполнилась людьми. Первыми выбежали девушки из заводоуправления и отделов главного механика и главного технолога — чертежницы, копировщицы, секретарши и нормировщицы. Они громко щебетали, прыгая по снегу в своих остроносых туфельках. Потом появились токари, фрезеровщики, сверловщики, штамповщики из механического цеха. Народ серьезный, солидный, медлительный. Они не спеша молча выходили из ворот, уставшие, с темными лицами, блестевшими после душа, закуривая на ходу. Кабанчик здоровался с ними. Последнее время ему частенько приходилось забегать в механический цех по одному своему тайному делу, и он познакомился со многими.. Вслед за токарями вышли сборщики — люди веселые, самоуверенные. Работенка у них была, по мнению Кабанчика, несерьезная — ходи себе вокруг плугов и сеялок да помахивай гаечным ключиком. Сами они ничего не изготавливали, а только соединяли вместе узлы и детали, сделанные другими. А воображали о себе больше всех, и возле них всегда особенно суеилось начальство — и директор, и парторг, и главный инженер. Сборщи-

ки хвастались, что от них все зависит, но лично Кабанчик не хотел бы работать в сборочном цехе — там нет простора для фантазий, собирать плуги и бороны мог бы и автомат.

И, кстати говоря, над этим стоит задуматься. Вот Кабанчик освободится немного и тогда непременно займется вплотную проблемой сборки.

Показались литейщики — основа основ, начало всех начал. Кабанчик спрятался за табачный киоск. Он не хотел, чтобы ребята из его цеха увидели, что он здесь торчит. Начались бы шутки, расспросы, а Кабанчик не любил расспросов, он предпочитал все свои дела окружать непроницаемой тайной.

Литейщики шли плотной группой, все рослые, здоровенные, широкоплечие. На их плечах, как на трех китах, стоял завод. Это была воистину самая уважаемая и ценная профессия, по убеждению Кабанчика. Это его убеждение было основано вовсе не на узком местном патриотизме; ведь в самом деле литейщики все начинают. Условия труда в литейке тяжелее, чем во всех других цехах, вместе взятых. Литейщики имеют дело с кипящим металлом, они покорители огня!

Конечно, Кабанчик своего мнения вслух не высказывал, боясь подвергнуться насмешкам.

Насмешек он боялся не напрасно. У него был горький опыт. Над ним частенько подшучивали, — из-за его маленького роста и главным образом из-за того, что у него были ярко-рыжие волосы и медное лицо с ржавыми веснушками, совершенно дурацкое, несерьезное лицо, надо же ухитриться родиться с такой физиономией! — поэтому Кабанчик старался избегать всего того, что могло навлечь на него насмешки.

Из ворот вышел Кузьма Ильич Саламатин — начальник литейного цеха. Он был похож на просоленного морского волка из романа Джека Лондона. У него был мужественный подбородок, обросший капитанской жесткой бородкой темно-коричневого цвета, стальные, решительные глаза и могучие плечи, которым мог бы позавидовать цирковой борец. Но внешность обманывала. Это был человек осто-

рожный и хитрый. Голос имел тонкий, бабий и, когда говорил, люди, незнакомые с ним, начинали оглядываться: им не верилось, что этот пискливый голос может принадлежать такому богатырю...

Кабанчик и Саламатин относились друг к другу более чем прохладно. Начальник цеха в глаза называл Вальку бузотером, а за глаза балбесом, что было совсем уж невежливо. Кабанчик же считал Саламатина основным виновником того, что его замечательный замысел, ведущий к коренной перестройке всего литейного производства, до сих пор не только не осуществлен, но даже и не оценен по достоинству.

Увидев Саламатина, Валька поднял воротник пальто и отвернулся. Ну, почему же не идет Жилинский? Задерживается, наверно, в своем штабе.

Жилинский был нужен Кабанчику позарез. Кабанчика уже две недели мучала совесть. Собственно, даже совесть была ни при чем, а просто ему случайно стала известна одна очень важная тайна. Отмахнуться от тайны и сделать вид, что ее не существует, Кабанчик не мог.

Тайна ему стала известна в новогоднюю ночь. В клуб Кабанчик опоздал. Он вошел в зал, когда там было уже полно народу и начались танцы. Ребята из литейки окружили его и потащили в буфет.

— Я не хочу, — рассеянно сказал Кабанчик, озираясь. Он искал инженера Горчакова, с которым хотел поговорить о своем устройстве для принудительного охлаждения тяжелого литья. Устройство это Валентин изобрел сам, без посторонней помощи еще три месяца назад, но предложение в бюро изобретений пока не подавал, потому что не мог сообразить, каким образом подвести к форме охлажденный воздух. Образование у Кабанчика было не ахти — всего-навсего восемь классов, и он не мог сделать необходимых расчетов.

И вот сегодня, собираясь в клуб и отглаживая костюм, он внезапно нашел решение. Оно пришло ему в голову совершенно неожиданно. Трубы для

воздуха должны быть проложены не внутри формы и не снаружи, а в самих стенках!

Забыв о новогоднем вечере, Кабанчик выключил утюг и принялся обгорелой спичкой рисовать на кухонном столе схему устройства. Потом, стерев рукавом рисунок, он торопливо накинул пальто и выскочил на улицу. Кабанчик решил разыскать в клубе инженера Горчакова, с которым был немного знаком, и посоветоваться с ним.

Но поговорить с Горчаковым в этот вечер так и не удалось. В зале началась драка, и мысли о трубах вылетели у Кабанчика из головы.

Он помог санитарам поднять Гаевого на носилки, затем толпа вынесла его в вестибюль.

На крыльце своего дома Валентин задержался, пытаясь сосредоточить мысли на трубах для воздушного охлаждения, но перед его глазами снова и снова возникали раненый Роман, растерянная толпа и перекошенная физиономия Ивана Бушуева. Внезапно он увидел человека, перемахнувшего через забор во двор... Этот человек быстрым шагом прошел мимо, и Кабанчик, к своему удивлению, узнал Ивана Бушуева. Озираясь, тот нырнул в калитку и скрылся в переулке.

Не успев подумать, для чего это ему нужно, Кабанчик последовал за ним. Осторожно выплянув за калитку, он увидел, как Иван поднялся на крыльцо соседнего одноэтажного ветхого дома, постучал, как через минуту открылась дверь и он исчез внутри.

«Вот он, значит, где живет!» — подумал Кабанчик.

Он еще потоптался немного возле ворот, но Бушуев больше не показывался. Мороз больно щипал за уши — пора было домой.

В большой комнате горел свет. Отец Петр Петрович, известный всей улице мастер-сапожник, столяр-краснодеревщик, слесарь, а по совместительству и медник, в новом черном костюме, при галстукe, лежал, вытянувшись во весь рост, в полном парадном облачении на диване и крепко спал, а мать, неслышно ступая в войлочных тапочках, прибирала со стола.

— Готов? — спросил Валентин, кивнув на отца. Петр Петрович пил очень редко, и одна рюмка водки валила его с ног.

— Только что уснул, — шепнула мать. — Ты чего так рано?

— Так, — ответил Валентин.

Он разделся и улегся на широкую кровать, где уже спали младшие братья. Спросонья они заворчали, но Кабанчик бесцеремонно оттолкнул их к стене, завернулся в одеяло, закрыл глаза и снова попытался думать о трубах для воздушного охлаждения. Но ничего не получилось. Теперь из головы не выходил Иван Бушуев, пробиравшийся через двор...

Вместо того чтобы вместе с Горчаковым продумать идею о трубах, Кабанчик все время размышлял о тайне, которая случайно стала ему известна. Он не знал, как быть с этой тайной. Он понимал, что должен пойти в милицию и сообщить, где скрывается Бушуев. Но ему очень не хотелось туда идти.

Кабанчик подождал несколько дней, надеясь в глубине души, что работники милиции без его помощи разыщут Ивана, но Бушуев по-прежнему был на свободе.

Он был на свободе, а Ромка лежал в больнице. Когда Кабанчик думал об этом, ему становилось тошно. Но он никак не мог заставить себя пойти в милицию. Однако после комсомольского собрания Кабанчику стало совершенно ясно, что занятая им позиция просто постыдна! Выходит, он покрывает бандита? Кабанчик понял, что его боязнь протоколов и нежелание «вмешиваться не в свои дела» и есть та самая отвратительная трусость, о которой так горячо говорили на собрании Димка Зорич и Катя Назарова. Больше тянуть было нельзя. И в тот день, когда была создана дружина, Валентин твердо и окончательно решил рассказать о Бушуеве Жилинскому. Даже в милицию теперь не обязательно было идти. Жилинский такой же рабочий, как сам Кабанчик. С ним легче найти общий язык... И все же, ожидая Кондрата Григорьевича, Кабанчик робел, сам не зная отчего... Наконец из ворот вышел Жилинский.

Некоторое время Кабанчик шел следом за Кондратом Григорьевичем, пока на улице не осталось знакомых, затем догнал его и бодрым голосом сказал:

— Здравствуйте, Кондрат Григорьевич. А у меня к вам дело есть.

Жилинский обернулся:

— Это ты, Кабанчик! Ну, выкладывай, какое у тебя дело. Да я, кажется, догадываюсь...

— Догадываетесь? — растерялся Валентин.

— Говорил мне Горчаков про твое изобретение. По-моему, вещь стоящая. Как ты собираешься осуществлять это охлаждение?

— Сейчас... я сейчас все объясню, — заикаясь от волнения, ответил Кабанчик.

Значит, Жилинскому уже известно об изобретении. Но когда же Горчаков успел рассказать? Ведь он сам узнал обо всем от Кабанчика только два дня назад, да и то лишь в общих чертах. Их разговор происходил в столовой, перед самым гудком... Чудеса!

Собравшись с мыслями, Валентин рассказал Жилинскому о приспособлении и, увлекшись, даже нарисовал концом ботинка на снегу чертеж. Кондрат Григорьевич слушал внимательно.

— А что? И правда, любопытно! — сказал он, когда Кабанчик умолк. — Знаешь, что? Зайди денька через три в наш штаб. Слыхал небось про дружину? Пригласим Горчакова и вместе решим, как быть дальше. Согласен?

— Еще бы! — воскликнул Валентин.

Распрощавшись с Жилинским, он со всех ног помчался домой. По дороге Валька хвалил себя за то, что догадался обратиться к Жилинскому. Ведь это такой человек! Если он поддержит изобретение, оно наверняка будет осуществлено. Но радость Кабанчика была недолгой. Он снова вернулся к мыслям, которые беспокоили его все эти дни. После разговора с Жилинским ощущение своей вины стало еще сильнее.

«Ничего, — подумал Кабанчик, садясь за ужин. — Про Бушуева я Жилинскому все равно расскажу. Завтра же. Или в крайнем случае послезавтра. Приду в штаб и расскажу».

Но на другой день Валентин узнал, что Бушуев арестован. «Вот и хорошо», — с облегчением подумал он.

10

...Кондрат Григорьевич давно приметил Валентина Кабанчика. Парень был шепутной, но явно с царем в голове. В его выходках можно было уловить некоторую систему. Расставшись с Валентином, Жилинский вспомнил, как в прошлом году тот вступил в неравную схватку с заместителем директора завода по хозяйственной части Скрыпником и, что самое удивительное, вышел из этой схватки победителем. Дело было так: давно шел разговор о том, что в литейном цехе необходимо организовать буфет. Рабочие не успевали во время перерыва пообедать, так как здание цеха стояло на отшибе и до столовой было далеко ходить.

Скрыпник не раз давал торжественные обещания устроить в литейке буфет, но исполнить обещания не спешил.

Кабанчик сообразил, как воздействовать на заместителя директора. Он разжег во дворе возле цеха костер и принялся жарить на вертеле кусок мяса, который специально прихватил с собой на работу. Сбежались пожарники, Кабанчика под конвоем препроводили к директору, и там он, ничуть не смущаясь, заявил, что у него просто не было другого выхода, так как не может же он оставаться без обеда. Происшествие каким-то образом стало известно корреспонденту «Вечерней газеты» Мironу Ватнику, который частенько навещался на завод; он сам раньше здесь работал сверловщиком; и эта история попала в фельетон. В результате буфет в литейке был немедленно создан, а Кабанчик прославился на весь завод.

То, что он придумал насчет воздушного охлаждения, было определенно талантливо. Такого же мнения придерживался и Горчаков. «Надо помочь парню довести дело до конца», — решил Жилинский.

Стол был накрыт, но обед не подавался. Кондрат Григорьевич снял пальто и вошел в комнату. Старший сын Николай, конструктор технического отдела, и младший — Павел, начальник сборочного цеха, спорили. Павел доказывал что-то, а Николай иронически усмехался и покачивал головой. Оба были похожи на отца — крутолобые, с упрямыми подбородками. На заводе обоих уважали и немного побаивались.

С приходом Жилинского спор тотчас же прекратился. Николай и Павел знали, что отец не любит, когда за столом шумят.

Дочь Ольга, заместитель начальника модельного цеха, задумчиво смотрела в окно, наморщив лоб. Она рассеянно кивнула Кондрату Григорьевичу и снова сдвинула светлые пушистые брови. У Ольги были неприятности, на директорских пятиминутках модельный цех каждый раз ругали. Она терпеть не могла своего начальника за чванство и техническую малограмотность; из-за их раздоров дела в цехе шли кривь и вкось... Кондрат Григорьевич пока не вмешивался, но чувствовал, что настала пора поговорить с дочкой. Ольга слишком много времени тратит на бессмысленные споры с начальником, а нужно поставить вопрос о работе цеха на парткоме.

— Поздно ты нынче, — вполголоса сказала жена, принеся из кухни кастрюлю с супом.

— Ты теперь с батей таким штатским голосом не разговаривай! — сказал Павел, улыбаясь. — Он у нас стал военным. Командиром отряда грозных народных мстителей.

Кондрат Григорьевич сердито взглянул на него из-под лохматых бровей, но ответить не успел. Раздался звонок. Ольга открыла дверь. В комнату вошла высокая женщина с седыми, гладко причесанными волосами. У нее было строгое лицо, тонкие губы и светло-голубые глаза, окруженные сеточкой мелких

морщинок. Голос у женщины был звучный, молодой. Походка решительная, твердая. Казалось, ей не больше пятидесяти, и, лишь приглядевшись, можно было догадаться, что она гораздо старше.

Жилинский поспешил к ней навстречу.

— Здравствуй, товарищ Зарецкая, — сказал он и наклонил голову.

— Здравствуй, товарищ Жилинский, — ответила женщина. — Мне передали, ты какую-то дружину организовал, двадцатый

год вспомнил? Мог бы зайти ко мне, рассказать, что и как. Я, впрочем, не обижаюсь. Сама пришла!

— Ну, и хорошо, — сказал Кондрат Григорьевич. — Отведаешь наших щей... Садись, садись...

После обеда Жилинский и Зарецкая присели в уголке на диване. Жилинский любовно смотрел на свою гостью. Он не замечал ее морщин, поблекших глаз и желтых, дряблых рук. Он видел перед собой Нину Зарецкую. Нину «Искорку», как ее называли товарищи по подполью. Их дружбе было почти полвека. Когда-то Кондрат Григорьевич, да и не один он, преклонялся перед этой гордой, красивой девушкой с пышными пепельными волосами, смелым, открытым взглядом прекрасных темно-синих глаз. Он старался во всем подражать ей. Учился у нее хладнокровию, выдержке, мужеству. Такой она и осталась навсегда в его памяти. Нина Зарецкая была активисткой «Правды», встречалась с Лениным. Незадолго до революции царские судьи отправили ее в ссылку за

участие в забастовке — вместе с группой рабочих-большевиков. Среди этих рабочих был и Жилинский. Там они и познакомились — в маленькой деревушке, затерянной в снежных просторах Красноярского края.

Во время гражданской войны Кондрат Жилинский и Нина Зарецкая воевали на разных фронтах, а когда настали мирные дни, снова встретились на заводе. Кондрат Григорьевич остался мастером на сборке, а Зарецкую назначили редактором заводской многотиражной газеты...

Недавно она ушла на пенсию. Ей исполнилось семьдесят, но она была еще полна энергии... По ее инициативе был создан совет пенсионеров завода, и этот совет под ее председательством все решительнее вмешивался в производственные дела.

— Дело, в сущности, проверенное... нами же проверенное, в первые годы советской власти... — говорил Жилинский. — Помнишь, как тогда все горели? Как после работы, голодные, в рваной одежде, патрулировали по заледеневшим мостовым? И сейчас рабочие решили навести порядок у себя в доме. Настоящий революционный порядок! Вот в чем сущность нашей дружины...

— А тебе не кажется, что ты придаешь вашей затее слишком уж большое значение? — спросила Нина Яковлевна. — Надо ли на борьбу с единицами поднимать народ, как на главное сражение сегодняшнего дня? Нет! Не надо на это тратить энергию. Следить за порядком в клубе могут обыкновенные дежурные. И про двадцатые годы ты зря на собрании говорил. Тогда, верно, были дружины. Но тогда бандиты на улицах людей убивали, а сейчас отдельные хулиганы распустились. Так неужели с ними милиция не справится?

— Давай смотреть глубже. — И он многозначительно взглянул на Зарецкую. — Дружина — начало большого дела. Она сблизит людей. Это один из ростков общественного самоуправления...

Они заспорили, но так и не пришли к соглашению. Произнесли немало резких, может быть, даже не вполне корректных слов, но лица их при этом све-

тились такой нежностью, что казалось со стороны, будто два этих очень пожилых человека, забыв про возраст, рассказывают друг другу о своей большой и нестареющей привязанности.

В общем так оно и было, и никакие, даже самые резкие, слова не могли омрачить их долголетней дружбы.

11

Виктор Трубников долго не мог выбрать себе профессию по душе. Он учился в театральной студии и в техникуме связи, в шоферской школе и на курсах иностранных языков. В конце концов отец строго сказал ему: «Хватит! Нельзя до бесконечности увлекаться то одним, то другим».

Это было правдой. Виктор постоянно чем-нибудь увлекался. В раннем детстве он, например, увлекался спортом. Он твердо решил стать чемпионом мира. Каждое утро всю зиму он выходил на балкон и занимался гимнастикой. Даже когда трещал мороз, приговаривая, что мороз ему нипочем, он бодро прыгал в трусиках. Прохожие, видя Виктора, останавливались и показывали на него пальцами. Ему это очень нравилось. Соседи возмущались и жалели его; для пущего интереса он рассказал им, что на балкон его систематически выгоняет отец в наказание за то, что он приносит из школы двойки. Соседи пожаловались на отца в райсовет, после этого отец начал запирать балкон на ключ.

Андрей Сергеевич Трубников был прокурором города. Виктор тоже решил стать прокурором.

В шестом классе он зачитывался приключенческими повестями и сам сочинял после этого сложные и увлекательные истории, главным героем которых каждый раз был он, Виктор Трубников. Эти истории Виктор, захлебываясь, рассказывал во дворе и в школе своим сверстникам. Сочинял он со страстью, сам почти веря тому, что говорил. Ребята в школе прекрасно знали, что все это выдумка, но слушали с удовольствием. Они иногда лупили Виктора за то, что он их

надувал, но уважали его за ловкость, с которой он это делал.

Виктор уверял, что отец берет его на задания и он вместе с милиционерами по ночам ловит преступников. Раз даже в него стреляли, а он спрятался в канаве и полтора часа отбивался из пистолета, который подарил ему сам начальник отделения в день его рождения... Это нельзя было назвать ложью. Просто Виктору очень хотелось, чтобы все так было на самом деле. Он не обижался, когда ему не верили, а к тем людям, которые принимали его истории всерьез, относился иронически.

В восьмом классе Трубников неожиданно увлекся археологией. Детективные романы были заброшены; истории с погнами и преступлениями забыты. Теперь он лазил по переулкам и дворам, по чердакам и подвалам, разыскивая разные древние предметы. Ему было все равно, что он найдет: саблю, вазу или какой-нибудь другой предмет, лишь бы можно было сдать их в музей. Но ничего он так и не нашел, разочаровался и, навеки покончив с археологией, сохранил в памяти множество старинных историй и преданий. Спустя некоторое время Виктор принялся уверять товарищей, что он не кто иной, как прямой потомок известного декабриста князя Трубецкого, и большое здание с колоннами, в котором сейчас помещается райсовет, раньше было собственностью князей Трубецких, но его, Виктора, прадедушка во время революции добровольно подарил этот дом советской власти... История была до такой степени оригинальной и неожиданной, что ею заинтересовался даже директор школы; дошло до отца, и тут выяснилось, что прадедушка Виктора был солдатом-кантонистом из крепостных!.. «Это, братец, получше, чем какой-нибудь князь!» — сказал Трубников-старший в кабинете директора.

После окончания школы Виктор года два выбирал профессию, наконец после разговора с отцом поступил в юридический институт. Получив диплом, был направлен на работу в районный отдел милиции. Работа ему понравилась, не понравился ему только его

непосредственный начальник — капитан Павел Ильич Хорьков.

Виктор считал Павла Ильича косным и бездарным человеком. В свою очередь, Хорьков терпеть не мог Виктора и называл его во всеуслышание выскочкой.

Павел Ильич пользовался большим авторитетом у начальства и славился по всему управлению своей исключительной удачливостью, а также осторожностью, хладнокровием и особенно — редчайшим умением вовремя «спихивать» другим бесперспективные «дела».

Хорьков был убежден, что в милиции все должно идти по издавна заведенному порядку. Только на этом порядке все держится, и если строго не соблюдать его, то наступит хаос.

Лейтенанту Трубникову, напротив, кое-какие порядки в милиции не нравились, и он полагал, что их необходимо как можно скорее изменить.

Например, ему не нравилось, что работа следователей оценивается по количеству раскрытых «дел». По его мнению, этот порядок устарел. Один успевал за месяц закончить расследование по пятнадцати «делам». О таком писали в стенгазете, он получал благодарность и денежную премию. Другой закончил только одно «дело», и на него смотрели косо. Но заслуги первого, так же как и вина второго следователя, были лишь кажущимися. У первого в производстве находились пустяковые «дела» о мелком хулиганстве, второй же бился весь месяц над сложным хозяйственным «делом», по которому нужно было допросить множество свидетелей и обследовать несколько крупных предприятий.

Такая система побуждала следователей стремиться к тому, чтобы мелких «дел» у них было побольше, а крупных поменьше. Некоторые из следователей спешили, лишь бы побыстрее сдать «дело» в прокуратуру. Совершали ошибки и зачастую шли по неправильному пути, так как им просто некогда было задуматься.

И когда капитан Хорьков на совещаниях требо-

вал от подчиненных строгого выполнения «нормы», Виктор с ним обязательно вступал в спор, а иногда даже отваживался просто не выполнять его распоряжений, за что, разумеется, немедленно подвергался дисциплинарным взысканиям... Хорьков шутить не любил. Вообще он, наверно, давно бы постарался избавиться от Виктора, если бы отец у того не был прокурором.

...Сидя в машине рядом с Шибановым, Трубников думал об этом парне. Что он собою представляет? Такая же жертва Ивана Бушуева, как этот заплаканный мальчишка, или уже законченный преступник? Михаил ему чем-то понравился. У него были очень симпатичные, правдивые, карие глаза, твердый подбородок. Видимо, ершист, задирист, но чувствуется в нем что-то доброе, смелое... Кроме того, он подрался с Иваном... В машине он смотрел на Ивана, как на врага... Вряд ли они единомышленники... Виктору хотелось верить Мишке. Он считал, что, если у человека хорошая улыбка, тот не может быть вором.

Все это, конечно, было не научно и, возможно, даже наивно, но Трубников доверял своему первому впечатлению. «Я ведь тоже человек, а не кибернетическая счетная машина, — говорил он Хорькову. — Меня не только улики интересуют. Меня интересуют люди...» Но с уликами тоже приходилось считаться. В данном случае они говорили о том, что Шибанов и Бушуев хорошо знакомы. И если даже Михаил не замешан в краже спецодежды, его обязательно надо задержать и допросить...

Но Виктор решил не делать этого. Он решил отпустить Михаила под подписку о невыезде и вызвать его через несколько дней. Освободить парня Трубников хотел вовсе не из-за пустого каприза и, конечно, не для того, чтобы сделать капитану назло. У него был свой план... Для того чтобы Михаил рассказал все, что ему известно, необходимо расположить его к себе, потолковать с ним по душам. Тогда, возможно, он сообщит, где в настоящее время скрываются Яков Малышев и Василий Зюзин. Это должно быть ему известно.

Если же его арестовать, он сразу озлобится, замкнется и будет молчать... Только так надо действовать, если исходить от людей, а не от улик. Но убеждать в этом Хорькова совершенно бесполезно. Хорьков не станет ломать голову. Он поступит строго по инструкции. Обоих задержанных прикажет водворить в камеру, оформить на них постановление и подвергнуть обыску... Оставалась надежда, что Хорькова в райотделе не окажется.

Но капитан стоял на крыльце. Он подошел к машине, открыл дверцу и сказал:

— Привез? Давайте Бушуева ко мне в кабинет, я сам его допрошу, а Шибанов пусть посидит в коридоре...

В этот момент из машины вылез мальчишка.

— А это кто такой? — удивился Павел Ильич.

Виктор коротко объяснил.

— Дяденька, отпустите меня, мне завтра в школу надо! — взмолился паренек.

Хорьков, усмехнувшись, ответил:

— Зачем тебе в школу? Ты, я вижу, и так ученый.

Трубников проводил арестованных на второй этаж и, сказав Шибанову и плачущему пареньку, чтобы они подождали в коридоре, ввел Ивана Бушуева в кабинет. Кабинет был пуст. Павел Ильич задерживался. Виктор угостил Бушуева папироской. Тот вежливо поблагодарил и закурил. Он уже успокоился. Его плоское лицо было каменным.

Минут через двадцать вошел Хорьков и сердито сказал Виктору:

— Придется вам самому их допросить. Я еду на происшествие.

— Хорошо, — ответил Виктор, в глубине души обрадованный.

— Только имейте в виду, — посмотрел на него капитан, — не играйте в интуицию. Делом интересуются в вышестоящих кругах, в том числе редакция газеты. Я надеюсь, вам все ясно?

— Мне все ясно, — ответил лейтенант. — Сделаю все, что в моих силах.

Когда Хорьков бывал чем-нибудь недоволен, он

вставлял в свою речь множество умных интеллигентных слов, но употреблял их не всегда уместно.

Когда за капитаном закрылась дверь, Виктор сказал Бушуеву:

— Ну что ж, будем знакомиться? Ваше имя, отчество, фамилия, год рождения? Сколько раз судимы? По какой статье?

— Многовато вопросов, начальник, — ответил Бушуев сквозь зубы. — Все мои данные у вас в картеке записаны. Но только напрасно вы беспокоитесь. Старое я забыл. Веду честный образ жизни.

— Где работаете?

— Пока еще не устроился, только собираюсь... Хотел на «Сельмаш», с товарищем советовался...

— А на какие же средства вы сейчас живете?

— Какая это жизнь! — вздохнул Бушуев. — Перебиваюсь с хлеба на квас. То у одного займу червонец, то у другого. Недавно по облигации выиграл триста рублей. На вокзале тоже подрабатываю. Чемоданы гражданам до такси подношу.

Бушуев, прищурившись, спокойно смотрел на Трубникова, как бы примериваясь к нему. «Ничего ты из меня не вытянешь, — говорил его тяжелый, уверенный взгляд. — Лучше не пытайся».

«Это мы сейчас посмотрим», — подумал Виктор и спросил:

— Ну, а как насчет драки в клубе? Драка-то была?

— Я вас просто не понимаю, — удивился Иван и покачал своей крупной, круглой головой с прижатыми к вискам большими ушами.

— Ну, это уж вы зря, — заметил лейтенант. — Это просто несолидно с вашей стороны. Там же было в это время триста человек. И все видели вас и ваших приятелей. Один из вас ударил ножом человека, который вступился за девушку. Есть основания считать, что это сделали вы. Зачем же дурака-то валять? Не хотите отвечать, ступайте в камеру.

— Ах, вот вы про что, — подумав, ответил Бушуев. — Я уже про драку и забыл... Так вы меня за это задержали? Но ведь я-то здесь ни при чем. Ножа

у меня не было. Ножом этого человека ударил неизвестный мне гражданин...

— Вот как! Неизвестный? Что-то новое. Как же все произошло?

— Я пришел в клуб один, встретил там своего знакомого, Михаила Шибанова. В буфете к нам под-сели еще двое — один высокий, другой низкий. Раньше я их никогда не видел. Вот этот высокий, когда у меня ссора с пареньком получилась, подскочил сзади и ударил его ножом. Наверно, у них были старые счеты...

— Интересно, — сказал Трубников. — А как этого высокого зовут? Случайно, не знаете? Не Василий Зюзин?

— Вот не скажу, — ответил Иван. — Они сразу скрылись. Я выбежал за ними, но их уже след простыл.

— Значит, лично вы не дрались?

— Драки не было. Просто поссорились из-за девушки. А насчет ножа вы бросьте! Разве я нож возьму в руки? Я не какая-нибудь шпана! Ваш вопрос меня просто оскорбляет.

- Иван уселся поудобнее и заложил ногу на ногу.

— Ну что же, так и запишем, — сказал лейтенант и стал заполнять протокол.

Показания Бушуева было трудно опровергнуть, во всяком случае до ареста обоих приятелей — Якова Малышева и Василия Зюзина. Вряд ли кто-нибудь из очевидцев драки успел заметить, кто именно ударил ножом Романа. Все это произошло слишком быстро. Придется допросить много людей, раздобыть неопровержимые улики и лишь после этого вернуться к допросу Бушуева.

Трубников старательно скрипел пером, а Иван исподлобья разглядывал кабинет. У него были тяжелые, как камни, руки. Сейчас они спокойно лежали на коленях, но легко можно было представить, какая сила в них таилась...

— Прочтите и заверьте вашей подписью, что все с ваших слов записано правильно, — произнес лейтенант привычную фразу.

Бушуев внимательно прочел протокол, обмакнул ручку в чернильницу, снял приставший к кончику пера волосок и расписался на каждой странице.

— Теперь я, наверно, могу идти домой? — сказал он, делая вид, что хочет подняться со стула.

— Нет, вам придется остаться, — ответил Трубников, прекрасно зная, какой сейчас последует вопрос. Он не ошибся.

— А почему ~~вы~~ меня задерживаете? — спросил Бушуев. — У вас что, есть основания?

— Я вас подвергаю аресту на основании статьи сотой уголовно-процессуального кодекса, как подозреваемого в преступлении, предусмотренном статьей сто сорок второй, — ответил Трубников.

— Яснее ясного, — кивнул Бушуев. — Только... поверьте, зря обижаете.

Все это была игра, оба знали, что ведут игру; Трубников знал к тому же, что противник у него серьезный и поединок предстоит нелегкий.

В этом поединке у Бушуева более выгодная позиция, чем у лейтенанта, потому что Бушуев может и имеет право, как обвиняемый, давать любые показания для облегчения своей участи.

Виктор был убежден, что удар ножом нанес Иван Бушуев, но решил самым добросовестным образом проверить и выдвинутую им версию. Он не верил этой версии, но обязан был отнестись к ней со всей серьезностью. После того как протокол был подписан, лейтенант отвел Бушуева в камеру и позвал из коридора мальчишку. Тот всхлипывал, сидя на скамейке. Лицо его опухло от слез.

— Тебя как зовут? — спросил Виктор, закрыв дверь кабинета.

— Игорь, — прошептал мальчуган.

— С кем живешь? С отцом, матерью?

— Сестра у меня... Муся. На заводе работает.

— На складе, наверно? Понятно. Хорошую же мину ты сестричке подложил, нечего сказать. Ее ведь теперь из-за тебя в тюрьму посадят.

С черных ресниц мальчугана скатилась слеза.

— А кто тебе велел тюки стащить? — спросил Виктор.

— Никто, — помолчав, ответил Игорь. Он покраснел и закусил губы.

— Никто так никто, — согласился Трубников. — А сколько денег тебе обещал Иван за каждый тюк заплатить?

— Обещал сто... А дал только пятьдесят, — насутился мальчишка.

— Какой обманщик! — сказал Виктор, подавив улыбку. — Тебе-то зачем деньги понадобились?

Игорь замялся.

— Ладно, не говори, держи при себе, — разрешил лейтенант. — Хотя ты и совершил преступление и надо бы тебя посадить в камеру, но пока можешь идти домой. Завтра сестру сюда пришли... Ну? Что стоишь? Не рад, что я тебя отпускаю?

— Не надо сестру, — тихо попросил мальчик. — Лучше я... Лучше уж меня...

«А совесть у тебя есть, оказывается», — подумал Виктор и ответил:

— Да ты не бойся. Возможно, я ей пока ничего не скажу. Это от тебя зависит. От твоего поведения. А поговорить мне с ней обязательно надо. Так пришьлешь ее? Не обманешь?

— Не обману! — последние слова Игорь крикнул уже из коридора.

«Придет! — уверенно подумал Трубников. — И сам придет, и сестру приведет, и все мне расскажет!»

С Михаилом Шибановым Виктор бился долго. Мишка категорически отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы. И все же лейтенант все больше проникался к нему симпатией. Причина этой симпатии была не вполне ясна ему самому... Михаил не дал лейтенанту никаких доказательств своей невиновности. Он не пытался оправдываться. Сидел на стуле, угрюмо глядя под ноги, и молчал. Не пожелал даже подписать протокол. С трудом удалось упротić его, чтобы он назвал свою фамилию и адрес. Но, несмотря на все это, Виктор принял решение, которое, как он твердо знал, должно было доставить

ему уйму неприятностей. Он решил, что самое лучшее сейчас — отпустить Шибанова домой и дать ему возможность обдумать свое положение. Он твердо верил, что перед ним сидит не враг, а друг. Только надо этому другу помочь разобраться в его поведении, поскольку он явно запутался.

— Ну ладно! — сказал Виктор. — Теперь я знаю, почему утопающего сперва бьют кулаком по лбу, а потом уже вытаскивают на берег. Ты тонешь и не желаешь, чтоб тебя спасали. Но все равно я не пушу тебя на дно. Ты должен понять, что мы с тобой на одной стороне баррикады, а Бушуев с его дружками на другой. И когда ты это поймешь, ты сам придешь ко мне и назовешь адреса Яши Малышева и Василия Зюзина. А пока можешь идти на все четыре стороны. Я не хочу сажать тебя в тюрьму, хотя у меня для этого оснований больше чем достаточно. Но я почему-то верю в твою порядочность...

Мишка не поверил, что его отпускают. Он не поверил даже тогда, когда Трубников распахнул перед ним дверь.

— Ну, что ты мнешься? Не хочешь уходить? — добродушно спросил Виктор. — Тебе здесь понравилось? Или тебе дать тридцать копеек на трамвай?

Шибанов молча повернулся и медленно, словно боясь, что его сейчас вернут обратно, пошел по коридору.

«Итак, я почти всех благополучно разогнал по домам! — с невеселой усмешкой подумал Виктор, вернувшись в кабинет. — Теперь остается сообразить, что сказать Хорькову».

Но держать ответ Виктору пришлось не только за то, что он отпустил Шибанова...

В эту ночь он был ответственным дежурным по райотделу. Проводив Шибанова, он заперся в кабинете и прилег на диван, поставив рядом на полу телефонный аппарат. Так делали все дежурные.

Он проснулся оттого, что кто-то ломился в дверь.

— Вставайте, товарищ лейтенант!

Плохо соображая спросонья, Виктор вскочил.

В коридоре стоял их новый работник старшина Гринюк, начальник конвоя.

— Арестованный порезался! — выпалил он, моргая рыжими ресницами.

— Как порезался? — не понял Трубников. — Кто?

— Да этот ваш Бушуев! Припрятал бритву и полоснул себя по венам...

— Врача вызвали?

— Не успел еще...

Виктор вихрем слетел по лестнице. Пересек полутемный коридор и распахнул железную дверь камеры. Старшина сзади посветил фонариком... Трубников знал, что опытные преступники-рецидивисты, находящиеся в заключении, симулируют иногда попытку к самоубийству, ставя перед собой цель добиться от администрации перевода в другую колонию или избавиться от дальнего этапа.

Но в камере предварительного заключения подобных происшествий еще не случалось. Что было нужно этому Бушуеву?

Виктор, нахмурившись, переступил порог. Картина, которую он увидел, заставила его отшатнуться. Нет, пожалуй, это была не симуляция. На полу в камере блестела лужа крови. Иван Бушуев лежал лицом вниз, распластав по каменным плитам руки. Он был обнажен до пояса. Левая рука выше локтя затянута порванной рубашкой.

Трубников нагнулся над ним. Бушуев не шевелился и, кажется, не дышал. С помощью старшины Виктор перевернул его на спину. Грудь не вздымалась, веки были полуоткрыты.

— «Скорую помощь»! Живо! — скомандовал Трубников. — Кажется, он в самом деле...

Гринюк бросился к телефону. Бушуева вынесли во двор и положили на разостланную шинель. В переулке заревела сирена, лучи фар осветили двухэтажное здание райотдела.

Из машины выскочили люди в белых халатах.

— Видимо, потерял много крови, но сердце прослушивается, — деловито сказала молоденькая де-

вушка-врач. — Нужно сделать переливание. В машину!

— Я поеду с ним! — бросил лейтенант старшине. — Останешься за меня. В случае чего позвонишь в больницу...

В кабине пахло карболкой. На носилках неподвижно темнело тело Бушуева. Он по-прежнему был без сознания. Виктор накрыл его шинелью.

В мыслях у него был полный хаос. Что побудило Бушуева вскрыть себе вены? Такие люди никогда не решаются на самоубийство. Они, правда, способны совершить самый отчаянный поступок, когда их припирают к стене, но только не такой, в результате которого могут пострадать они сами... А что, если Виктор не разглядел чего-то в Бушуеве? Что, если тот в самом деле решил заниматься честным трудом и арест вызвал у него приступ отчаяния?

Лейтенант провел ладонью по лицу. Какие-то глупости лезут в голову.

Оставив Бушуева на носилках в приемном покое, он вошел в кабинет дежурного хирурга, который попросил сообщить имя и фамилию раненого. Вернувшись через несколько минут в приемную, Виктор увидел пустые носилки и распахнутое окно. Бушуев бежал.

Непонятно было, как мог этот человек встать с носилок и открыть окно, потеряв столько крови, но задумываться об этом сейчас, пожалуй, не имело смысла.

Лейтенант спрыгнул с подоконника в сад. Следы вели к забору и там пропадали. «Неужели, через забор перемахнул? — подумал Виктор. — Он же голый совсем... Да не может он никуда уйти! Ерунда!»

Но Иван исчез, словно растворившись в воздухе. Трубников перелез через забор; улица была пустынной. Намечался рассвет...

Виктор обратился к какому-то раннему прохожему, но тот не заметил, чтобы здесь пробежал полуголый человек... Виктор вернулся в сад. Повалил снег. Белые деревья укоризненно покачивали ветками...

Бушуев бежал.

Трюк был рискованным, некоторые, не рассчитав, протягивали ноги, но некоторые и спасались. Иван никогда не применил бы этот древний трюк, если бы имел дело, скажем, с капитаном Хорьковым. Хорьков бы на эту удочку не клюнул. У него бровь не дрогнет... Лужей крови его не испугаешь. Плевать ему, выживет человек или помрет. Ему все равно. Ему не отвечать. Поэтому с такими, как Хорьков, лучше этого спектакля не устраивать — очень даже просто можно загнуться... Ивану здорово повезло, что дежурным был лейтенант Трубников. Как он испугался, бедняга!..

Бушуев размышлял, скорчившись в тамбуре между дверями и накинув на плечи какой-то старый, пахнущий мышами мешок. Выскочив из окна, еле держась на ногах от слабости, он больше всего боялся свалиться в сад... Добравшись до забора, он по своим следам вернулся к дому, затем вдоль стенки прошел к какому-то подъезду и спрятался за дверью.

Наступило утро, в больнице появились посетители. Они раздевались в гардеробе и, надев белые халаты, уходили к больным. Иван терпеливо сидел в тамбуре. Временами его охватывало забытие. Он терял сознание и снова приходил в себя и видел перед глазами гладкую стенку, пахнущую масляной краской, и пыльную батарею центрального отопления... Крови все-таки из него вылилось порядочно... Перестарался. С этим лейтенантом вполне можно было обойтись и меньшим количеством.

Иван удачно спрятался. Приоткрыв дверь, он мог видеть все, что происходило в гардеробной. Там расхаживал толстый, сонный, седобородый гардеробщик. Он был очень важный и, принимая у посетителей одежду, хмурился так недовольно, словно делал им большое одолжение. Иван, усмехнувшись, подумал, что важность с этого толстяка слетит моментально, когда обнаружится, что не хватает одного пальто. Иван предпочитал грабить людей, неприятных ему по чему-либо. Он презирал тех, кто воровал без разбора,

и очень уважал себя за то, что придерживался определенных правил в своей беспокойной, волчьей жизни. Каждому человеку, считал он, обязательно нужно уважать себя хотя бы за что-нибудь...

Ножа у Ивана не было. Ножом Романа Гаевого ударил действительно не Иван, а Васька Зюзин.

Иван и с Романом-то дрался без особой злобы, просто потому, что уже нельзя было отступить. На улице Васька гордо взглянул на Ивана, явно ожидая одобрения, но тот за минуту перед тем, как они разбежались в разные стороны, прошипел сквозь зубы:

— Что наделал, гад?

С тех пор он не видел Ваську... И вот теперь приходилось расхлебывать кашу, которую тот заварил.

Воспользовавшись тем, что гардеробщик отлучился куда-то, Иван выбрался из своего убежища, надел первое попавшееся пальто, натянул на уши шапку и вышел на улицу. От свежего воздуха, от солнца и света у него закружилась голова, а по рукам и ногам побежали мурашки. Захотелось лечь тут же на крыльце, закрыть глаза и спать, спать... В пальто оказался кошелек, в котором звенела какая-то мелочь. Иван сел в троллейбус, взял билет и словно провалился в мохнатую теплую яму...

Очнулся он вовремя. Пора было сходить. Иван вышел из троллейбуса возле гостиницы «Урал». В вестибюле его опять разморило. Он жадно выпил полграфина воды и, выбрав момент, нагнулся к кошке администратора. Ему повезло. Дежурила Зинка — его старая знакомая. Он гулял с ней когда-то. Лет шесть назад. Потом у него были другие женщины, но Зинка, дуреха, к нему всерьез привязалась. Так радуется всегда, видя его. Ни о чем не спрашивает, смотрит своими жалобными зелеными глазами. И вином напоит и спать уложит. А денег не берет. Вот чудачка! Чокнутая какая-то! Все бабы ради денег готовы папу родного на Колыму отправить, а эта какая-то ненормальная. Сколько раз Иван в удачные дни совал ей пригоршню хрустящих сторублевков, другая бы красным маком расцвела от радости, а Зин-

ка головой покачает, тряхнет своей детской жиденькой косичкой: «Ничего мне не надо. Мне ты нужен». Она все о нем знала. На нее можно было положиться.

Увидев его, Зина побледнела.

— Я сейчас, — шепотом торопливо сказала она. — Вот тебе ключ от пустого номера, ступай туда, я сейчас приду.

Взяв ключ, Иван с трудом вскарабкался по лестнице и повалился в номере на кровать прямо в пальто и в ботинках. Хорошо иметь такую знакомую, как Зинка! В любое время есть где переночевать. И в книге записываться не надо — Зинка все устроит. Когда она дежурит, она здесь полная хозяйка!

— Боже мой, что с тобой случилось! — с ужасом сказала Зина, вбежав в номер и повернув в замке ключ. — Ты бледный, как стенка!

Ивану было трудно даже языком шевелить.

— Приболел малость, — невнятно ответил он. — Можно мне у тебя побыть до утра?

— До семи утра можно, — виновато ответила Зина. — А больше нельзя, сменщица моя придет... Хочешь, я врача позову? Скажу, клиенту плохо стало. Никто ничего не узнает.

— Не надо, — покачал головой Бушуев. — Ты чаю мне горячего дай, послаще, достань где-нибудь рубашку, пиджак и галстук. И денег я у тебя возьму рублей пятьсот. Дней через пяток отдам.

С Зинкой не пропадешь. Вот жена бы из нее вышла! Засыпая, Иван усмехнулся. Жена! Хорош бы он был с женой!

Рано утром, немного окрепший, хотя в общем-то еще очень слабый, Иван покинул гостиницу. Зина принесла ему новенький пиджак, рубашку и галстук. Дала денег, сколько он просил. Золото, а не девчонка! Иван поцеловал ее напоследок с искренней благодарностью. Зина положила голову к нему на грудь и заплакала. Но Иван легонько отстранил ее и ушел.

Он потолкался минут сорок в универмаге, купил большой, шикарный чемодан, сверкающий, как зеркала, потом поднялся в отдел подарков и попросил

продащицу завернуть ему пушистую шерстяную шаль покрасивее.

Денег у него почти совсем не осталось. Добыть их было нетрудно, но Иван решил, что не стоит сейчас рисковать.

Слабость проклятая, а тут руку надо иметь твердую, как стальная пружина...

Пошарив в карманах, он выудил последний червонец, вышел на улицу и остановил такси.

С чемоданом в руке, в добротном пальто и каракулевой шапке, он, не торопясь, поднялся по скрипучей лестнице старенького деревянного дома, расправил шарф и осторожно нажал кнопку звонка. Его жесткое, плоское лицо с каменными скулами вдруг размягчилось и стало растерянным. Услышав за дверью шаркающие, торопливые шажки, он глубоко вздохнул и отступил на шаг.

13

Виктор готов был поклясться, что капитан Хорьков обрадовался, когда, придя утром на работу, узнал о побеге Ивана Бушуева. Голос капитана стал елейным.

— Я знал, что рано или поздно с вами случится какая-нибудь неприятность! — сказал он осунувшемуся после бессонной ночи лейтенанту. — Нельзя пренебрегать дисциплиной, не выполнять уставных требований. Правила и инструкции вам кажутся лишними, но те, кто их утверждал, были не глупее вас.

Покопавшись в «делах», Хорьков отправился к полковнику Бандуре, а Виктор, томясь, присел в коридоре на стул, дожидаясь неизбежного вызова к начальству. Но вызова не последовало. Хорьков через некоторое время прошел мимо Трубникова, взглянув на него холодно и безразлично, секретарша пробежала куда-то с пачкой бумаг. Виктором никто не интересовался. Он понял, что Бандура до такой степени разгневан, что не желает с ним сейчас разговаривать, боясь наговорить лишнего. Это свойство полковника было хорошо известно его подчиненным.

В гневе он не выбирал слова, и тогда секретарша Люся с красными щеками выбегала из приемной. Бандура имел уже два выговора и был предупрежден, что, если он не отвыкнет от своей привычки, ему придется поискать другую работу. Отвыкнуть он так сразу был не в состоянии и нашел простой выход: не разговаривал с провинившимися до тех пор, пока возмущение его не утихало...

Виктор прослонялся еще немного по коридору, жалобно глядя на секретаршу. Она посоветовала ему идти домой.

— Подальше от греха. Завтра приходите, авось к тому времени полковник отойдет...

Но домой Виктору идти тоже не хотелось. Отец, конечно, спросит, как прошло дежурство, придется ему все рассказать... Виктор боялся отца, пожалуй, не меньше, чем Бандуру. Правда, «боялся» — это не совсем точное слово. Он очень уважал отца за справедливость, ум и принципиальность и старался ему во всем подражать.

Виктору было больно, когда отец его осуждал. Он боялся, что отец потеряет к нему уважение. Он знал, что все равно обо всем расскажет отцу, но только не сейчас, лучше потом... Когда Виктор загладит свою вину. Загладить ее можно было только одним способом — найти Ивана Бушуева. Трубников дал себе торжественную клятву, что разыщет этого преступника, хотя бы ему пришлось перерыть весь город!

Выйдя из райотдела, он посмотрел на часы. Половина третьего. Пожалуй, Алла уже пришла домой. Он должен был зайти к ней вчера, так они договорились, но весь вечер оказался занятым. Алла, конечно, не обидится, она вообще не имеет привычки обижаться, но все-таки он свинья. Следовало хотя бы позвонить... Она же, наверно, ждала его.

Лейтенант решил отправиться к Алле немедленно: потом она может уйти. Кстати, и Павел Ильич находится сейчас в райотделе, значит ничто не помешает Виктору оправдаться.

Павел Ильич Хорьков был отцом Аллы. Виктор

познакомился с Аллой в Клубе милиции седьмого ноября прошлого года. Они танцевали весь вечер, смеялись, болтали, потом лейтенант проводил ее домой. По дороге выяснилось, что Алла — единственная дочь его начальника и недоброжелателя.

В первую минуту это обстоятельство отпугнуло лейтенанта, но вскоре он убедился, что его распри с Хорьковым не могут омрачить дружбы с Аллой. Алла была девушкой вполне самостоятельной, обо всем имела собственное мнение, и, что думал отец о Викторе, ее не интересовало.

Хорьков относился к их дружбе с молчаливым неодобрением, но он очень любил дочку и не прекословил ей ни в чем. Если Хорьков заставлял Виктора у себя дома, тот сразу же одевался и уходил. Виктора тяготили эти странные отношения, но Алла ему нравилась.

Она была девушкой остроумной, начитанной, с ней было интересно разговаривать. Тонкая, с насмешливыми глазами и большим ртом, рыжеволосая, она обращала на себя внимание. Мужчины оглядывались на нее. Она всегда одевалась по последней моде. Алла сама шила для себя, и случалось, что придуманные ею фасоны потом прививались и другие женщины подражали ей в одежде.

Особенно Виктору нравилось в ней то, что она никогда не ломалась и не кокетничала. С нею можно было разговаривать совершенно откровенно, Алла понимала самые смелые шутки, никогда не протестовала и не делала вид, что Виктор ее шокирует.

Узнав, что она учится на четвертом курсе института иностранных языков и свободно владеет английским, Виктор попросил ее давать ему уроки. Он давно мечтал прочесть в подлиннике произведения американских и английских криминалистов.

Занимались они два раза в неделю. Виктору, собственно говоря, давно следовало бы сделать Алле какой-нибудь подарок, ну, пригласить в театр, что ли, на концерт, купить цветы...

Вот и знакомый дом. Жалко, что Виктор так быстро пришел. День был чудесный. Ярко сияло солнце,

под каблуками звонко поскрипывал снег, прохожие улыбались друг другу. Настроение у Виктора незаметно исправилось.

Дверь в квартиру оказалась незапертой. Потоптавшись в коридоре, Виктор постучал в комнату Аллы.

— Да, — раздался ее звучный, беззаботный голос.

— Простите, — сказал Виктор, заглянув в дверь. — Я, кажется, не вовремя...

Алла стояла перед зеркалом и заплетала свою рыжую косу. Ее тонкую фигуру, казалось, насквозь пронизывало солнце. Она как бы плыла в воздухе, в солнечных лучах.

— Нет, почему же, — ответила Алла, вынув из рта шпильку. — Сейчас как раз четыре часа. В это время мы и условились. Правда, прошли лишние сутки, но это уже мелочь, о которой даже говорить не стоит.

— Не обижайтесь, я вам сейчас все объясню...

— Я наперед знаю, что вы скажете. Раскрыто кошмарное преступление, вы не спали всю ночь, участвовали в облаве и, хотя еле стоите на ногах, все же решили принести мне свои извинения. Не надо, я не сержусь. Перевели вы текст, который я вам написала?

— Мне пришлось другими текстами заниматься.

— Наука должна быть на первом плане, — заметила Алла, закалывая на затылке тяжелый узел волос. — Без науки все мы подобны слепым щенкам, которые не могут найти плошку с молоком.

— Это вы интересно сказали, — усмехнулся Виктор.

— Я всегда интересно говорю. Это оттого, что у меня мысли интересные. Вот знаете, о чем я сейчас подумала?

— О чем?

— О том, что вы находитесь где-то в другом месте. Если вы меня и замечаете, то только оттого, что я торчу у вас перед глазами.

— Но... поверьте...

— Не надо оправдываться. Это ужасно старомодно. Люди не должны стыдиться своих мыслей. Мысли в наше время — единственное, до чего нет никому никакого дела. Ну вот я готова... Как вы меня наводите! Нравлюсь я вам?

— Очень, — ответил лейтенант.

— Каким кислым тоном это сказано! А теперь выкладывайте, зачем вы явились.

— Честное слово, я собирался попросить у вас прощения...

— Если вы хотите, чтобы я вас уважала, никогда не извиняйтесь, не оправдывайтесь и не пытайтесь убедить меня, что вы осознали свои ошибки и горите желанием их исправить, — весело сказала Алла, прищурив свои умные зеленые глаза. — Все это дешевая мишура, а под ней человек, как он есть. Я хочу видеть то, что есть, а не то, что вы желаете мне продемонстрировать.

— Слушаюсь, — сказал Трубников. — Тогда вот вам то, что есть: я получил на работе выговор и явился, чтобы отдохнуть от своих забот.

— Ну, развлекать вас я сегодня не буду. Мне некогда. Я жду человека, за которого собираюсь выйти замуж, и не хотела бы, чтобы он вас здесь видел. Так что в вашем распоряжении еще около полчаса, а затем мы распрощаемся.

— Жаль, — помолчав, сказал Виктор. — Значит, собираетесь замуж? Вы любите? Счастливы? Можно вас поздравить?

— Вы задаете вопросы, на которые очень трудно отвечать, — покачала головой Алла. — У вас есть сигареты? Дайте... Фу, какая гадость! «Памир»... Лучше потерплю до прихода моего жениха. Он курит «Честерфильд». Так вот о замужестве, о любви и о счастье... Видите ли, эти три слова вовсе не синонимы, и люди всегда ошибаются, ставя их рядом. Поздравлять меня не надо. Это так же глупо, как поздравлять восьмидесятилетнего старца с днем рождения. Я счастлива, постольку поскольку мой будущий муж не урод, не жулик и не пьяница. Отношусь

к нему неплохо, ибо верю, что мы сможем длительное время терпеть друг друга. Вот и все, что я могу вам ответить.

— Не очень весело жить с такими взглядами, — сказал Виктор. — Да нет, вы просто меня дурачите.

— Я с вами просто откровенна, — ответила Алла. Виктору показалось, что в ее голосе прозвучала горечь. — Это двадцатый век сделал нас, женщин, такими. Гораздо приятнее было, наверно, какой-нибудь графине скакать на коне позади своего рыцаря или юной купчихе попивать чаек из блюдечка за широкой спиной преданного супруга. Наше положение сложнее. Нам предоставили множество прав, без которых мы могли бы обойтись, и отняли одно право, в котором мы больше всего нуждаемся, — право на слабость! Мы стали самостоятельными. Мы обязаны сами о себе заботиться. Вот мы и заботимся! — Алла посмотрела на Виктора и усмехнулась. — Всего этого, как вы, наверно, сами понимаете, я не скажу своему жениху... А теперь вы должны меня извинить...

— Это вы меня извините, — ответил Виктор и встал. Обычно после встреч с Аллой он чувствовал себя как после душа — освеженным, полным энергии, сегодня ему было почему-то тяжело и неловко.

Алла проводила его в коридор, загроможденный сундуками и старой обувью; в это время раздался звонок.

— Ай-ай-ай! — сказала она с улыбкой. — Мы, кажется, попались?

Виктор с любопытством ждал встречи с женихом.

Алла открыла дверь, в квартиру вошел рослый, статный, атлетически сложенный парень лет двадцати семи, в узких брюках и коротком пальто. У него было вытянутое книзу смуглое лицо и маленький рот, над которым, как приклеенные, темнели аккуратные усики.

Впрочем, Виктор не успел его рассмотреть как следует.

— До свиданья, — сказал он Алле и быстро вышел, толкнув парня плечом. Толкнул он его, конечно, без умысла, но был удовлетворен, почувствовав, что парень отшатнулся; плечо-то у него было, видно, хлипкое.

14

Утром полковник вызвал Трубникова и, сурово глядя на него, предупредил, что считает образ действий лейтенанта безответственным и, более того, легкомысленным.

— Боюсь, что вы недостаточно серьезно относитесь к своей работе. Советую подумать об этом. А пока объявляю вам выговор, — сказал Бандура.

Через несколько дней полковник снова вызвал Виктора к себе и поручил ему сходить на «Сельмаш» к дружинникам. Провести инструктаж, вообще взглянуть, что у них там делается. Виктор поспешно согласился и, обрадованный, выскочил из кабинета. Ободряющая улыбка секретарши свидетельствовала о том, что Бандура, кажется, окончательно «отошел».

По долгу службы Виктору раньше не раз приходилось бывать на заводе. Он поднялся на второй этаж заводоуправления и, сбив снег с ботинок, открыл дверь, на которой висела свежая табличка «Штаб дружины».

За столом сидели человек десять. Почти всех здесь Виктор знал по именам. Он знал их адреса, помнил, как зовут их родителей, братьев, сестер. Не удивительно, ведь эти ребята и девушки выросли на Красноозерной улице, там же, где в коротких штанишках бегал Виктор. С этим он учился в школе, с другим получал в райкоме комсомольский билет, третий был страстным любителем шахмат и встречался с Виктором по вечерам в шахматном клубе.

Сидящие за столом ребята, улыбаясь, слушали оратора, Димку Зорича. Кивнув дружинникам, лейтенант присел на диван возле двери. Димка говорил

о том, какой, по его мнению, станет заводская дружина через самый короткий срок. По его словам выходило, что дружинники будут грозой хулиганов и преступников чуть ли не в общегородском масштабе. Роль помощников милиции не удовлетворяла оратора; он не сомневался в том, что, если все комсомольцы «Сельмаша» вступят в дружину, никакой милиции вообще не понадобится.

После Димки Кондрат Григорьевич предоставил слово Трубникову.

Оглядев ребят, смотревших на него с ожиданием, Виктор сказал:

— В общем предыдущий оратор все верно говорил, так что напрасно вы улыбались. Если такие дружины, как у вас, возникнут на каждом предприятии, в каждом районе и если значительная часть населения будет состоять в этих дружинах, то милиция тогда не понадобится, а возможно даже, что товарищеские суды когда-нибудь заменят народные... Это очень интересная мысль. Зачем нужны станут органы принуждения, если огромное большинство населения начнет активно поддерживать порядок? Все-таки хулиганы, преступники и скандалисты начисто исчезнут с лица земли. Нам, милиционерам, просто нечего будет делать. Я убежден, что все это произойдет именно так, как предсказывает товарищ Зорич. И, между прочим, это будет называться коммунизмом, потому что как раз при коммунизме управление страной перейдет от государства к общественным организациям. Возможно, что такой организацией в области поддержания порядка и закона будет рабочая дружина. Так что перспективу товарищ Зорич видит правильно. В одном только он не совсем прав. Произойдет все это не так уж скоро. Сроков называть не берусь, но ручаюсь, что в ближайшие пару недель милиция еще останется...

Ребята засмеялись. Димка смутился.

— Во всяком случае, эти сроки зависят от вас, — продолжал Виктор. — Если дела у вас пойдут хорошо, то, я думаю, по вашему примеру будут созданы дружины и на других предприятиях. Главное, сразу

же повести себя правильно, не наделать ошибок. Для этого необходимо отчетливо представлять себе круг обязанностей дружинника. Что такое дружинник? Я так мыслю: дружинник — это не добровольный сыщик, не милиционер в штатской одежде, не агент уголовного розыска. Это просто человек с горячим сердцем, который не желает проходить мимо безобразий, который любит людей, хочет им добра и поставил перед собой цель всегда и всюду поддерживать все честное, доброе, чистое, беспощадно бороться со злом в любых его проявлениях.

— Правильно, — сказал Жилинский. — Мы все так себе это и представляем.

— Очень хорошо, — кивнул Трубников. — Тогда никаких особых инструкций вам не потребуется. Главной инструкцией для каждого из вас должна быть ваша рабочая совесть. Что касается чисто практических вопросов, то мои советы понадобятся тогда, когда вы начнете патрулировать по району. Сейчас трудно предугадать, какие возникнут проблемы и трудности. Но несколько общих советов я все же выскажу. Ваша обязанность не только ликвидация беспорядков, но прежде всего обеспечение таких условий, при которых они стали бы невозможными. То есть профилактика. Что это значит? Это значит, что вы должны проводить разъяснительную, воспитательную работу. Как это должно выглядеть на практике? Вот, скажем, вы увидели толпу возле касс кинотеатра. Некоторые товарищи, решив получить билеты без очереди, создают толчею, шумят. Это не значит, что вы должны тут же, не говоря ни слова, схватить их за руки, за ноги и вышвырнуть из очереди. Это крайняя мера. Сначала вы обязаны попытаться их убедить, создать вокруг них общественное мнение, пристыдить их...

— А если кто-нибудь из них, пока я буду его уговаривать, двинет меня по физиономии? — спросил Димка.

— Вряд ли, — ответил Трубников. — Если они увидят, что все против них, никогда они не полезут

в драку. Но, вообще говоря, если нарушитель отказывается понимать человеческую речь, можно и силу применить, проводить его до ближайшего постового милиционера или сразу в отделение милиции. Только нужно помнить, что существует так называемый «предел необходимой обороны». Если нарушитель ударил тебя по шее, то ты имеешь право, конечно, скрутить ему руки. Но если ты в ответ возьмешь кирпич и бахнешь его, беднягу, так, что он повалится замертво, тебя самого будут судить. Надеюсь, это всем ясно?

— Ясно, как же! — сказал Димка. — Придется носить в кармане инструкцию и заглядывать в нее каждый раз, когда меня будут бить по шее.

— А вы что же, хотите, чтобы мы вам выдали резиновые дубинки и благословили на повальное избивание всех нарушителей общественного порядка? А «Скорая помощь» будет ездить за вами по пятам и подбирать раненых? Нарушители бывают разные. Большинство из них такие же, как вы, честные советские люди, но допустившие ошибку. Надо им ее разъяснить. Если не поможет, доставить в милицию, а еще лучше — в ваш штаб. Написать письмо по месту его работы. Провести с ним беседу прямо в штабе, рассказать о дружине, о ее задачах... Уверяю, что в большинстве случаев других мер не требуется. И о вас пойдет добрая слава. Вас будут уважать, считаться с вами. А если вы станете набрасываться на людей с кулаками, прохожие на улицах будут поддерживать нарушителей, а не вас...

— А если он не нарушитель, а бандит? — спросил кто-то из ребят. — Такой, как Васька Зюзин?

— С такими, как Васька, разговор должен быть другой, — ответил Трубников. — Если вы увидите, что хулиган, преступник угрожает спокойствию и безопасности людей, действуйте быстро и решительно. Тут уж особенно не церемоньтесь. Если милиционера поблизости нет, запишите фамилии свидетелей данного происшествия и отведите хулигана в отделение. Но должен вам сказать, что люди, подобные Ваське Зюзину, очень скоро будут вас бояться, как

огня, и, завидев дружинника, переходить на другую сторону улицы. Встречая отпор, такие храбрецы немедленно делаются тихими и ласковыми... Вот, собственно, все советы, которые я могу дать сейчас. Дело вы начали новое. Как все повернется, трудно сказать. Первый опыт появится, тогда еще раз встретимся и поговорим... Вообще будем часто встречаться. В заключение хочу пожелать вам успеха.

Посыпались вопросы.

— А оружие нам выдадут? — спросил Димка.

— Обязательно, — улыбнулся Виктор. — Автоматы, пулеметы и легкие стрелковые орудия. Это только на первое время. О танках и подводных лодках будет решен вопрос позже.

Дружинники рассмеялись.

— Зачем вам оружие? — сказал Трубников, когда смех умолк. — Можно подумать, что в нашем городе по улицам толпами разгуливают до зубов вооруженные гангстеры. Вполне достаточно того, что оружие имеется у работников милиции. Мы вас поддержим в любом случае, только не теряйте с нами связи.

— А если сам дружинник нарушит порядок? — спросил Аркадий Трайнин. — Как вы к этому относитесь?

— Не допускаю такой возможности, — покачал головой лейтенант. — Думаю, что вы как следует проверите человека, прежде чем примете его в дружину. Ну, а если такое случится, накажем нарушителя точно так же, как любого другого. Даже еще строже, потому что он своим поступком бросит тень на всю дружину, а ее авторитет дорог нам так же, как и вам...

Долго не отпускали ребята лейтенанта. Он пробыл в штабе до позднего вечера. Уходя, он передал Кондрату Григорьевичу пачку новеньких бланков для удостоверений, отпечатанных по просьбе начальника райотдела милиции в районной типографии.

— Пока у вас будут эти удостоверения и красные нарукавные повязки, — сказал Трубников. — Со

временем попытаемся добиться, чтобы всем дружинникам выдали специальные значки... Главное, скорее начинайте действовать, покажите, на что вы способны.

— Заходите к нам почаще, — просили дружинники, провожая Виктора.

— Я и без приглашения приду, — ответил он. — Мне самому интересно, что у вас получится.

15

К концу января окончательно определился состав штаба. Катя Назарова и Роман Гаевой представляли в штабе комсомольскую организацию, инженер Горчаков из технического отдела был рекомендован завкомом и дирекцией, а кандидатуру Жилинского, назначенного командиром дружины, утвердил партком.

Дружина росла и крепла.

Вслед за токарями и фрезеровщиками пришли сборщики, модельщики, рабочие из отдела капитального строительства. Валька Кабанчик несколько раз заходил в штаб по своим делам, ожидая Жилинского, присутствовал на совещаниях, эта затея ему явно нравилась, но подавать заявление он почему-то не решался... Трайнин вступил в дружину за компанию с Катей. Самого его все это, кажется, мало интересовало.

У Кати была помощница — телефонистка с коммутатора Дуся Карпенко. Ее сперва не хотели принимать, ей едва исполнилось шестнадцать лет.

— Ты еще маленькая, — ответил ей Жилинский, вернув заявление. — И ростом не вышла и вообще несовершеннолетняя. Подрасти сперва.

Дуся не сдалась. Она повела атаку на Жилинского по всем правилам осадного искусства. Каждый вечер звонила ему домой. Сменившись с дежурства, являлась в сборочный цех и часами ходила за Жилинским и укоризненно вздыхала. В конце концов старик не выдержал.

— Удивительно ты настырная девчонка, — ска-

зал он Дусе с некоторым даже удовольствием. — Ладно, твоя взяла!

Ей тоже выдали временное удостоверение.

Роман, Жилинский и Катя составили график дежурств, который потом еще много раз обсуждался и изменялся. Четыре человека должны были патрулировать по району ежедневно с восьми до двенадцати часов вечера. График был составлен таким образом, что каждому приходилось дежурить не чаще чем раз в неделю. Это было удобно и совсем не обременительно... Димка, правда, ознакомившись с графиком, произнес возмущенную речь, содержание которой сводилось к тому, что он, Димка, не будет подчиняться никаким графикам и будет дежурить каждый день до часа ночи, пусть кто-нибудь попробует ему помешать...

Спустя несколько дней после беседы с лейтенантом дружинники решили выйти на первое дежурство. Командиром группы Жилинский назначил Романа Гаевого. В подчинении Романа были Димка, Катя Назарова и Аркадий Трайнин. Собрались в заводоуправлении после работы.

Аркадий опоздал. Катя злилась, то и дело выглядывала в окно. Ее не торопили, хотя всем не терпелось выйти на улицу.

— Наверно, его вызвали куда-нибудь, — смущенно сказала Катя минут через двадцать. — Больше ждать не будем.

Аркадий присоединился к ним у ворот. Он что-то зашептал Кате, но она долго еще хмурилась.

В переулке к ребятам подошел Мишка Шибанов. Засунув руки в карманы, сказал:

— Ну, теперь все. При одном вашем появлении преступники будут бледнеть и падать в обморок.

— Не смешно, — пожал плечами Димка. А Роман добавил:

— Кое-кому, конечно, наше появление не понравится. Но тут уж мы ничего не можем поделать.

Не ответив, Мишка отошел.

Как он ругал себя потом за то, что ввязался в этот дурацкий разговор! Это было недипломатично, никому не нужно, наконец просто глупо, но очень уж хотелось Михаилу поговорить с Катей, хотя бы заставить ее взглянуть на него. Но она даже не повернула головы. Конечно, не следовало так себя вести, особенно в такие дни, когда еще неизвестно, что с ним будет. Михаил считал, что лейтенант отпустил его только для того, чтобы опять проследить, где он бывает.

Вечер был теплый, падал снег. Сквозь мутную пелену тускло светились желтые фонари. У прохожих на шапках и на плечах выросли сугробы. Все звуки были приглушенными, казалось, будто уши заложены ватой. Какой нарядной была ярко освещенная Красноозерная улица! Мостовая и тротуары слегка обледенели и поблескивали, словно покрытые лаком. В тумане расплывались неоновые буквы реклам, и падающий снег окрашивался в яркие, пестрые тона. В домах светились окна. Желтые, оранжевые, голубые огоньки ласково подмигивали прохожим.

Роман давно жил на Красноозерной улице, не раз видел и универмаг, и стадион, и узорчатую ограду сквера, но никогда еще улица не казалась ему такой прекрасной, как в этот вечер. Сегодня он взглянул на нее не рассеянными глазами случайного прохожего, а как заботливый хозяин, осматривающий свои владения... Обыкновенный городской район. Не самый большой и красивый, расположенный вовсе не в центре, хотя и не на окраине, он за последние годы стал родным для Романа. И как же было приятно сейчас идти по просторным, застроенным многоэтажными домами, ярко освещенным улицам! Он хорошо помнил, какие еще недавно стояли тут хибары, и радовался стремительному росту города. Он любовался новыми мостами, огромным универсальным магазином и вместительным кинотеатром, его восхищало то, что на месте рынка выросло восьмиэтажное здание студенческого общежития, а кривые переулки превратились в широкие проспекты, по которым неслись с утра до вечера потоки автомобилей... Его радовало

это, потому что он сам был рабочим и умел ценить все созданное рабочими руками.

Катя была грустной и часто вздыхала, Аркадий шел, не глядя по сторонам и думая о чем-то своем. У Димки было решительное лицо. Чувствовалось, что он приготовился к важным и серьезным событиям.

Каждый из них надолго запомнил свое первое дежурство, хотя оно прошло не совсем так, как они ожидали.

Началось с того, что Димка обратил внимание на троих мужчин в светлых пальто и в шляпах, которые хотели сфотографировать полуразвалившийся сарай, приткнувшийся к новому жилому дому.

— Это иностранцы, — шепнул Димка Роману. — Гляди, что делают! Нарочно фотографируют. А потом пошлют в свою газету. Вот, дескать, какие хибары есть в России. Давай отправим их в отделение.

Роман хоть и был командиром звена, однако понятия не имел, как надо поступить. Он не успел удержать Димку, а тот решительным и твердым шагом направился к незнакомцам. Те оказались вовсе не иностранцами, а корреспондентами городской вечерней газеты. Они хотели поместить в газете изображение сарая, потому что этот сарай торчал в неподходящем месте и мешал уличному движению.

Корреспонденты были веселые ребята. Они сразу раскусили Димку и долго самым бессовестным образом разыгрывали его; делали вид, что не понимают по-русски, изображали иностранных туристов, поминутно хватались за самопишущие ручки и долго отказывались предъявить документы. В конце концов они показали свои удостоверения и сказали ошеломленному Димке:

— Значит, вы дружинники? А что это такое? Это что-то новое! Пожалуй, мы на днях придем к вам на завод... Но знаете что, ребятки? Вы явно не своим делом занимаетесь. Оставьте-ка лучше в покое иностранных подданных и обратите более пристальное

внимание на соотечественников. Возле универмага, к примеру, есть пивная палатка. Там всегда пьяных полно. Стоят, произносят разные грубые фразы. Или в кинотеатр сходите. Тоже для вас работа найдется.

Сконфуженный Димка поблагодарил корреспондентов и спасся бегством.

Подошли к кинотеатру.

В этот вечер впервые была выпущена на экраны заграничная картина, не то мексиканская, не то итальянская. Возле касс бушевала толпа.

Дежурный милиционер, пожилой мужчина с седыми усами, был не в состоянии навести порядок. Отойдя в сторону, он безучастно наблюдал за происходящим.

Справиться с толпой было дружинникам явно не под силу, они уже хотели уйти, но тут Димка случайно взглянул в окно, сквозь которое было видно фойе кинотеатра, и схватил Романа за руку:

— Смотри!

В фойе, возле буфетной стойки, толпились люди. Они размахивали руками, кричали, но голосов не было слышно сквозь толстое стекло, и казалось, будто зрители беззвучно раскрывают рты.

— Ребята, мы там нужны! — твердо сказал Димка и направился к входу в кинотеатр.

Катя вопросительно посмотрела на Романа. Этот взгляд напомнил ему, что он командир и должен принять решение.

— Ну что ж, пожалуй, посмотрим, что там случилось, — согласился он, и ребята последовали за Димкой.

В дверях их остановили. Роман попытался объяснить контролеру, что они не зайцы, а дружинники, но сзади напирала толпа, и контролер, седой старичок, уперся обеими руками Ромке в грудь, силясь вытолкнуть его на улицу.

Роман не знал, что делать.

— Да поймите же, у вас в буфете скандал, а мы рабочая милиция! — завопил Димка.

Люди сзади продолжали напирать, старичок не выдержал, отступил, и дружинники очутились в фойе, но тут же к ним подскочили два парня и молча при-нялись выкручивать Димке руки.

Прежде чем ребята поняли, что происходит, парни вытолкнули Димку в коридор и направились к Роману.

На размышления оставались ровно секунды. Роман сразу сообразил, что метод убеждения, рекомендуемый лейтенантом Трубниковым, здесь явно непри-меним, поэтому он не стал ждать, когда на него на-падут, а сам перешел в наступление и с помощью Кати и Димки быстро выставил парней на улицу. Аркадий позвал милиционера.

К удивлению Романа, парни тоже принялись звать милиционера. Они не только не попытались спастись бегством, но, напротив, глаз не спускали с дружинников, словно боясь, что те могут скрыться...

Самое интересное произошло в ту минуту, когда подошел милиционер. Оказалось, что парни, которых дружинники выгнали из кинотеатра, были бригад-мильцами и дежурили в фойе по заданию начальника отделения милиции.

Постовой милиционер был озадачен:

— Это уж, знаете! Мне только не хватало с вами разбираться!

— Ничего, ребята, бывает! — виновато сказал один из бригадмильцев и подошел к Димке. — По-знакомимся, что ли?

Димка оттолкнул протянутую ему руку дружбы, но Роман засмеялся и ответил:

— Меня зовут Роман, а вот это Катя, Димка и Аркадий. Мы дружинники, на «Сельмаше» ра-ботаем.

— Ладно, чего там!

— Что это за дружина такая? В первый раз слышим!

— Еще услышите. А сейчас вернемся в зал. Те-перь-то нас сила!

Контролер на этот раз беспрепятственно про-пустил их.

— Хотите картину посмотреть? — предложили бригадмилыцы, но Димка ответил:

— Мы не для того пришли, и у нас же нет билетов!

Расстались с бригадмилыцами друзьями.

— Айда к нам в клуб! — сказал Димка. — Может, бандиты эти нам попадутся — Яшка и Васька! Отправились в клуб.

Так же как и в новогодний вечер, торжественно застыл в тишине парк. Выглянула луна и тотчас же окуталась радужным сиянием. Кусты протянули серебряные ветки к черному небу. Звонко поскрипывал под каблуками снег. Роман вспомнил все, что произошло в тот вечер. Ему больше всего было жаль, что не удалось тогда поговорить с Ларисой. Он мельком видел ее вчера. Засмеялась, отводя глаза, поцеловала в щеку, и словно вихрем ее сдуло...

Девчата из ее комнаты сказали, что она опять вернулась за полночь. Неужели была с тем пижоном? Надо хотя бы узнать, кто он такой.

Роман вспомнил вытянутую, наглуую физиономию парня, и у него кольнуло в сердце.

Ребята разделись и поднялись по широкой лестнице в ярко освещенное фойе, откуда слышалась музыка. По залу двигались парочки; внезапно посредине очистился круг, и в этом круге появились молодой человек и девушка. Они отплясывали фокстрот так, как танцуют рок-н-ролл, подпрыгивая и извиваясь всем телом.

На девушке была широкая юбка, и эта юбка то и дело раздувалась и взлетала вверх, открывая ноги девушки до самых бедер, так что виднелись голубые трусики. Это выглядело уже вовсе неприлично, и остальные танцующие укоризненно покачивали головами, а девушки даже отворачивались с негодованием.

— Что это за балерина? — спросил Аркадий у Димки.

— Лариска, — буркнул тот, сочувственно покосившись на Романа. — А что? По-моему, у нее здорово получается.

Милый Димка! Он хотел подсластить пилюлю.

Романа бросило в жар. Да, это была Лариса. А партнером ее, конечно, был тот самый пажон! Ему почудилось, что все показывают на него пальцами, перешептываются, смеются... Он отвернулся. Ему было стыдно, так стыдно и больно, как никогда еще не было.

Аркадий Трайнин сказал:

— Надо бы призвать к порядку этих питекантропов.

— Но, может быть, это не наше дело? — нерешительно ответила Катя, с жалостью взглянув на Романа. — Разве мы имеем право им запретить? Каждый танцует, как ему нравится...

— Что ты говоришь? — удивился Аркадий. — Посмотри, как они кривляются! Это же просто непристойно. Здесь все-таки рабочий клуб, а не кабаре.

— Он прав, — тихо сказал Роман. — Во всем этом в конце концов больше всего виноват я...

Он пересек зал и положил молодому человеку руку на плечо. Стало вдруг очень тихо.

— Прекрати-ка этот цирк, — глухо сказал Роман.

— Тебе-то что за дело? — подняв бровь, спросил парень.

Его темно-русые волосы, спускавшиеся за уши, взмокли от пота. Роман совсем близко увидел его узкое хмурое лицо, почувствовал запах вина...

Лариса стояла, глядя под ноги. Губы у нее тряслись.

— Я дружинник, — спокойно ответил Роман. — Моя обязанность — следить за порядком в клубе. Сегодня вечер танцев. Значит, нужно танцевать. А то, чем вы занимаетесь, это издевательство над достоинством человека.

Молодежь в зале одобрительно зашумела. Кто-то громко сказал:

— Да гнать их надо отсюда!

Молодой человек еще выше вздернул бровь. Он явно не понимал, что Роману от него нужно, и вдруг Лариса звонко сказала:

— Раньше те люди, с которыми никто не хотел танцевать, торчали у стенки. А теперь они мешают другим. Наверно, специально для этого они вступили в свою дружину!

Она не смотрела на Романа. Губы ее дрожали, а щеки стали совсем белыми. Ему стало ее ужасно жалко, но он не позволил себе поддаться жалости и ответил:

— Ты еще пытаешься острить! Оглянись вокруг. Над тобой смеются. Как ты себя ведешь? Неужели тебе не стыдно?

Было по-прежнему очень тихо, и слова Романа, хоть он и произнес их негромко, гулко разнеслись по всему залу. Лариса закусила губы, еще больше побледнела и, взяв своего партнера под руку, сказала:

— Ну что ж, если мы вам мешаем, — она подчеркнула «вам», — пожалуйста! Мы уйдем. Пошли, Алик. Ты видишь, куда мы попали? Пусть танцуют свои танго. Не будем им мешать.

Перед ними расступились, и они покинули зал. Роман опустил голову.

Снова заиграл оркестр, танцы продолжались.

Ребята вышли из клуба. Погуляли еще немного по улицам и около полуночи распрощались.

— Ну что ж, я считаю, дежурство прошло вполне на уровне, — сказал Димка.

Аркадий улыбнулся и зевнул. А Катя взяла Романа за руку и шепнула:

— Так держать, товарищ командир!

Димка проводил Романа до общежития. Он хотел зайти в комнату, но Роман сказал ему:

— Ступай домой, Димка. А мне еще нужно заглянуть тут в одно место.

Он постарался произнести эту фразу как можно небрежнее. Но Димку провести было нелегко.

— Брось, не переживай! — хлопнул он Романа по плечу. — Мало ли что она сказала, твоя Лариса... Язык без костей. Девчонка, что ты хочешь! Глупая еще. А танец, между прочим, заводной какой-то. Так и подмывает. Знаешь, Ромка, под такую музыку ужасно хочется набить кому-нибудь морду. Или треснуть

кирпичом в люстру. Ей-богу! Может, это у меня такая ненормальная реакция?

— Специально для того и придумано! — мрачно ответил Гаевой. — Я читал в газете, в Париже на вечере любителей рок-н-ролла конная полиция дежурила... Вот так они воспитывают убийц, моральных уродов для своих грязных дел.

Оставшись один, Роман присел на обледеневшее крыльцо. Его знобило. Внутри дрожала какая-то струнка... Он хотел обдумать все, что произошло, но мысли мешались. Он видел перед собой то потное лицо Алика, то белые губы Ларисы, то пеструю толпу людей... Взяла его под руку, этого типа, и ушла. Куда? Она сейчас с ним, и оба смеются над Романом... Почему так больно, так щемит в груди?.. Он раньше не замечал Ларису, она была рядом, была в нем, как часть его тела, как воздух, привычная, близкая-преблизкая... Она всегда была с ним... Сестренка, Лариска... А сейчас она ушла, совсем ушла, и внутри пустота. Даже холодно от этой пустоты... Холодно и страшно.

Как же сильно изменилась она за годы, что он служил в армии! Стала совсем незнакомой. Прежде он никогда не замечал, какие у нее глаза, волосы, губы... Может, она была отчасти права тогда, в ресторане? Может, это тревожное, болезненное, щемящее чувство и есть ревность? Они росли вместе, но ведь на самом-то деле она не сестра ему вовсе! Раньше это было незаметно и неважно, а ныне Роман почему-то все время думает об этом... Может, он любит ее и поэтому излишне строг к ней, и зачастую даже несправедлив? Любит, еще не догадываясь об этом? Нет, нет! Лучше гнать прочь такие мысли. Они еще больше все усложняют. Не надо об этом. Не надо!..

Роман встал и посмотрел на ее окно. Вот сейчас она здесь, наверно, здесь. Ведь уже поздно. Она должна была вернуться. Ее комната на третьем этаже. Можно подняться по лестнице и постучать. Ее соседи не рассердятся на Романа, хотя они уже легли спать. Верхний свет выключен, и горит только на-

стольная лампочка. Он должен зайти. Не могут же они вот так глупо, нелепо взять и поругаться и стать чужими людьми? Чужими! Даже смешно. Все равно что его рука или нога перестанет ему принадлежать и будет принадлежать кому-нибудь другому...

Лариса, конечно, зла на него. Она не станет с ним разговаривать. Она оскорблена... Но она умная, добрая девочка. Должна же она понять, что он желает ей только хорошего! Роман поднялся на площадку третьего этажа, толкнул дверь, распахнувшуюся с неприятным скрежетом, и очутился в полутемном коридоре.

Под потолком тускло светилась пыльная лампочка. В коридоре не было ни души. На стуле возле телефона дремал дымчатый кот.

Роман заглянул в комнату. Там был полумрак. За письменным столом сидела Лариса в халате и в тапочках. Она забралась коленками на стул, оперлась подбородком на скрещенные руки и читала книжку. Читала? Нет, она не читала. Она плакала. Плечи ее вздрагивали, она всхлипывала тоненько и жалобно.

Стиснув зубы, Роман шагнул вперед.

Скрипнула половица. Лариса обернулась и несколько секунд смотрела на Романа полными слез глазами.

— Послушай... — прошептал он.

Она вскочила. С грохотом упал стул.

— Ты что, и сюда явился наблюдать за порядком? — крикнула она.

— Тише!

— Я не хочу тише! Ты в клубе, когда позорил меня, не думал о том, что тебя все слышат! Уходи отсюда. Кто тебе разрешил войти?

Проснулись девушки. Спросонья, ничего не поняв, подняли шум. Одна из них пронзительно завизжала.

— Вы что, сбесились? — изумленно спросил он. В коридоре хлопали двери, раздавались голоса.

— Эх ты! — с горечью выдавил Роман.

Из комнат выглядывали испуганные девчата. Толь-

ко дымчатый кот продолжал мирно спать на своем стуле. Через несколько минут все успокоилось. Погас в окнах свет. Девушки уснули.

Спали улицы и переулки. Даже снежинки как будто дремали и опускались тихо-тихо...

Лишь на крыльце общежития долго еще темнела неподвижная, горестная фигура да на третьем этаже тревожно мигал слабый огонек настольной лампы...

16

Как только Муся ушла, Игорь снял ботинки, засучил брюки и приступил к генеральной уборке. В его распоряжении было около двух часов. За два часа Муся как раз успеет сходить в милицию и вернуться. Надо еще учесть, что Муся на обратном пути будет очень расстроена и затратит на дорогу больше времени. Впрочем, вполне возможно, что, разгневанная беседой с лейтенантом и движимая естественным желанием расправиться с Игорем, сестра, наоборот, прибежит гораздо раньше. Но и в этом случае было явно выгоднее встретить ее на пороге комнаты, в которой царит идеальная чистота.

Игорь намазал пол мастикой и натер до такого сверхъестественного блеска, что больно было глядеть. Вооружившись затем куском бумаги, он надраил оконное стекло и провел по нему пальцем. Стекло громко взвизгнуло... Так чисто никому еще не удавалось его вымыть!

Два часа прошло, но Муся не возвращалась. Игорь выглянул на улицу.

Его мучила совесть. Три дня он терпел, потом не выдержал и сообщил сестре, что ее вызывают в милицию. Совесть, однако, почему-то не удовлетворилась этим и стала требовать, чтобы Игорь рассказал все до конца. Это было уже слишком! Язык не поворачивался даже намекнуть об украденном тюке. Муся ушла, не зная, зачем ее вызывают... Теперь, когда она вернется, что-то должно произойти. Что-то совершенно ужасное, о чем не хотелось даже думать!

Конечно, она стукнет его пару раз... Но разве дело в этом? Да Игорь готов был согласиться, чтобы она его отколотила, лишь бы не видеть ее растерянных и отчаянных глаз... Когда у нее такие глаза, Игорю хочется зареветь, броситься к ней на шею и целовать ее руки.

Ее чудные, прекрасные, сильные и ласковые руки, с шершавой от стирок кожей и мягкими, теплыми пальцами... Почему так по-дурацки получается? Человек всю жизнь мечтает о благородных поступках, а доставляет своим ближним одни неприятности? Что ни говорите, а это судьба!

Года три назад, когда Муська училась еще в десятом классе и им очень туго жилось, Игорь решил уехать на стройку и высылать ежемесячно сестре две трети зарплаты. Пусть учится и не знает забот.

Ранней весной он осуществил свой великолепный замысел. И что же вы думаете, Муська была хоть капельку благодарна? Прочитав его записку, она сломя голову помчалась в милицию; начальник отделения позвонил на вокзал, и Игоря через три часа задержали в вагоне. И главное, до отхода поезда, который должен был привезти его в Красноярск, оставалось всего-навсего семь минут! Не могли они прийти за ним чуть-чуть попозже!.. Муська принялась его тискать и целовать, словно они год не виделись, а потом вдруг ни с того ни с сего разревелась...

Так всегда. Что бы Игорь ни затевал, все выходило боком. Просто он такой невезучий.

Взять историю с Юркой. Живет такой у них во дворе — румяный, толстый, как сдобная булочка, ходит, переваливаясь с ноги на ногу, и славится своей трусостью. Ему уже двенадцать лет, но он спасается бегством от любого первоклассника, которому придет в голову подставить ему ножку.

Однажды, случайно оступившись, Игорь свалился в лужу, а Юрка притащил щетку и помог ему вычистить штаны.

В благодарность Игорь предложил выучить Юрку настоящему английскому боксу. Первый урок состоялся вечером. Игорь показал Юрке, как нужно за-

щищать лицо, и, перейдя от теории к практике, нанес ему мастерский удар в подбородок. Он хотел только наглядно продемонстрировать преимущества английского бокса перед обыкновенной дракой. Но из подъезда выскочила Юркина мать, схватила Игоря за ухо и, ругая на чем свет стоит, потащила к Мусе.

Вот и делай хорошее людям!

А сейчас? Знала бы Муська, для чего Игорю были нужны эти проклятые сто рублей, ради которых он согласился на предложение Ивана украсть тюк! Летом Муся сломала велосипед, подаренный ей еще покойной матерью. Сестра берегла подарок и не хотела продавать велосипед даже в самые трудные времена. Она ездила на нем на работу. И вот уже полгода машина бесполезно висела под потолком в ванной, а Муся ходила пешком. Надо было поставить новые крылья, сменить покрышки. Игорь специально узнал в мастерской: ремонт стоил девяносто шесть рублей. Необходимо было достать деньги, отремонтировать велосипед и сделать сестре подарок.

Тут и подвернулся Иван. Среди мальчишек во дворе ходили слухи, что у Ивана всегда можно взять займы десятку-другую. Игорь как-то подстерег его и рассказал ему о своих заботах; Иван ответил, что есть множество способов «заработать» кучу денег... Игорь думал, никто ничего не узнает... На складе ведь так много тюков...

А что получилось?

Муська умная, она всегда понимала Игоря, но, как назло, в последнее время с нею что-то творится. Она стала мрачной, куда-то уходит по вечерам, возвращается заплаканная и какая-то растерянная, тихая, на себя не похожая. В одной рубашке бродит до рассвета по комнате и бормочет что-то таким странным голосом, что Игорю делается не по себе.

Началось это месяца полтора назад. Однажды вечером раздался звонок. Муся открыла дверь. На площадке стоял старый, оборванный нищий с белоснежной бородой и длинными седыми волосами. Муся угостила старика супом. Игорь заглянул в кухню,

чтобы послушать, о чем идет разговор, но Муся выставила его вон. Старик ушел, а Муся еще долго сидела в кухне и глядела в одну точку, сдвинув брови. Вот с этого дня все и началось...

Раньше Муся никогда не забывала сварить обед, прибрать в комнате, а теперь сунет трешку: «Поешь в школе, мне некогда!» За щетку не бралась, наверно, уже недели три. Глаза у нее стали какие-то чужие.

Хлопнула дверь. Игоря точно ветром сдуло с подоконника. Как же это он: задумался и прозевал сестру!.. Муся вошла в комнату, разделась и, вытащив из-под кровати чемодан, принялась вынимать оттуда вещи. На брата даже не взглянула.

— Мусечка! — пролепетал Игорь, потрясенный тем, что изумительная чистота осталась незамеченной. — Я даю честное слово, Мусечка...

— Помолчи! — оборвала сестра.

Он со страхом следил за ней. Вытащила из чемодана свои платья и складывает туда трусики и рубашки Игоря... Зачем?

С каким ожесточением она роется в шкафу! Что-то страшное случилось. Может, лейтенант решил посадить Игоря в тюрьму? Но неужели Мусе его ничуть не жалко?

— Мусечка, — в отчаянии прошептал Игорь, — я тебе все расскажу, послушай...

— Нет уж, теперь ты послушай, — выпрямившись, злыми глазами посмотрела на него сестра. — Достаточно я намучилась, хватит! Пойдешь со мной. Будешь жить в детском доме, понял? Больше не желаю с тобой возиться. Одевайся!

Он решил сперва, что она шутит, но глаза у нее были совершенно незнакомые. Она сняла с крючка одежду и швырнула ему. А когда он, путаясь в рукавах, кое-как натянул пальто, схватила его за руку и потащила к двери.

Он понял, что она не шутит, и испугался по-настоящему. Но виду не показал и больше не спрашивал Мусю ни о чем.

Он мог бы умолять сестру простить его, но рука, больно сжимавшая сейчас его пальцы, не была рукой

сестры. Он почувствовал это. Рядом шла не Муся, а совсем чужая женщина, и перед этой чужой женщиной Игорь не хотел унижаться!

Автобус привез их на окраину города. Они остановились перед новеньким трехэтажным домом, окруженным высоким забором. В заборе была узенькая калиточка. Муся позвонила, сказала что-то выглянувшему дежурному, и тот пропустил их в парк. Здесь росли дубы и сосны и голубоватые стройные елочки, а в глубине виднелась деревянная горка, облитая водой.

Перед крыльцом Игорь замедлил шаги, Муся подтолкнула его.

— Пусти! Я сам с удовольствием буду тут жить! — гордо сказал Игорь. Сестра с удивлением покосилась на него. С ее лица на мгновение соскользнуло озлобленное выражение. Но только на секунду она стала похожа на прежнюю Мусю, а потом снова ее будто подменили.

Ну что ж... Если Игорь никому не нужен, если сестры у него больше нет, тогда он сам позаботится о себе!

— Мне тут нравится! — сказал Игорь, когда они вошли в вестибюль. — Я все абсолютно понимаю. Конечно, тебе со мной трудно. Я здесь с удовольствием останусь.

Муся озадаченно взглянула на него, но не ответила, так как в этот момент к ним подошла пожилая женщина в круглых очках. Она спросила что-то у Муси. Игорь озибался. На окнах не было решеток, и вообще ничто не напоминало о том, что здесь детский дом, то есть место, где, по глубокому убеждению Игоря, насильно держали в чем-либо провинившихся мальчишек и девчонок. Стены были выкрашены белой краской, на полу лежали ковры.

— Хочешь жить с нами? — спросила женщина и положила мягкую руку Игорю на плечо.

— Хочу! — ответил он. — Очень хочу.

Женщина тоже посмотрела на него с удивлением, а у Муси глаза стали жалобными, но через секунду снова будто пленкой затянулись.

— Мне нужно кое-куда... Где это у вас? — застенчиво спросил Игорь.

— В коридорчике, — ответила женщина. — Первая дверь направо.

Он вошел в уборную, запер дверь на крючок и распахнул окно. Внизу был сугроб. «Я прощаю тебя, Муська! — прошептал он. — Но больше мы не увидимся!»

Спрыгнув в снег, он подобрал пальто и помчался к забору. Это препятствие было преодолено им без труда. Несколько заноз впились в ладони, но он мужественно вытерпел боль.

Долго плутал Игорь по городу, пересаживался с трамвая на троллейбус и с троллейбуса на автобус, пока, наконец, не оказался в знакомом районе. Где-то рядом была Красноозерная улица. Идти туда, впрочем, было незачем. Никто его там не ждал.

Оставаться в городе он не собирался. Он знал, что здесь его очень быстро поймают. Взрослые в высшей степени странные люди: ты им не нужен, но они поднимают ужасный шум, когда ты исчезаешь... Снова очутиться в милиции Игорю вовсе не хотелось. Он решил уехать в Сибирь, в Красноярский край. В прошлый раз его вернули с вокзала, но теперь он уже так глупо не попадетсЯ. В Сибири множество заводов, фабрик, рудников и золотых приисков. Почему бы не сделаться золотоискателем? Бродить по тайге с рюкзаком за плечами и двустволкой подмыш-

кой, охотиться на драгоценных куниц, а в свободное время промывать в таежных ручьях золото. И в один прекрасный день найти золотой самородок... Не исключено, что после этого об Игоре напишут в газетах, вот тогда-то Муська поймет, какой у нее брат.

Тогда она горько пожалеет, что отказалась от него, но будет уже поздно... Впрочем, Игорь не станет ей мстить. Он же мужчина, черт возьми! Он простит ее и вызовет к себе в Сибирь... Как здорово заживут они вдвоем!

Поежившись, Игорь ускорил шаги. До Сибири было еще далеко, а мороз бесцеремонно хватал за уши. Хотелось есть. Очень хотелось. Но Игорь, отбросив мысли о еде, направился к трамвайной остановке.

Здесь девушка, одетая в белый халат поверх пальто, торговала пирожками. Игорь остановился. Он был мужчиной. И он спешил на вокзал. Но оторвать глаза от пирожков было совершенно невозможно.

Прохожие толпились возле корзины, привлеченные соблазнительным запахом лука и мясного фарша, и в голову Игорю пришла идея, которой было суждено на корню оборвать его карьеру золотоискателя. Он решил стащить пирожок...

Терять было нечего. Все равно Муська считала его вором.

Улучив момент, он сунул руку в корзину, но девушка схватила его за плечо. Быстро собралась толпа. Продавщица, укоризненно поглядывая на Игоря, говорила:

— Вы же только подумайте. А такой приличный мальчик!.. Лучше попросил бы, если денег нет, я дала бы ему пирожок, что мне, жалко?

Какой-то небритый мужчина в каракулевой шапке сказал:

— Безобразие! Вот так и вырастают бандиты.

— Лет через пять он будет снимать с нас пальто, — подхватила пожилая дама. Небритый мужчина скептически заметил:

— Что вы, гораздо раньше! Посмотрите на эту типичную дефективную физиономию.

Женщина в беличьей шубе опустилась перед Игорем на корточки, поправила ему шарф и ласково спросила:

— Где ты живешь, мальчик?

— Нигде, — ответил Игорь. — Я беспризорный!

— Слышали? — забеспокоился мужчина в ка-
ракулевой шапке. — Надо срочно позвать милицио-
нера!

Подошел молодой румяный старшина.

— Ну, что вы столпились? — негромко сказал он, узнав, в чем дело. — Подумаешь, преступника поймали! Дел у вас никаких нет, что ли? — Обернувшись к Игорю, старшина нахмурился и грозным басом спросил: — Украл?

Игорь тяжело вздохнул.

Старшина взял его за руку и повел в отделение. Игорь не сопротивлялся. Через полчаса он очутился в просторном зале, где на полу резвились плюшевые мишки и резиновые зайцы. На стенах, выкрашенных веселой розовой краской, висели разные смешные картинки, а в углу валялись кубики, волчки и жестяные бабочки. Это была детская комната.

Игорь озираясь. Куда он попал? Что здесь? Милиция или ясли? Его не мучали угрызения совести. Если он и жалел о чем-нибудь, то лишь о том, что так и не успел съесть злополучный пирожок. Игорь был настроен агрессивно и относился с презрением ко всем людям на свете. Поэтому, когда в комнату вошла симпатичная молодая девушка с серебряными погонами на кителе и попыталась узнать у Игоря фамилию и адрес, он не пожелал с ней разговаривать.

Покачав головой, девушка вышла. За стеной слышался ее голос. Игорь считал унижительным для себя интересоваться тем, во что его не хотели посвящать, но сейчас говорили о нем, и он нагнулся к за-
мочной скважине.

За письменным столом он увидел пожилого майора, а перед ним девушку-лейтенанта и даму в беличьей шубке, ту самую, которая на трамвайной остановке так ласково с ним говорила. Это была по-

жилая женщина с добрым лицом и светло-голубыми глазами.

— Я, кажется, знаю этого мальчугана, — сказала она. — Он живет в нашем дворе... По-моему, у него есть сестра. Наверно, он был голоден. А может, у них дома произошло какое-нибудь несчастье.

— Ну хорошо, я согласен, — подумав, сказал майор. — Значит, вы отведете паренька домой и попросите зайти к нам его сестру.

— Да, — кивнула женщина. — И кроме того, я попытаюсь узнать, почему мальчик оказался без надзора... Ведь это просто страшно. Вся жизнь человека начинается с детства... Я сорок лет проработала на заводе, недавно ушла на пенсию. Пятьдесят лет я в партии. Много из того, о чем я мечтала в юности, сбылось. Но когда я вижу вот таких неприсмотренных, несогретых, ненужных детишек, мне становится обидно. Обидно за свою жизнь. Мне кажется, что еще многого я не сделала, не успела... Вы меня понимаете?

— Я вас понимаю, — тихо ответил майор.

— У меня нет детей, и, может быть, поэтому я имею время наблюдать за чужими детьми. Говорят, посторонний взгляд более беспристрастный. И вы знаете, во многих семьях у нас еще неблагополучно. Вот вы мне про Васю Коротова сказали. Я знаю его мать. Она работает в заводууправлении. Я не раз слышала, как она расхваливала сына. Так вы говорите, что этот Вася возле кинотеатра билетами спекулирует?

Игорю все это было совершенно неинтересно. Он отошел от двери. Так, значит, эта старушка намерена отвести его домой? Час от часу не легче! Но торчать в милиции, пожалуй, еще хуже!

Подумать только, как ему не везет! Он мечтал вернуться победителем, а его приведут, отягощенно-го новыми преступлениями. И у Муськи будут все основания считать, что он неисправим.

А как доказать, что он не такой, Игорь пока не знал...

— Зачем же ты стащил пирожок? — с интересом спросил майор, вызвав Игоря в кабинет. — Есть хотел, что ли?

— Да.

— Пошел бы домой и поел. Или тебя дома не кормят?

— Сестра работает, ей некогда.

Майор многозначительно взглянул на даму в беллицей шубке и сказал:

— Ну ладно. Вот эта женщина, Нина Яковлевна, ответит тебя к сестре. Не сбежишь?

— Там видно будет, — неопределенно ответил Игорь.

Майор засмеялся.

...Через полчаса Нина Яковлевна и Игорь свернули на Красноозерную улицу и вошли в знакомый двор. Это был маленький тесный дворик, не похожий на роскошные, асфальтированные и озелененные дворы с ледяными горками, турниками и качелями, которые оборудуются в новых кварталах. Огороженный со всех сторон домами, дворик замыкался глухой кирпичной стеной, под которой, точно грибы-поганки, расплодились бесчисленные сарайчики, деревянные лари и кособокие ящики неизвестного назначения.

Двор жил обычной вечерней жизнью. Мальчишки гоняли по снегу консервную банку, оглашая воздух азартными воплями: «Бей в ворота, Косой! А ты не лезь, не лезь, Заяц, а то как двину!» У подъезда горько плакал какой-то малыш в красной вязаной шапочке. Он стоял на одной ноге, другая была поджата, как у аиста. Куда девался второй валенок, было неизвестно.

В воротах стояли несколько парней. В полумраке вспыхивали огоньки папирос. Усевшись на ступеньках пожарной лестницы, два парня лет по четырнадцати при свете, падавшем из окон, сражались в карты.

— Хочешь ко мне в гости? — спросила Нина Яковлевна. — Чаю попьем. А потом я поговорю с сестрой, чтобы она тебя не ругала.

— Ладно, — ответил Игорь, соблазненный главным образом тем, что ему был обещан чай.

Поднялись на пятый этаж и вошли в небольшую комнату, где было очень много книг. На книги Игорь посмотрел равнодушно, зато отдал должное жареной картошке, которую на сковороде принесла Нина Яковлевна.

Когда он поел, хозяйка сказала:

— Вспомнила, тебя зовут Игорь, и в прошлом году твоя модель получила третью премию на выставке юных авиамоделистов. Правда? Эта выставка была устроена в заводском клубе.

— Не третью, а только поощрительную, — поправил Игорь, не желая присваивать чужих лавров.

— Все равно это большое достижение, — сказала Нина Яковлевна. — Сейчас, наверно, новую модель делаешь?

— Построил я в прошлом году одну штуку, — вздохнул Игорь, — истребитель с реактивным двигателем. Он был как настоящий, только почему-то не летал. Ошибка в расчетах... Бросил я это дело...

— Ну и напрасно, — с сожалением сказала Нина Яковлевна. — Можно было так сделать, чтобы полетел твой истребитель. Тебе просто необходима техническая консультация. В нашем подъезде живет один летчик-испытатель. Его фамилия Кондратьев. Хочешь, я тебя с ним познакомлю?

— Ну? А вы не шутите? Можно к нему пойти сейчас?

— Отчего же нельзя! Только знаешь, о чем я тебя хотела попросить: во дворе у нас многие ребята с удовольствием строили бы модели, но не знают, как за них приняться... Вот бы организовать кружок? Ты не взялся бы за это дело? Конечно, это очень трудно... Я понимаю.

— Ничего трудного нет, — ответил Игорь. — Если бы я мог здесь остаться... Но я ни за что не останусь! Все равно уеду!

Дружески беседуя, они оделись. Игорь с интересом смотрел на Нину Яковлевну. Он никогда еще не встречал таких. Старая, а все понимает!

Но Игорю снова не повезло. Не успел он выйти

на лестницу, как столкнулся с Мусей. Преградив ему путь, сестра сказала:

— Вот ты где, негодяй! Сколько беспокойства людям доставляешь! Я звонила в милицию, и мне там дали ваш адрес, — обратилась она к Нине Яковлевне. — Простите, пожалуйста... Такой хулиган!

— Ваш брат вовсе не произвел на меня впечатление хулигана, — ответила Зарецкая. — Мне он очень понравился. Мы так хорошо побеседовали. А сейчас мы хотели зайти к летчику, который, может быть, поможет Игорю построить модель. Пусть Игорь побудет еще со мной, хорошо? Я потом провожу его. Ведь вы рядом живете? Мне бы хотелось поговорить с вами...

— Нет, нет, — сухо ответила Муся. — Никакие модели ему не нужны. Спасибо за внимание, нам пора... Пойдем!

Она схватила Игоря за рукав и потащила по лестнице. Он торопливо шел за ней, чтобы Нина Яковлевна не заметила, что его тащат насильно. Ему было стыдно до слез...

За воротами Игорь вцепился в уличный фонарь и крикнул:

— Пусти! Никуда я с тобой не пойду!

— Я вот тебе не пойду, воришка несчастный! — злобно сказала Муся и, размахнувшись, ударила его по щеке.

Игорь закрыл глаза. Его еще никто никогда не бил.

— За что? — шепотом спросил он. — За что ты меня бьешь? Ты хочешь от меня избавиться? Я тебе мешаю?

Но Муся не услышала. Бледная, с красными пятнами на щеках, она пыталась оторвать его руки от фонаря. Игорь отчаянно сопротивлялся. Возле них остановились несколько прохожих. Вдруг Игорь почувствовал, что Муся его отпустила. Подняв голову, он увидел стройную девушку с длинными черными косами.

— Здравствуй, Самойлова, — удивленно сказала девушка. — Что случилось?

— Негодяй! — задыхаясь, ответила Муся. — Совсем от рук отбился! С ворами связался! С таким трудом договорилась, устроила его в детский дом, а он сбежал... Ты только посмотри, что он вытворяет!

— В детский дом? Но... Разве ты...

Муся внезапно схватилась за голову и раздраженно сказала:

— Ах, оставьте вы меня все в покое! Надоело, надоело, надоело!

Словно забыв об Игоре, она вошла во двор и больше не показывалась. Девушка несколько секунд молча, с недоумением смотрела ей вслед, затем нагнулась к Игорю и, поправив ему воротник, грустно сказала:

— Как же это ты так, а? Надо слушаться старших, тогда все будет хорошо. Ну, не горюй! Иди попроси прощения и ложись спать. Поздно уже...

Игорь стиснул зубы. Лезет не в свое дело. Ему даже думать не хотелось о том, чтобы идти домой,

но деваться было, в сущности, некуда... Не ночевать же на улице...

Да что это, не его дом, что ли? Здесь их мама жила — его и Мусина.

Значит, это не только ее дом, но и его! Пусть она еще попробует его выгнать! С какой стати! Пускай сама отправляется жить куда угодно, если с ним не хочет, а он никуда не пойдет!

Дверь была открыта. Муся возилась на кухне. «Господи, господи!» — услышал Игорь ее плачущий голос, поскорей

раздевшись, лег в кровать и накрылся с головой одеялом, чтобы ничего не слышать и не видеть. Лицо его было мокрым. Он не любил больше Мусю, не любил, не любил, не любил!

17

Катя Назарова решила рассказать о Мусе и об Игоре Кондрату Григорьевичу Жилинскому. В Мусиной семье явно что-то неладно. К дружине это как будто не имело прямого отношения, но Жилинский мог лучше, чем Катя, разобраться в этой истории... Во всяком случае, если работница завода хочет отдать родного брата в детский дом, значит ей плохо и надо ей помочь.

Катин отец, полковник в отставке Антон Михайлович сидел за столом в своем кабинете и писал статью в газету «Красная Звезда». Он писал эту статью уже три недели, но она была так же далека от завершения, как в первый день. Волосы у него на затылке взмокли от усилий. На полу валялась куча листов, исписанных его размашистым, острым почер-

ком. Дело не ладилось. Отец ерзал на стуле и с тоской обмакивал ручку в чернильницу.

Ступая на цыпочках, чтобы не мешать ему, Катя прошла в спальню, сняла платье и надела халат и тапочки. Кроме спальни и кабинета, в распоряжении Кати и Антона Михайловича была еще столовая, а также салон для отдыха и чтения газет. Кабинет, спальня, столовая и салон свободно умещались в одной комнате размером в двадцать четыре квадратных метра. «Кабинетом» назывался уголок между окном и шкафом, спальня находилась в противоположном углу, за ширмой, столовая располагалась посредине, а салон ограничивался габаритами дивана. Катя и Антон Михайлович считали свое жилье уютным и просторным. Они гордились тем, что им удалось все так разумно и здорово устроить. В квартире была еще одна комната. Раньше она тоже принадлежала им, но Антон Михайлович с полного одобрения Кати отдал ее молодой женщине, работнице завода Аглае Васильевне, матери двоих детей. Их отец-шофер погиб во время аварии. Малыши сразу словно осветили всю квартиру. Вот теперь это стал настоящий семейный дом. И Юлька и Митька души не чаяли в Катином отце и по вечерам, когда Антон Михайлович лежал на диване с газетой, дергали его за руки и теребили его волосы. И у Кати прибавилось забот. Приходя с завода, она должна была подогреть ужин и накормить Митьку и Юльку в те дни, когда Аглая Васильевна работала в ночную смену. Катя быстро привязалась к малышам и с удовольствием возилась с ними.

Правда, в квартире стало шумно, как в яслях, то и дело коридор оглашался восторженным воплем Митьки или горестным рыданием Юльки. Из ванной как-то послышался грохот. Антон Михайлович помчался туда и обнаружил, что Митька и Юлька, напустив в ванну воду, полезли за корытом, желая, очевидно, поплавать в нем, как в лодке, но корыто сорвалось со стены.

Вскоре Аглая Васильевна устроила своих близнецов в круглосуточные ясли. Катя и Антон Михайло-

вич были огорчены: они уже успели привязаться к ребяташкам.

Во время войны Антон Михайлович командовал эскадрилей тяжелых бомбардировщиков. После победы он два года прожил в маленьком немецком городке, налаживая там нормальную жизнь, ведая вопросами продовольствия и снабжения. Недавно к полковнику пришел корреспондент из «Красной Звезды» и попросил написать заметку о том, как он работал комендантом. Полковник ответил по-военному: «Есть написать!» — но слова не давались ему, и он признавался Кате, что водить тяжелые бомбардировщики на вражеские объекты было куда легче...

Он делился с дочкой своими затруднениями, и она всегда рассказывала ему о своих делах. Так уж у них повелось.

Маму Катя не помнила; во время войны она жила у тетки, а потом появился отец, полузабытый, знакомый только по фотокарточкам, и они вдвоем поехали в Германию. Девочек-сверстниц рядом не было, подчиненные отца разговаривали с Катей почтительно, называли ее на «вы». Она рано начала сознавать себя взрослой... Антон Михайлович и Катя были друзьями. Она привыкла делиться с отцом всеми своими радостями и заботами... Потом перебрались в Москву, получили квартиру. Полковник старел, Катя росла... Но по-прежнему она ничего не скрывала от Антона Михайловича. Отец каждый день открывал в ней новые, неожиданные качества. Она выросла и изменилась на глазах.

Когда ей исполнилось пятнадцать лет, обнаружилось, что ею интересуются мальчишки. В седьмом классе у Кати появился первый поклонник: Мишка Шибанов. Через год она познакомилась с Аркадием, а на первом курсе техникума число ее кавалеров стало даже немного смущать Антона Михайловича.

«Но Катя относилась к мальчишкам совершенно равнодушно. Она никому не отдавала предпочтения, с одним ходила в кино, с другим на каток, с третьим шепталась в подъезде, и каждому казалось, что только он один может рассчитывать на ее внимание.

Потом все поклонники как-то сразу исчезли. Катя их разогнала. Она влюбилась в Аркашку Трайнина. Аркадий ее очаровал своей вежливостью, опрятностью, рассудительностью. Он был серьезен не по годам. Его товарищи гоняли во дворе консервную банку, а он, нахмурившись, слушал по радио последние известия. Его всюду выбирали. Он очень логично, умно и содержательно выступал на всех собраниях. В школе он был сначала председателем совета пионерской дружины, а потом стал редактором стенгазеты.

В институте его куда не выбирали, но это только потому, что он сам не хотел. Он занимался в научном кружке. Его хотели оставить в аспирантуре, но он попросился на производство. Вот такими должны быть настоящие мужчины. Друзей у Аркадия не было. Студенты считали его скучным и называли с насмешкой «ортодоксом». Но Кате не было с ним скучно.

Аркадий поступил в строительный институт, и Катя немедленно ушла из девятого класса и поступила в строительный техникум, чтобы приобрести такую же специальность, как он, чтобы лучше понимать его и быть ему необходимой. Аркадий как-то сказал, что ему не нравятся ее косы, и Катя, придя домой, тут же отхватила их ножницами. Потом она долго плакала, разозлилась на Аркадия и назло ему отрастила косы снова, но стремление всегда делать только то, что ему нравится, у нее осталось, и ей было особенно приятно, что он почти никогда не замечал ее усилий. Мужчины должны думать о деле, а не о глупых сантиментах!

Первое время Антон Михайлович надеялся, что это увлечение у Кати скоро пройдет, но после происшествия в сквере, когда Аркадий попал в больницу, а Шибанов под суд, он забеспокоился.

Ему очень не понравилось поведение Кати во всей этой истории, и он сказал ей об этом. Всклипнув, Катя ответила, что сама себя презирает! Полковник тревожно подумал, что Кате исполнилось семнадцать лет и, пожалуй, она теперь не сможет быть с ним

такой же откровенной. А матери у нее нет... С кем же ей делиться?

Но вскоре полковник успокоился: Катя, хотя и встречалась с Аркадием, по-прежнему ничего не скрывала от отца.

Теперь Аркадий и Катя вместе работали на заводе, строили новое здание сборочного цеха. Антон Михайлович знал об их решении пожениться и с грустью думал о том, что скоро Катя уйдет от него. Но тут уже ничего поделать было нельзя.

Всунув ноги в тапочки, Катя вышла из-за ширмы. Полковник помахал ей рукой.

— Ну, что ты скажешь, двадцать седьмую страницу порчу! Ей-богу, позвоню в редакцию и откажусь!

— Мне необходимо с тобой поговорить, — решительно сказала Катя. — Я сегодня нарочно раньше пришла с работы. Папка, милый, я просто в отчаянии, я не знаю, что мне делать!

Вообще-то говоря, не следовало придавать значения словам Антонины Ивановны. К тому же, наверно, Катя и поняла их как-нибудь не так. Все ее проклятое самолюбие. Ничего с ней не случилось, если бы она встретила Новый год у Аркадия. Он имел полное право обидеться. Ведь Антонина Ивановна его мать!

Катя рассказала отцу все, что произошло в тот вечер. Она до сих пор была убеждена, что Антонина Ивановна рассердилась на нее зря. Ничего плохого она не сделала.

Катя как чувствовала — долго не хотела идти к Аркадию. Он еще с лета ее приглашал, а она отнекивалась, сама не зная почему. И вот перед Новым годом он сказал:

— Я тебя не понимаю. Ведь мы, кажется, намерены пожениться, а мама тебя ни разу не видела. По-твоему, это прилично?

— Это, конечно, никуда не годится, — жалобно согласилась Катя. — Ну хорошо. Тогда пойдем прямо сегодня.

Вместо того чтобы обрадоваться, Аркадий озабоченно пробормотал:

— Сегодня? Я спрошу у мамы и позже тебе скажу...

Катя была озадачена. Сам же приставал, а когда она согласилась, испугался.

После гудка Аркадий сказал:

— Все в порядке. Я звонил домой. Мы можем прийти.

Тон его был торжественным. По дороге он так суетился, что Кате стало не по себе.

— Может, вернемся? — спросила она у подъезда. — Мне кажется, я отсюда живой не выйду...

Она шутила, но ей было тревожно.

В квартиру она вошла, готовая ко всему, даже к тому, что ее прогонят. Но ничего такого не случилось. Аркаша взял ее за руку и провел в комнату. Пальцы у него были холодные.

Антонина Ивановна сидела на диване и шила. Увидев Катю, она встала, медленно, с достоинством кивнула и придвинула ей стул.

Комната была темная, с узким монастырским окошком, низким потолком. В углу висела икона в богатом, позолоченном окладе. Возле двери, как неприступная скала, возвышался шкаф непроницаемо черного цвета. Массивный круглый стол стоял на своих четырех ножках так устойчиво, что сдвинуть его с места казалось невозможным. Вся обстановка была такой мрачной и в то же время торжественной, что хотелось разговаривать шепотом.

Антонина Ивановна задавала Кате обычные вопросы. Катя отвечала и с изумлением наблюдала за Аркадием. Он стоял возле матери, вытянув руки по швам и робко скосив на нее глаза, у него был вид напраказавшего школьника.

— Значит, с отцом живешь? — сухо осведомилась Антонина Ивановна.

— Да, — ответила Катя.

— Аркадий говорил, тебя в этот ваш комсомольский комитет выбрали.

— Выбрали...

— А в институте-то не учишься?

— Нет, — робко ответила Катя, чувствуя, что ее акции падают с катастрофической быстротой. Строгий, официальный стиль беседы вызвал у нее что-то похожее на морскую болезнь. Катя поняла, что еще минута — и она никогда не посмеет войти сюда с гордо поднятой головой; так же, как Аркадий, она будет трепетать перед этой женщиной.

С усилием Катя стряхнула оцепенение и сказала:

— Где же твоя сестра? Ты говорил, у тебя есть сестра.

Антонина Ивановна поджала губы, Катя поняла, что она шокирована ее поведением.

— Я позову Наташу, можно? — тихо спросил Аркадий.

— Наташа сейчас занята, ты же знаешь, — ответила Антонина Ивановна и встала, шурша платьем. Она ушла в соседнюю комнату. Аркадий нахмурился и неодобрительно посмотрел на Катю.

— Похоже, что моя кандидатура провалилась с треском! — сказала Катя.

— Ты еще шутишь!

— Я считаю, что мне повезло! Твоя мать могла просто-напросто меня выгнать. Я ждала этого с минуты на минуту. Во всяком случае, ты бы за меня не вступился. Скорее помог бы ей выставить меня за дверь.

— Нам пора, я провожу тебя.

— Ты удивительно любезен, — едко сказала Катя.

Она вышла в коридор и заглянула в кухню. На табурете возле плиты сидела молоденькая белокурая девушка и чистила картошку. Антонина Ивановна стояла возле нее, словно охраняя от кого-то.

— Это и есть твоя сестра? — громко сказала Катя. — Здравствуйте, Наташа. Очень рада познакомиться с вами...

Девушка боязливо покосилась на мать и едва заметно кивнула.

— Простите, Антонина Ивановна, что я заглянула сюда без спроса! — с вызовом продолжала Катя. —

Но должна же я была с вами попрощаться. Благодарю вас за гостеприимство.

Если бы Аркадий не дернул Катю за руку, она наговорила бы дерзостей. Комок стоял у нее в горле. Еще никто и никогда так не оскорблял ее. На лестнице Аркадий прошипел:

— С ума сошла! Она тебе никогда этого не простит!

— Это, конечно, ужасно, — ответила Катя. — Не провожай, сама найду дорогу.

Так закончился этот вечер.

Несколько дней они не разговаривали и, встречаясь на заводе, отворачивались друг от друга. Тридцать первого декабря Аркадий остановил ее возле ворот и сказал:

— Если бы ты знала, чего мне стоило уговорить маму не сердиться! Приходи к нам сегодня. Встретим Новый год вместе.

Кате не понравился его тон, но ей хотелось с ним помириться, и она ответила:

— Очень рада, что все уладилось.

— Умница! — обрадовался Аркадий.

Они прошли еще раз по Красноозерной улице. Заглянули в мебельный магазин и долго любовались полированным чешским шкафом.

— Мне хочется его расцеловать, такой он гладкий! — мечтательно сказала Катя. — Давай купим. Поставим пока у тебя или у меня. Нам ведь все равно придется покупать мебель, а такого шкафа мы не достанем.

— Денег нет, — вздохнул Аркадий.

— Как же нет? Ты забыл, что сегодня была получка? — простодушно спросила Катя, но, взглянув на скучную физиономию Аркадия, закусила губы.

Да что с ним такое, в самом деле! Он, правда, и раньше не отличался безумной щедростью, но его нельзя было назвать и скупым. А в последнее время буквально трясется над каждой копеечкой. В столовой заказывает самые дешевые блюда. Уже два месяца не приглашает Катю в кино. Она не сердилась на

него, решив, что он копит деньги для новой квартиры, которую им должны были дать осенью, но вот сейчас выяснилось, что дело вовсе не в квартире. А в чем же?

Может, он просто разлюбил ее? Наверно, мать отговорила его жениться на Кате. Он ведь не смеет ей перечить.

Катя потупилась. Ей было больно и горько, но она решила вести себя мужественно.

— Приходи к семи часам, — сказал Аркадий. — Не опаздывай. Мама не любит, когда опаздывают.

— Я не смогу прийти, — ответила Катя. — Не обижайся.

— Ну, почему? Я же тебе объяснил, что мама...

— Антонина Ивановна тут ни при чем, — быстро ответила Катя, решив на всякий случай оставить крохотную лазейку для примирения. — Просто я должна быть в клубе. У нас новогодний вечер, и я дежурю. Ты лучше приходи в клуб. Хорошо?

— Как знаешь, — ответил он холодно.

И ушел, даже не попрощавшись. Катя не верила, что он не придет в клуб. Ведь они столько лет дружили! Он любит ее. Конечно, любит! Она ждала и надеялась, но он не пришел. А потом началась эта драка...

Через несколько дней они помирились, но холодок остался. Аркадий вступил в дружину только из-за Кати, она это знала, но ей не нравилось, что он относится к дежурствам насмешливо, явно не принимая их всерьез. Он как будто делал кому-то одолжение. Вообще Катя вдруг стала находить в нем множество недостатков, которых раньше не замечала. Неужели их любовь прошла? Этот вопрос и задала она отцу.

Антон Михайлович задумался. Катя ждала, что он скажет. Полковник постоял возле окна, дымя трубкой и сосредоточенно глядя на россыпь вечерних огней. Он многое мог бы сказать дочери. Он мог бы ответить, что Аркадий давно ему не нравится. В нем чувствуется сухость, черствость, излишняя рассудоч-

ность, странная для такого молодого человека. Но полковник знал Катю и верил, что она сама во всем разберется. Он был убежден, что в таких случаях не следует навязывать свое мнение. Катя умная и чистая девочка. Совсем не нужно из своих забот и тревог воздвигать вокруг нее стену. Пусть узнает все, что ей положено узнать в жизни. Предостерегать — не значит вести за руку...

Полковник погладил Катю по голове. Голос его был, как всегда, ровным и спокойным:

— Понимаешь, девочка, во всем этом плохо только то, что твоя любовь не возвышает тебя, не украшает твою жизнь. Мне трудно так сразу разобраться в том, что произошло. Я не хочу давать опрометчивых советов. Ты взрослая, умная девушка. Сама поймешь, где твое счастье. Я знаю только одно — любовь должна быть радостной, она должна возвышать человека.

— Ты прав, — сказала Катя. — Конечно, ты прав. Но разве мало было у нас радости? Если бы ты только знал, как было раньше!.. А сейчас эта радость куда-то исчезла. Неужели ее нельзя вернуть? Ведь не может быть, чтобы из-за его матери мы поссорились навсегда? Разве любовь проходит так сразу?

— Никогда не надо, вспоминая прошлое, заглядывать в будущее и рассчитывать, что оно будет таким же, — ответил Антон Михайлович. — Что прошло, то прошло... А настоящая любовь никогда не проходит...

Катя долго не могла уснуть. Отец говорил все верно, но от этого ей не стало легче. В конце концов она решила, что если бы любовь прошла, то она не мучилась бы. Значит, она еще любит Аркадия. Нужно поговорить с ним начистоту и сделать это как можно быстрее, но на другой день после работы Катя дежурила в штабе. Вечером Катя ждала звонка, но Аркадий не позвонил. В воскресенье она весь день каталась на лыжах за городом.

Утром в понедельник Катя побывала на своем объекте, проверила, как идет укладка бетона, подписала скопившиеся за неделю наряды и отправилась

в отдел капитального строительства. Ей нужно было отдать сводку, а кроме того, она надеялась встретить там Аркадия.

Возле заводууправления Катю окликнул Димка Зорич. Димка был без шапки и так тяжело дышал, словно только что пришел к финишу после десятикилометрового пробега по пересеченной местности.

— Здорово, Назарова! — сказал он, хватая ртом воздух. — Тебя Роман Гаевой ищет. И Жилинский. Пошли быстрее!

— Куда? — удивилась Катя. — Что за паника? За тобой кто-нибудь гнался?

— Как куда? В штаб дружины. Там Муська Самойлова. Она такое несет! Что же ты стоишь?

Димка схватил Катю за рукав и потащил в заводууправление.

— Да что случилось?

— Жилинский попросил зайти Муську Самойлову. Ну, ты лучше меня знаешь эту историю. Как будто с братом ее что-то случилось, я толком не понял. Но дело не в этом... Кондрат Григорьевич хотел ее расспросить про ее жизнь, а она такую чушь в ответ начала выдавать, что у всех уши завяли. Ты должна послушать... Ты же с ней знакома!

— Положим, я ее совсем не знаю, — ответила Катя. — Но мне казалось, что она девушка серьезная, рассудительная.

— Я тоже думал, что серьезная, — сказал Димка. — Я на складе сколько раз бывал и ничего такого не замечал. А сегодня прямо ахнул...

— Да что она хоть говорит? Ты объясни, а то я ничего не понимаю.

— А вот сама послушаешь!

Поднялись на второй этаж. В штабе вокруг стола сидели дружинники. Роман вертел в пальцах ручку. Жилинский хмурился. Ребята и девушки — члены штаба — переглядывались. Было тихо, и в этой тишине резко звучал голос Муси Самойловой. Она стояла перед столом, сложив руки за спиной. На ее щеках горели красные пятна, лицо было некрасивым и злым.

Катя присела на диван.

— Моя жизнь вас не касается! — громко говорила Муся. — Хоть вы и любите лезть в душу, но до моей души не доберетесь! Я не обязана вам объяснять, почему я так решила. Каждый человек должен совершить то, к чему он призван! Есть высшая правда, и ради этой правды можно пожертвовать всем, что ты любишь. И чем больше жертва, тем ближе путь к свету! Вы жалеете моего брата? Что стоит ваша жалость! Вы сами как слепые щенки, а взялись учить людей. Вы не смеете меня судить. Я буду отвечать перед другим судьей!

— О каком судье ты говоришь? — спокойно спросил Кондрат Григорьевич. Он внимательно слушал Мусю. Лицо его было серьезным. — Почему ты молчишь? Кого ты имеешь в виду? Кто этот судья? Ты не хочешь назвать его имени? Тогда скажи по крайней мере, о какой высшей правде ты толкуешь? Мне за шестьдесят, а я тебя не понял... Объясни нам, может быть, мы с тобой согласимся... Мы же вместе работаем. Неужели мы тебя не поймем?

— Нет, вы не поймете! — ответила Муся. — Да и нет у меня дара убеждать... Я ухожу.

— Как хочешь, — сказал Жилинский. — Конечно, твоему брату и в детдоме будет неплохо, но мы позвали тебя, чтобы помочь. Может, у тебя материальные затруднения...

— Не нуждаюсь я в ваших суммах! — гордо вскинула голову Муся.

— Почему, собственно, ты против своих товарищей так озлоблена? Мы ведь хотим, чтобы ты и твой брат были счастливы.

— Я счастье понимаю не так, как вы! — буркнула Муся. — Ваше счастье для меня суета и стыд, а моего вам не понять.

Дружинники молчали. Муся опустила глаза и вышла. Первым опомнился Димка.

— Вот ненормальная! Честное слово, ее просто немедленно надо отправить к психиатру. Она спятила.

— Помолчи, Зорич, — нахмурился Кондрат Григорьевич. — Все, видимо, гораздо сложнее. Ее слова

кое-что мне напомнили... Кое-что... Но пока об этом говорить не стоит... Ясно только одно — она не сама их выдумала.

— Не ожидала я такого от нее, — задумчиво сказала Катя.

— Мы же о ней совершенно ничего не знаем, — пожал плечами Роман. — Мне кажется, у нее случилось какое-то несчастье, но она из гордости говорить не хочет... Надо бы сходить к ней домой...

— Чудно! — перебил Димка. — Она над нами смеется, а мы перед ней будем на задних лапках ходить! И я не понимаю в конце концов, что здесь такого? Ну, отдает брата в детский дом, наверно, такой братец, что от него житья нет! Ее дело!

— Никто тебе, Зорич, слова не давал, — рассердился Жилинский.

В этот момент за окнами раздался басовитый звук гудка. Обеденный перерыв кончился.

— Долго обсуждать тут нечего, — сказал Жилинский. — Вношу предложение: пусть Назарова побывает у Самойловой дома, выяснит, в чем дело, и на следующем заседании доложит штабу. Вот тогда все вместе и будем решать. Советую тебе, Катя, поговорить с самим Игорем. Возможно, от него ты узнаешь больше, чем от Муси. А вас всех, товарищи, попрошу пока держать язык за зубами! Дело тонкое, деликатное, огласка тут может принести только вред.

Из штаба Катя отправилась в отдел капитального строительства, но там ей сказали, что Аркадий уехал на бетонный завод.

Вечером он опять не позвонил.

18

Двадцать седьмого января открылся XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Это были особенные, неповторимые дни. Каждому они запомнились на всю жизнь. Не было, пожалуй, ни одного человека на заводе, которого глубоко не затронули бы вопросы, решавшиеся в эти дни в Кремле.

Горячие, предельно искренние, взволнованные выступления делегатов напомнили Жилинскому первые годы советской власти. Вот так же, как тогда, бурлила и кипела коллективная мысль, так же отвергалось все чуждое светлой идее коммунизма, во всем торжествовал такой же дух творчества.

Новый семилетний план! Коренная перестройка управления промышленностью, перемены в сельском хозяйстве, в общественной и в государственной жизни — все, о чем писали в дни съезда газеты, было близко и понятно Кондрату Григорьевичу. Ведь в выступлениях делегатов звучали и его мысли.

После дежурств он встречался с Ниной Яковлевной Зарецкой, которая часто теперь навещала его; они вместе слушали радио, читали вслух газету или просто молча сидели рядом, думая о пережитом, о прошлом и будущем, о том пути, который был пройден, и о том, который еще предстояло пройти...

В один из дней съезда по радио был передан доклад Никиты Сергеевича Хрущева. Когда умолк голос диктора, читавшего доклад, Кондрат Григорьевич сказал:

— Честное слово, можно только позавидовать нынешней молодежи. Ведь этот план — конкретная программа жизни для каждого из них.

— К сожалению, не для каждого, — помолчав, ответила Зарецкая.

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторым нашим молодым людям, мне кажется, не хватает целеустремленности, принципиальности. И живут они только сегодняшним днем...

— Продолжай, продолжай.

— Как они проводят досуг? О чем спорят? О чем мечтают? Живут такие без высоких целей, без идеалов, насмешливо и цинично относятся к самым святым словам... Я думала о том, откуда в них могло появиться все это?

— И к какому же выводу пришла?

— Понимаешь, мне кажется, причина в том, что наша молодежь не прошла суровой школы классовой

борьбы. Вспомни комсомольцев двадцатых годов. Они своих идейных врагов за версту чувствовали и относились к ним непримиримо. Их нельзя было обмануть демагогической фразой или лживой проповедью. Вот нынешним молодым людям и девушкам, по-моему, как раз и не хватает такого острого, классового чутья. Оттого-то многие из них, сами того не подозревая, оказываются в плену мелкобуржуазных взглядов...

— Ты зря обобщаешь, — покачал головой Жилинский. — Явления, которые тебя огорчают, действительно существуют, и глупо не видеть этого. Есть и равнодушные, и циники, и безразличные... Есть карьеристы и подхалимы... Но все-таки наша молодежь в подавляющей массе светлая, смелая и принципиальная.

— Так-то оно так...

— Да возьми хотя бы дружины, — разгорячился Кондрат Григорьевич. — Ты же слышала, что говорил Никита Сергеевич на съезде. — Оказывается, такие дружины возникли одновременно на многих предприятиях. Они возникли совершенно стихийно, без всякой указки сверху. И в большинстве они состоят из молодежи. Где же тут равнодушие? Отсутствие целеустремленности? Никто ведь им не подсказывал, не приказывал. Они пошли в дружины по велению сердца... Да ведь и ты сама это хорошо знаешь... Что, кстати, тебя натолкнуло на такой разговор? Без всякой причины ты бы не заговорила обо всем этом...

— Отчасти ты прав, — начала Нина Яковлевна, но в этот момент в дверь постучали. Жилинский выглянул в прихожую и удивленно сказал:

— Ого, сколько вас! Входите, милости прошу!

В комнату, смущенно улыбаясь и подталкивая друг друга, вошли дружинники. Здесь были Роман Гаевой, Катя Назарова и Аркадий Трайнин, Димка Зорич и Дуся Карпенко, инженер Василий Горчаков и Валентин Кабанчик. Валька был в новом черном костюме. Он гладко причесал свой рыжий чуб и, судя по серьезному, задумчивому выражению лица,

приготовился к важному разговору. Кондрат Григорьевич взглянул на него с некоторым недоумением, не понимая, каким образом он очутился в компании Романа и Кати. Он ведь не был дружинником и бывал в штабе только для того, чтобы поговорить о своем изобретении...

Нина Яковлевна усадила девушек на диван рядом с собой. Ребята неловко столпились у стенки.

— Легки на помине, — весело сказал Жилинский. — Мы о вас вспоминали. Доклад товарища Хрущева слышали?

— Потому и пришли, — ответил Роман. — Как-то так получилось, что мы все собрались в штабе. Я в общежитии был, услышал про дружины, сразу, конечно, прибежал в штаб, а там уже полно народу... Новость-то какая! Выходит, мы не одни!

— Да, друзья, новость огромная, — ответил Кондрат Григорьевич, многозначительно взглянув на Зарецкую. Та, улыбаясь, развела руками.

— Это же про нас по радио говорили! — выпалил Димка. — Кондрат Григорьевич! Это же сила! Значит, нас признали во всесоюзном масштабе!

— Да, все верно, но только почему ты кричишь? — спросил Кондрат Григорьевич.

— Я не кричу, — смешался Димка. — Но... мы просто должны... Надо что-то еще делать!

— Что именно?

— Ну, я не знаю... Мы не можем так, как до сих пор... О нас теперь все знают... вся страна...

— Ты бы еще сказал, весь мир, — встала Дуся.

— А что! — воскликнул Димка. — Конечно, весь мир! Во всем мире выступление Хрущева слышали, его на все языки перевели. Понятно? Если хочешь знать, сейчас каждый наш шаг имеет значение. Надо немедленно собрать всех дружинников и устроить митинг!

— Митинг не митинг, а поговорить действительно надо, — сказала Катя.

— Правильно сделали, что пришли, — ответил Жилинский. — Только что же вы мнетесь у стенки,

молодые люди? Присаживайтесь к столу, и потолкуем не торопясь.

Ребята сели вокруг стола. Лица у всех были торжественные и немного смущенные.

— Сейчас будем чай пить, — сказал Кондрат Григорьевич.

Возясь в кухне с чайником, он размышлял о том, как говорить с ребятами. Он видел, как они возбуждены и взволнованны, и понимал, что сегодняшний день является большим праздником для них. Но это не только праздник. Это как бы день подведения итогов и обсуждения планов на будущее. Что должен сказать в такой день он, командир дружины, о которой упомянул Председатель Совета Министров и Первый секретарь Коммунистической партии Советского Союза с высокой трибуны съезда? Найти слова было не так-то просто. Да и не в словах было дело.

Когда Жилинский вернулся в комнату, Димка произносил речь. Он говорил, прижав руки к груди, лицо его горело, а глаза блестели. Ребята слушали его серьезно, без улыбок.

— Мы должны обсудить наши планы на будущее, — говорил Димка. — Я имею в виду вовсе не дежурства и не всякие такие мелочи. Нам надо о более важном подумать. О смысле нашей работы. Суть ведь не в том, что мы пьяниц урезониваем и хулиганам ходу не даем. Разве только для этого мы дружину организовали? Нет, сейчас ясно, что дружина — это гораздо больше. Что произойдет, когда дружин будет много? Меньше станет хулиганов, преступников, нарушителей. Они будут от нас прятаться. А нам тогда что же делать? Чем заниматься? Может, вы думаете, исчезнут дружины за ненадобностью? Ничего подобного! К этому времени станет не нужен большой аппарат для управления и обеспечения порядка. Люди-то станут сознательными! И весь этот аппарат заменим мы, дружинники. Вот увидите, так и будет, и не через сто лет, а гораздо раньше. Представляете, например, общественное отделение милиции. И начальник отделения, и оперативные уполномо-

моченные, и регулировщики уличного движения — все рабочие, служащие, студенты. Исполняют эти обязанности бесплатно, в свободное от основной работы время, по графику. Народный судья — дружинник. Прокурор района — какой-нибудь инженер с нашего завода. А что? Горчаков вполне бы мог быть прокурором! А во многих профессиях вообще не будет надобности! Исчезнут кассиры, кондуктора, контролеры в кино, в театрах, в парках... Звание «дружинник» станет таким же почетным, ну, как, например, звание заслуженного артиста. Конечно, я не в полном смысле, просто я хочу сказать, что в дружине будут только честные, смелые, и их будет очень много, большинство... Тогда уж будем бороться не с хулиганами и преступниками, они вообще исчезнут, а просто с эгоистами, всякими хитромудрыми, которые норовят на чужом горбе в рай въехать, с бюрократами... может, я неясно говорю?

— Да нет, по-моему, очень даже ясно, — вставил Жилинский.

Оглянувшись на него, Димка смущенно закончил:

— Что я хотел сказать? Я хотел сказать, что нам надо уже сейчас готовиться к этому будущему... Перестроить нашу работу... Какую-то новую форму найти... Я еще не знаю какую... Может, пригласить юриста, чтоб лекции читал о Законе, нам ведь это все очень хорошо знать надо... Еще экономиста, потом по политическим вопросам лектора. Очень важно ведь не только за руку нарушителя схватить, а главное, задеть за сердце, убедить не на один раз, а на все время... Верно?

— Молодец, Димка! — сказал Роман. — И мне все это в голову приходило...

— И мне тоже! — подхватила Катя. — Для начала, знаете, что нужно? Нужно принимать людей с разбором. Не так, как до сих пор, просто по заявлению, а чтобы рекомендация была от начальника цеха, комсомольского комитета... А еще лучше, от общего собрания...

— Потом отчитываться почаще в своей работе перед коллективом всего завода, — сказал Ромка. — Не делать секрета из наших дежурств, не обособляться... С райкомом комсомола договориться об устройстве регулярных конференций дружинников в районном, а может, и в городском масштабе...

— Если уж отчитываться, то не только перед коллективом завода, а перед всем населением, — предложил Горчаков, молчаливый и застенчивый паренек, недавно окончивший институт. — Это можно сделать с помощью газеты... Создать свою собственную газету, орган дружины, выпускать ее регулярно и вывешивать на видных местах в районе...

— А в этой стенгазете помещать фотографии нарушителей, хулиганов, указывать их фамилии и адреса, — сказал Димка, — пусть поежятся!

— Очень хорошая идея, — похвалил Кондрат Григорьевич. — Это мы сделаем обязательно в самое ближайшее время.

Валька Кабанчик так ерзал на стуле, точно сидел на горячей плите.

— Ты что-нибудь хочешь сказать? — спросил Жилинский.

— Тут Димка говорил о новых формах работы. У меня тоже есть предложение. Давайте проведем ночной рейд! — густо покраснев, пробормотал Кабанчик. — Недавно, я слышал, ограбили магазин. Утром спрашивают сторожа, а он глазами хлопает: ничего не знаю. Всю ночь проспал, а может, и вообще ушел куда-нибудь по своим делам. Ночью-то его никто не проверяет. Таких сторожей можно найти сколько угодно. Или еще взять дворников. Они должны следить, чтобы во дворах был порядок, а есть такие, которые даже на улицу не выходят, им лень с кровати вставать. А мы давайте ночью пройдем по району и проверим, как они работают.

— Это не наше дело! — поморщился Трайнин. — Никто нам не даст право вмешиваться в их работу. Ты увлекаешься...

— Почему? Кабанчик прав. Ведь мы же, в сущности, общественный контроль, даже в магазинах и в столовых есть общественные контролеры, — возразил Роман. — Зачем какие-то рамки для себя устанавливать? И потом, мы не вмешиваться хотим, наша цель не только замечать недостатки, а помогать... Понимаешь? Прежде всего помогать людям!

— Предложение интересное, но его надо хорошенько обдумать, — сказал Жилинский. — Мне не нравится, что этот рейд должен происходить ночью. По ночам надо спать, иначе как же вы днем будете работать? Обсудим мы, Кабанчик, твоё предложение. Только я немного не понимаю... Ведь ты же, кажется, не дружинник?

— Я решил... Если вы не против... Завтра я подам заявление... — насупился Кабанчик. — Только насчет рекомендации... Не даст мне Саламатин рекомендацию...

— Ничего, мы тебя и без рекомендации примем, — улыбнулся Кондрат Григорьевич. — Насчет твоего изобретения мы с Горчаковым на днях кое-что решили. Вот еще в штабе посоветуемся. Но об этом потом. А сейчас, — обернулся он к ребятам, — сейчас давайте пить чай!

После того как ребята ушли, Кондрат Григорьевич повернулся к Нине Яковлевне и сказал:

— Ну что ж, продолжим наш разговор.

— Что же тут говорить? — спокойно и серьезно ответила Зарецкая. — Я ведь не для спора к тебе пришла. Хотела посоветоваться об одном мальчишке: О нем и об его сестре. Расстроилась я сегодня, ты верно догадался...

Они засиделись допоздна.

19

На другой день после гудка Валька Кабанчик разыскал в цехе Димку Зорича и предложил:

— Прогуляемся? Нужно потолковать.

Они вымылись под душем, переоделись и вышли за ворота.

— Заявление я уже отнес Жилинскому, — сказал Валька, приглядываясь к Зоричу.

— Ну что же. Очень хорошо, — ответил Димка рассеянно.

— Конечно, я еще не дружинник. Но это не имеет значения. По-моему, не стоит тянуть с ночным рейдом. Надо его провести побыстрее.

— Еще неизвестно, согласится ли Кондрат Григорьевич, — сказал Димка.

— Но идея-то стоящая?

— Стоящая!

— Тогда давай ее осуществим и поставим Жилинского перед свершившимся фактом!

— Попадет.

— Чудак, победителей не судят! Ну что тут такого? — принялся убеждать Кабанчик. — Ты вот что, Димка... Ты договорись с кем-нибудь, лучше всего с Дуськой Карпенко, она тебя послушается. Встретимся ровно в полночь возле сквера. Я уже весь план рейда продумал. Согласен?

— Вообще-то да, — подумав, сказал Димка. — Ну, в крайнем случае влетит. Пускай! Зато, если все хорошо пройдет, в другой раз разрешат без разговоров... Насчет Дуськи я не ручаюсь, ее мать может не пустить, а сам приду обязательно.

Они попрощались, условившись встретиться вечером, и Кабанчик снова отправился на завод. Он хотел попросить Жилинского сегодня же написать ему удостоверение. Оно могло пригодиться ночью...

По дороге Кабанчик улыбался. Здорово, что ему удалось подбить Димку. Он парень что надо! Вполне свойский...

В заводоуправлении никого не было, все уже разошлись по домам. Только в коридоре прогуливался какой-то полный и румяный молодой человек в пыхиковой шапке и белых бурках. На груди у него болтался фотоаппарат.

— Вы кого ждете? — спросил Кабанчик.

— Кондрата Григорьевича Жилинского, — ответил незнакомец.

— А кто вы такой?

— Корреспондент «Вечерней газеты», — сказал молодой человек. — Разве вы меня не знаете? Меня на заводе все знают. Вы, наверно, недавно поступили...

— Нет, уже порядочно, — недовольно ответил Кабанчик. — Просто я не обязан всех знать.

— Это тоже верно, — согласился корреспондент. — Ну, тогда разрешите представиться. Мирон Ватник. Возможно, вы читали в газете мои статьи?

— Нет, не читал, — отрезал Кабанчик, огорченный тем, что не застал Жилинского.

Тон, которым все это говорилось, почему-то несколько не обидел Мирона Ватника.

— Ну и не надо! — весело сказал он. — Мои произведения можно и не читать, никто вас за это не осудит. Пожалуй, вы ничего не потеряли. Вы тоже к Жилинскому?

— Тоже.

— Вы, наверно, дружинник? Может, вы тогда и расскажете мне о вашей работе, о том, как вы охраняете общественный порядок... Это нужно для газеты.

Внезапно Валька выпалил:

— Знаете что, товарищ Ватник. Я хочу вам кое-что предложить. Вместо того чтобы записывать в блокнот то, что я вам буду рассказывать, лучше, если вы увидите все своими глазами. Пойдемте с нами сегодня в ночной рейд!

— В какой рейд? — с интересом спросил корреспондент.

Валька объяснил ему, в чем дело.

— Вы это согласовали? — спросил Ватник. — Не побьют нас разъяренные сторожа и дворники?

— Вполне возможно! — небрежно ответил Кабанчик. — Вас это что, пугает?

— Кажется, вы меня убедили! — сказал молодой человек. — Все отчаянно смелые поступки совершаются из-за того, что люди боятся прослыть трусами. Где и когда назначена встреча?

— В полночь возле сквера! — ответил Кабанчик. — Только не опаздывайте. И обязательно захватите с собой корреспондентское удостоверение. Мало ли что может случиться!

Расставшись с Ватником возле проходной, Кабанчик отправился домой. Он еще должен был поужинать и придумать какую-нибудь историю для родителей, чтобы они не ждали его вечером и не волновались... Ровно в двенадцать Валентин подошел к скверу. Димка уже ждал его. Через несколько минут появились Дуся Карпенко и Мирон Ватник.

Мирон подъехал на такси. Поглядев на Димку и на Дусю, он задумчиво сказал:

— М-да... Ну ладно. Мосты сожжены.

Дуся испуганно оглядывалась по сторонам.

— В чем дело? — спросил у нее Кабанчик.

Дуся призналась, что сбежала из дома тайком и боится, что родители отправятся ее искать.

— Тогда не будем терять времени, — деловито сказал Кабанчик.

То ли им так уж особенно повезло, то ли действительно дворники и сторожа имели привычку спать по ночам, но никого из них на месте не оказалось.

Кабанчик самым внимательным образом обследовал местность вокруг большого восьмизэтажного дома на Красноозерной улице и, вернувшись к ребятам, доложил, что дворников обнаружить не удалось. Димка отыскал на стене дома звонок, нажал кнопку и терпеливо стал ждать.

— Хватит, а то палец отморозишь! — сказал Кабанчик, но Мирон Ватник попросил Димку потерпеть еще немножко, присел на корточки, наставил фотоаппарат и со словами: «Страна должна знать своих героев!» — запечатлел его в этой позе.

— Ну что ты зря нажимаешь, — сказала Дуся. — Звонок не работает, никогда не работал и работать не будет, потому что на стенке даже и проводки нет.

Кабанчик зажег спичку, и все убедились, что проводка действительно отсутствует.

— Я знаю, где дворник, — продолжала Дуся. — В этом доме живет моя подруга.

Спустились в полуподвал и остановились перед дверью, на которой было написано: «Домоуправление». Из щелей пробивался свет. Валентин взялся за ручку, но Мирон шепнул:

— Надо постучать, а то они испугаются и без предупреждения откроют беглый огонь из всех видов оружия!

— Главное в таких делах — внезапность! — ответил Кабанчик и распахнул дверь.

В домоуправлении за столом сидели четыре дворника. Они были без шапок, но в белых фартуках. На

лацканах у них сверкали начищенные латунные бляхи. Метелки были сложены в углу. Дворники резались в «козла».

— Добрый вечер, — сказал Кабанчик.

— Вам кого? — оглянулся один из дворников, не выпуская из рук домино.

— Да нет, ничего, можете продолжать, — ответил Валентин, — просто мы хотели вам сообщить, что какие-то злоумышленники выбили окна в «Гастрономе» и стащили с витрины все сыры и колбасы, не заметив, что они картонные. Во всех подъездах вывинтили лампочки, а ворота погрузили на машину и увезли в неизвестном направлении.

— Ладно тебе! — засмеялся дворник. — Скажешь тоже! Ворота снять никак невозможно. Они к ограде намертво приваренные.

— Справедливо! — заметил Мирон и быстро сфотографировал всю компанию, сидящую за столом. — Благодарю! Еще разок. Вот так. А теперь попрошу ваши фамилии.

— Зачем? — с легкой тревогой спросил дворник.

— Для занесения на Доску почета! — серьезно ответил Ватник.

Присев за стол, Кабанчик достал лист бумаги и, составив акт, попросил дворников расписаться.

— Будут еще тут учить всякие! — буркнул один из дворников и, бросив на стол домино, надел шапку. — Уже и погреться зайти нельзя!

— После дежурства сколько угодно, — ответил Валентин. — Можно и во время дежурства, но тогда лучше по очереди. Пошли, ребята!

Остановившись у ворот, он сказал:

— Предлагаю вашему вниманию очередной объект. Магазин «Детские игрушки». Наверняка покинут на произвол судьбы.

Соблюдая все правила военной стратегии, ребята обошли магазин и во дворе наткнулись на сторожа. Тот сладко спал на крыльце, с головой утонув в жестком овчинном тулупе. В руках у сторожа была винтовка.

— Вот, пожалуйста, — сказал Кабанчик. — Обратите внимание, как он активно спит. Работает человек, старается. Будить просто жалко!

— Он не спит, — ответил Димка. — Он обдумывает новый метод охраны торговых предприятий.

— А мы не будем мешать ему думать, — сказал Кабанчик. — Мы должны в конце концов уважать чужой труд. Предлагаю взять у него винтовку, чтоб она ему не мешала.

— Ох, ребята, попадет нам, — попыталась его остановить Дуся.

— Обязательно попадет, и еще как! — успокоил ее Валентин. — Но мы новаторы и должны быть готовы к нападкам различных бюрократов. Ты что, хочешь нас предать в самый ответственный момент?

— Нет, — ответила Дуся. — За кого ты меня принимаешь? Раз так, то я не возражаю. Вот, пожалуйста.

Она ловко вытащила из рук у сторожа винтовку и передала ее Кабанчику. Сторож с облегчением вздохнул, устроился поудобнее и захрапел еще громче.

— Эх, была не была! — сказал Мирон и сфотографировал часового. — Пойдемте отсюда скорей. Предоставим этого человека его судьбе!

Через несколько минут ребята остановились возле длинного забора, окружавшего территорию завода точных приборов. Димка предложил проникнуть на завод и проверить, как он охраняется.

— Часовые наверняка спят все, как один, — сказал Димка. — Под утро как раз сон крепкий. А здесь вам не игрушки, здесь на складе продукции на миллионы рублей. Головой ручаюсь, никто нас не задержит.

— Беда не в том, что твоя голова пропадет. Она ценности для общества не представляет. Но заодно могут и с меня как с инициатора снять голову. А это было бы крайне печально! — глубокомысленно заметил Кабанчик.

— Ничего не случится, Димка прав! — перебила Дуся. — Сам боишься, а на меня говоришь!..

Неподалеку виднелись ворота и проходная будка. Из маленького квадрата окошечка пробивался сквозь замерзшее стекло желтый свет.

— Пошли! — отчаянно сказал Кабанчик и махнул рукой. Димка распахнул дверь. В будке никого не было.

— Так и есть! — радостно сказала Дуся. — Айда на территорию! Сейчас мы их застукаем, голубчиков.

Но как только дружинники вышли из будки, откуда-то выскочили четверо здоровенных парней в форменных шинелях.

— Руки вверх! — раздался грозный приказ. Все это случилось так неожиданно, что никто не успел произнести ни слова. Мирон первый послушно поднял руки. Кабанчик последовал его примеру. Димка рванулся в сторону, но один из охранников схватил его за шиворот.

Задержанных отвели в комендатуру. Начальник охраны, которого по тревоге подняли с постели, щуря сонные глаза, удивленно разглядывал злоумышленников. Особое подозрение возбудил у него Кабанчик с винтовкой в руке.

— Вы кто такие? — спросил начальник.

— Мы дружинники! — жалобно ответила Дуся. — Мы общественный контроль.

— Бросьте вкручивать! Общественный контроль!

А для какой цели при вас винтовка? Ясно, грабители. Вот я вас сейчас отправлю в тюрьму.

— Так я и знал с самого начала! — сказал Димка, укоризненно посмотрев на Кабанчика. — Валька, что же ты молчишь?

Кабанчик произнес длинную речь. Он льстил начальнику охраны так грубо и неприкрыто, что ему самому стало стыдно. Он сказал, что завод точных приборов оказался одним из немногих предприятий в районе, где охрана оказалась на недостижимой высоте. Он заверил, что данный факт будет соответствующим образом отражен в статье, которую намерен написать присутствующий здесь корреспондент «Вечерней газеты». Кабанчик покосился на Ватника, и тот подтвердил, что план статьи уже совершенно у него сложился. Кроме того, корреспондент выразил желание немедленно сфотографировать начальника охраны среди его подчиненных с тем, чтобы завтра же поместить этот снимок в газете.

Но красноречие Кабанчика пропало впустую.

Начальник охраны продержал их в комендатуре до рассвета, а потом позвонил в отдел кадров завода, и лишь после этого отпустил, записав предварительно их фамилии и пообещав сообщить о случившемся секретарю партийной организации и директору.

— Что теперь будет! — уныло сказала Дуся, когда они вышли на улицу.

— Что будет, что будет, — проворчал Кабанчик. — Это все Димка! Понесло его на этот завод!

— Ничего, ребята, — сказал, помолчав, Мирон Ватник. — Я кое-что придумал. Вы идите на завод, а я к начальнику райотдела милиции.

Бандура внимательно выслушал Ватника, а потом схватился за голову и принялся хохотать таким густым басом, что задребезжали стекла. Отдышавшись, полковник сказал:

— С винтовкой, конечно, выхватили лишку, а вообще молодцы! Показывайте ваши акты. Мы их передадим председателю райисполкома.

Когда Кабанчик, Димка и Дуся появились на заводе, Жилинский уже обо всем знал. Сперва он даже не захотел разговаривать с ребятами. Потом немного «отошел»... Он не стал укорять Кабанчика и Димку, только сказал:

— Эх, вы... Взрослые люди, а что вытворяете? Почему не дождались решения штаба? Мы бы все по-настоящему организовали, а так взяли и дискредитировали хорошее дело... И это в такое время, когда все взгляды обращены на нашу дружину. Хоть бы о своих товарищах подумали. Ступайте работайте.

Кабанчик, обиженно засопев, хотел что-то ответить, но Дуся дернула его за рукав, и они вышли.

Несколько дней Валентин ходил по заводу мрачный, как туча. Он прекрасно сознавал, что виноват во всем только он один: ни Димка, ни тем более Дуся не пошли бы в этот рейд без разрешения, если бы он их не уговорил.

Но он не жалел о своей затее. Он только боялся, что его теперь не примут в дружину. Он ждал решения штаба, никому не признаваясь, что это его волнует... Наконец на очередном заседании рассмотрели его заявление. Вспомнили и о ночном рейде. Как раз в этот день в «Вечерней газете» был опубликован репортаж Мирона Ватника об их путешествии. Фотографии занимали половину страницы. Они пользовались большим успехом. На улице возле газетных витрин толпились люди. Кабанчик чувствовал себя именинником. Но прием прошел совсем не так гладко, как можно было бы надеяться. Большинство голосов Кабанчика зачислили в дружину, но тут же объявили ему выговор за нарушение дисциплины. Сам рейд, однако, признали удачным и решили в ближайшее время его повторить.

Алла не подходила к телефону. Виктор должен был заниматься с ней английским, но день шел за днем, миновала неделя, а в трубке по-прежнему раз-

давались длинные гудки. Виктор терялся в догадках. Что с Аллой? Может, она больна? Уехала из города? Или вышла замуж и живет в другом месте?

Лейтенант убеждал себя, что эти вопросы интересуют его исключительно в связи с английским языком. Ему очень нужен английский язык... Но где же все-таки Алла?

Проще всего было спросить об этом Хорькова, но Виктору даже в голову не пришло обратиться к Павлу Ильичу. Они уже несколько недель не разговаривали.

Сидели вдвоем в кабинете, разделенные лишь столом, но между ними словно выросла каменная стена. Они обращались друг к другу только по делу, и если Трубников говорил «да», то Хорьков немедленно произносил «нет», а когда Павел Ильич что-нибудь утверждал, Виктор считал своим долгом ему возразить.

И не потому, что ему хотелось поспорить, а просто их мнения действительно почти всегда расходились.

Так было и двадцатого февраля. Этот день хорошо запомнился обоим.

— Читали постановление насчет дружин? — спросил Виктор, достав из кармана газету.

Хорьков промолчал.

— Удивительно, что на этот раз официальная точка зрения в корне разошлась с вашей.

Капитан шуршал бумагами.

— Что же вы молчите? Разве вам нечего сказать по этому поводу?

— Вы наивный юноша, Трубников! — процедил капитан. — Ну, что вы радуетесь? Посадили меня в лужу, да? Я, конечно, согласен с постановлением. Оно опубликовано с воспитательной целью. Я это понимаю. Но пройдет еще много времени, пока дружины начнут приносить пользу. На сегодняшний день пользы от них быть не может, один вред. А нам с вами нужно работать сегодня.

— Это какой же, интересно, от них вред? — спросил Виктор с недоумением.

— Могу вам напомнить случай возле кино, когда ваши добровольные блюстители порядка чуть не подрались с бригадмильцами. Или этот нашумевший ночной рейд. Чем он кончился? Тем, что дружинники ворвались на запретную территорию. Конечно, все любят контролировать, вмешиваться не в свое дело, критиковать, это не трудно, а теперь еще и почетно. Но я лично предпочел бы обходиться без таких помощников. Все это идет от пристрастия к красивым фразам. «Нужно осуществлять связь с массами». Для воспитательных целей это хорошо, а на практике наша работа не терпит никакой самодеятельности. Вы юрист. Вы должны знать это не хуже, чем я.

— Я юрист, — ответил Виктор. — И я знаю, что связь с народом — это не красивая фраза. Мы не можем существовать отдельно от людей. И специфика нашей работы вовсе не в том, чтобы хранить ее от всех в тайне. Вы подходите к людям с позиции недоверия, а я хочу им верить. Хочу быть с ними рядом. Хочу, чтобы они считали мое дело своим близким и кровным...

Хорьков презрительно махнул рукой, но не успел ответить. Открылась дверь, и вошел Михаил Шибанов. Он снял шапку, пригладил волосы и сказал:

— Я повестку получил явиться... К десяти часам.

— Очень хорошо, Шибанов, садись... — ответил лейтенант. — Бери стул.

— Ничего, я постою.

— Ну, если хочешь, стой. Только зря. Разговор у нас будет долгий.

— Мне разговаривать нечего.

— А по-моему, это не так, — сказал Трубников. — Я просил тебя подумать о своем положении и решить, с кем ты — с Иваном Бушуевым или со всеми честными людьми...

— Что мне думать? — мрачно ответил Мишка и покосился на Хорькова. — Мое дело норму выполнять. А про Ивана я ничего не знаю...

— Хватит крутить нам мозги! — перебил Хорьков. — Я долго с тобой нянчился, но мне это надоело. Говори, где он скрывается?

— Скрывается? — удивленно спросил Мишка. — Что-то непонятно... Он же у вас, в милиции!

— Я хотел с тобой сейчас о другом поговорить, — с укоризной взглянул на капитана Трубников. — О твоём будущем... Ведь на заводе тебя считают дружкой Бушуева и Зюзина. Я-то догадываюсь, что это не совсем так, но почему ты молчишь? Легко тебе жить с таким клеймом?

— Что вы от меня хотите? — буркнул Шибанов. — В драке я не участвовал, спецодежду не woreвал. Про Бушуева ничего не знаю.

— Ну что ж, жаль. Дело твоё. Я тебя не задерживаю.

— До свидания, — сказал Мишка и вышел.

Несколько минут в кабинете царило напряжённое молчание. Виктор перелистывал бумаги. Хорьков язвительно усмехнулся:

— Что же ваша общественность вам не помогает?

— Это ничего не доказывает, — упрямо ответил Виктор. — И я никогда в жизни с вами не согласусь. А Шибанов наш человек, понимаете? Наш. Я это знаю. Вижу!

Выйдя из кабинета, Мишка нарочно задержался в коридоре, чтобы услышать, что о нём будут говорить. Но так ничего и не понял.

Спустившись по лестнице, он вышел на улицу. По тротуару шли пенсионеры-старички, торопились в магазин домашние хозяйки. Мишка брёл по улице, направляясь к своему дому. Настроение у него было прескверное. Вместо того чтобы радоваться, он почему-то испытывал стыд и вообще был недоволен собой. Мишка с удивлением прислушивался к себе. Ну да, ему было стыдно, что он обманул доверчивого лейтенанта. Вот так штука! Уж не совесть ли его грызет? Мишка усмехнулся и покрутил головой. Ну и дела! Скоро дойдет, пожалуй, до того, что он сам, добровольно побежит в милицию и расскажет все, что ему известно... Только этого не хватало! Прямо как в кино!.. Но Мишке не удалось настроить себя на циничный лад. На душе было паршиво. Как открыто, доброжелательно смотрел на него Трубников!.. По-

чему, собственно, Мишка должен обманывать тех, кто ему симпатичен?

Тряхнув головой, он ускорил шаги.

Мишка многое бы мог рассказать лейтенанту. Он прекрасно знал, где скрывается Иван Бушуев. Неделью назад Иван пришел к Мишке в гости. Увидев его бледное лицо за окном, Шибанов вышел во двор, на всякий случай положив в карман медный пестик. Он был убежден, что Иван решил свести счеты, но не испугался. Теперь он не боялся этого человека. Ему даже удивительно было, что раньше Иван вызывал у него такой страх.

Спускаясь с крыльца, Мишка впервые отчетливо ощутил, что в нем очень многое изменилось за последнее время. Он стал другим. И этот другой, новый Михаил Шибанов уверенно и спокойно взглянул Ивану в глаза. Но Бушуев обратился к Мишке так, словно ничего не случилось.

— Я зла не помню, — миролюбиво сказал он. — Я тебя еще пацаном знал. Такая дружба как камень. И я пришел к тебе в последний раз, потому что мне нужна твоя помощь. Я к тебе пришел, а не к Зюзину. К тебе! Понял? Мать у меня заболела... Лекарства нужны, а у меня денег нет. Я бы мог достать, но мне нельзя из дома выходить. Меня милиция по всему городу ищет. Дай рублей пятьсот, я верну, ты мое слово знаешь.

У Мишки таких денег не было, но он пообещал достать их на заводе у ребят. На том и расстались.

Мишка был очень удивлен этой просьбой. Он не раз слышал от Ивана, что настоящий босяк не должен иметь ни дома, ни крыши, ни сестры, ни матери. Он даже не знал, что у Бушуева есть мать... Ему странно было думать, что Иван может о ком-то заботиться...

Мишка достал деньги и на другой день отдал их Ивану.

Обо всем этом не знают и никогда не узнают милиционеры. Как Мишка относится к Ивану — это его дело, но предателем он не станет! Его на всякие «разговоры по душам» не купишь!..

В кабинете после ухода Шибанова продолжался спор.

— Плохо вы о людях думаете, — говорил Трубников.

— Не плохо, а трезво. Ты начитался приключенческих романов и на этой почве вообразил, что жизненные процессы протекают так же, как об этом упоминается в книгах, но жизнь гораздо сложнее. И в то же время проще. Если ты это не поймешь, не выйдет из тебя следователя. Советую не дискредитировать уважаемое имя своего отца. И если ты не в состоянии усвоить элементарных истин, лучше перейти на другую работу.

Зазвонил телефон. Виктор взял трубку. Лицо его стало сосредоточенным.

— Понимаю, — сказал он. — Возле универмага? Большое спасибо, товарищ. Мы проверим. Обязательно, можете быть спокойны. До свиданья.

Положив трубку, Трубников надел шинель.

— Прав-то все-таки я, — сказал лейтенант. — Если бы у нас не было сотен добровольных помощников, мы бы ни одного дня не смогли работать!

— Кто звонил?

— Дима Зорич, дружинник, один из тех, от чьей помощи вы так упорно отказываетесь. Он сообщил, что возле рынка какой-то инвалид третий день продает заграничную губную помаду, духи и пудру. Мы с вами не заметили спекулянта, а заводской паренек заметил. Но по вашей теории следует отказаться от его помощи.

— Вам помогать-то бесполезно, — с досадой сказал капитан. — Вы же все равно отпустите этого спекулянта под честное слово. Ведь это ваш метод всех отпускать.

— Мы никогда не договоримся. Жизнь покажет, кто прав. Так я схожу туда, товарищ капитан. Посмотрю, чем он там торгует.

— Вы? — пожал плечами Хорьков. — А при чем тут вы? Пора бы знать, что на это существует уголовный розыск.

— Я, конечно, обязательно им сообщу, — ответил

Виктор. — Но если вы не возражаете, сам взгляну на этого инвалида. Я скоро.

Капитан промолчал.

Выйдя на улицу, Трубников нахмурился. Шибанов не выходил у него из головы. Поведение этого парня очень ему не нравилось. Не должен был он так разговаривать. Его упрямство опрокидывало все расчеты Виктора и подтверждало точку зрения Павла Ильича. Неужели Хорьков действительно лучше разбирается в людях и ставка на доверие — лишь досужая выдумка писателей?

Трубников заехал домой, переоделся в штатский костюм и отправился к рынку. Инвалида он отыскал без особого труда. Это был еще не старый мужчина с кирпичным лицом и маленькими голубыми глазками. Инвалид сидел на тротуаре. Перед ним лежала фуражка, наполненная медяками.

Время от времени дядя Вася, так звали инвалида, вытаскивал из-за пазухи какой-то блестящий предмет и громко шептал:

— Имеете возможность раз в жизни купить вещь! Американская губная помада. Французские духи. Прямо из Парижа. Сто рублей флакон.

Помада и духи расходились бойко. Вскоре дядя Вася распродал весь товар.

— Минуту терпения! — сказал он столпившимся возле него покупателям. — Должны еще подбросить.

«Сейчас принесут новую партию «товара», — подумал Виктор. — Надо бы не пропустить!»

Через несколько минут он увидел парнишку лет тринадцати, который передал инвалиду сверток.

Виктор сразу узнал мальчугана. Это был Игорь Самойлов. На его затылке чудом держалась приплюснутая кепочка, пальто было измято так, точно минуту назад его вынули из стиральной машины.

«Эх, парень, парень, куда же тебя занесло!» — с сожалением подумал лейтенант. Когда Игорь отошел, Виктор направился за ним.

Ему важно было установить, где находится постоянная база спекулянтов. С каждой минутой это дело

интересовало его все больше. Судя по количеству проданных флаконов, торговля была поставлена на широкую ногу. Но откуда взялась вся эта заграничная парфюмерия? «Неужели контрабанда?» — подумал Виктор.

В эту минуту Игорь обернулся, заметил лейтенанта и бросился бежать.

«Надо было послать за ним кого-нибудь другого, — с запоздалым раскаянием подумал Трубников. — Он ведь знает меня в лицо!»

Упустить Игоря было никак нельзя.

— Стой! — крикнул Виктор. — Стой, тебе говорю! Я же все равно знаю, где ты живешь! Я твою сестру вызову!

Но упоминание о сестре на этот раз не произвело на Игоря никакого впечатления. Он развил предельную скорость и нырнул в проходной двор. Трубников влетел туда в тот момент, когда Игорь, подпрыгнув, повис на заборе.

— А ну, слезай! — подбегая, закричал Виктор.

Однако Игорь, сделав последнее усилие, перемахнул через забор. Виктор подпрыгнул, но было уже поздно: парнишки и след простыл. В снегу что-то блеснуло. Нагнувшись, Виктор увидел тюбик губной помады. На позолоченном корпусе сияли выдавленные в металле буквы: «Made in USA».

Сунув тюбик в карман, лейтенант вернулся в райотдел. Он хотел показать помаду Хорькову, но Павел Ильич куда-то вышел. На столе надрывался телефон. Виктор снял трубку. Звонила Алла. Она спрашивала отца.

— Его нет, — ответил Виктор.

— Это вы, Трубников? Здравствуйте, — сказала Алла приветливо. — Куда же вы пропали?

— Я не пропал. Это вы пропали... Я вам звонил, звонил...

— Не слышу, говорите громче! — подула в трубку Алла. — Я должна извиниться перед вами, я была очень занята.

— Понимаю, — сказал Виктор. — А мне ужасно

хотелось с вами поговорить. Как поживает ваш жених?

— Мой жених? — удивилась Алла. — А почему вас это интересует?

— Просто я хотел узнать, свободны ли вы сегодня вечером.

— Вы хотите меня куда-нибудь пригласить?

— Я? — смешался Виктор. — Да, но вы, конечно, не сможете?..

— Почему же? С удовольствием. А куда мы пойдем? Я предлагаю в филармонию. Там сегодня концерт из произведений Чайковского. Вы любите музыку?

— Я буду ждать вас у входа ровно в семь, — сказал Виктор.

За минуту перед этим он не собирался никуда идти. Он даже не думал об Алле. А теперь он идет с ней в филармонию. Зачем?

Не успел еще Виктор положить трубку, как в душе у него началась борьба. Имеет ли он право сейчас идти на концерт? Он ведь должен разыскать Хорькова и доложить о помаде и духах. За спиной дяди Васи явно стоят другие люди. Нити могут тянуться очень далеко, возможно даже за рубеж. Надо немедленно, не теряя ни минуты, разработать план следственных мероприятий и отдать его на утверждение капитану. Отцу, старшему советнику юстиции Трубникову в такой момент и в голову бы не пришло отправиться в филармонию. Он наверняка всю ночь просидел бы в прокуратуре, пока не составил ясного представления о предстоящем деле. А возможно, отец сегодня же сходил бы к Игорю Самойлову и попытался установить, от кого тот получил товар... Нет, пожалуй, к Игорю он не пошел бы... Игорь наверняка, уже успел сказать своим сообщникам, что за ним гнались. Разговор с мальчишкой принесет только вред. Спекулянты встревожатся и затаятся... Нет, лучше всего, пожалуй, сделать вид, что милиция не придавала особого значения эпизоду с продажей губной помады, а тем временем незаметно проследить за Игорем и дядей Васей. Что касается филармонии,

то, пожалуй, ничего страшного... Хорькова все равно нет, а концерт, видимо, окончится рано, и можно будет еще вернуться в райотдел и поработать.

Виктор отправился к филармонии. Алла пришла вовремя.

— Здравствуйте, — сказала она еще издали и окинула Виктора внимательным взглядом. — О, да вы просто молодец! Когда это вы успели сбегать домой и переодеться?

Но оживление у Аллы быстро исчезло. Когда в зале погас свет и раздались первые аккорды, она закрыла глаза, и лицо ее стало усталым и грустным. Она думала о чем-то своем и, кажется, даже забыла, что Виктор сидит с нею рядом. Он попытался что-то сказать ей, но соседи сделали ему замечание, и он умолк...

Во время антракта они вышли в фойе. Алла по-прежнему молчала, ей было скучно. На Виктора она не смотрела, и он пожалел, что пришел сюда. Перед тем как вернуться в зал, Алла остановилась за колонной и достала из сумочки маленькое зеркальце и пудреницу. Порывшись в сумочке, она с досадой сказала:

— Надо же! Помаду дома забыла.

— Не беда, — ответил Виктор. — У меня для вас кое-что найдется.

Он достал из кармана блестящий тюбик.

Алла долго разглядывала помаду.

— Где вы ее взяли?

— Собственно говоря, это секрет, — улыбнувшись, ответил Виктор. — Но вам, поскольку вы дочка моего уважаемого начальника, пожалуй, можно сказать. Товар контрабандный. Отобрал у спекулянта.

— Вот как полезно иметь знакомого милиционера, — засмеялась Алла. — Послушайте, подарите мне этот тюбик! Вы еще достанете, а во мне проснулась слабая женщина...

— Не могу. Никак не могу, — с сожалением ответил Виктор. — Это вещественное доказательство. Уж вы-то должны знать, что это такое.

— Да, да, — рассеянно сказала Алла, вернув помаду. — Пойдемте скорей в зал, а то мы опоздаем. Они заняли свои места.

21

После гудка Роман зашел во второй сборочный цех, чтобы заглянуть на только что смонтированную автоматическую линию. В длинный ряд вытянулись станки; на щите управления горела красная лампочка. Рубильник был включен, линия бездействовала. Но Роман во время испытаний видел, как бесформенная отливка втягивается в первый станок, как умные и чуткие механизмы обрабатывают ее, шлифуют, делают нарезку, закаляют, производят множество самых разнообразных операций и ровно через четыре минуты подают автоматическому контролеру готовый поршень для самоходного комбайна.

Полюбовавшись новой линией, Роман отправился в красный уголок. Там репетировали драмкружковцы, и он рассчитывал увидеть Ларису. Но ему ответили, что она уже пропустила два занятия. Он забежал в общежитие.

Юлька, соседка Ларисы, сказала, что его сестра не ночевала дома. Встревожившись, Роман побежал в технический отдел, но там уже все разошлись.

Роману пора было на дежурство. Сегодня дружинники наблюдали за порядком на стадионе во время игры в хоккей. Встречались сильнейшие команды города. Билеты были распроданы еще две недели назад. Полковник Бандура сам позвонил в штаб дружины и попросил Жилинского прислать патруль.

— Вы не одни там будете, — сказал Бандура. — Придут девчата со швейной фабрики и студенты медицинского института. У нас в районе уже три дружины. Вашего полку прибыло.

Не пойти на дежурство Роман не мог. Он был командиром звена. «Придется поискать Ларису после матча, — решил он. — Куда она могла подеваться?»

Трамвай и троллейбусы были набиты битком. Казалось, весь город устремился к стадиону.

В толпе Роман с трудом отыскал Димку и Дусю. Суматоха, творившаяся у входа, устраивала лишь нескольких молодых людей, чем-то похожих друг на друга. Глаза их с одинаковой быстротой шныряли по сторонам.

— Спекулянты, — кивнул на них Димка. — Мы с Дуськой за ними давно наблюдаем! Продают билеты по тройной цене. Интересно, где они их достают? Подозреваю, что какой-нибудь работник стадиона с ними связан.

— Если подозреваешь, проследи. Ты же хорошо умеешь это делать, — ответил Роман. — Оставайся тут с Дусей. И разыщи Кабанчика. Я буду вас ждать на Северной трибуне.

Через несколько минут начался матч.

Однако не все были увлечены состязанием. Неподалеку от Романа, в третьем или четвертом ряду, расположилась группа мужчин и женщин. Эти люди повернулись к ледяному полю спиной. Гражданин в каракулевой шапке, расстелив на скамейке газету, откупорил бутылку коньяку и разлил его в металлические стаканчики. Чокнувшись, мужчины и их спутницы выпили, захрустели яблоками и принялись громко обмениваться замечаниями, не имеющими отношения к хоккею. Полный мужчина снова наполнил стаканчики. Вскоре собутыльники уже громко хохотали, обнимали своих опьяневших подруг и локтями отталкивали соседей, которые пытались их утихомирить.

Кто-то дернул Ромку за рукав. Обернувшись, он увидел Кабанчика, Димку и Дусю. Они улыбались и подмигивали ему.

— Что вы сияете?

— Разрешите доложить, товарищ командир. Задержали спекулянтов! — торжественно отрапортовал Димка. — Пришлось, конечно, побегать, — скромно прибавил он. — Оказывается, билеты им давала кассирша. Пригласили милиционера, составили акт. Я записал, где работают задержанные.

— Молодцы! — ответил Роман. — Вы поглядите, что вытворяют эти пьяные! Что с ними делать? Выве-

сти под руку? Скандал на весь стадион. Не стоит портить людям настроение.

— А я знаю человека в каракулевой шапке! — вдруг сказал Димка. — Это мой сосед. Леонид Максимович. Директор универмага. Мужик — во! В шахматы играет, как Ботвинник.

— Твой сосед скоро на головы людям полезет.

— Надо позвать милиционера и вывести его вон! — сердито сказала Дуся.

— Неудобно, все же директор, — ответил Роман.

— Они отсюда сами уйдут, — сказал Кабанчик. — Пошли!

— Куда?

— В радиоузел. Пошли, пошли, по дороге объясню.

Поднялись в ложу; в тесной стеклянной будочке вел репортаж перед микрофоном спортивный радиобозреватель. Тут же сидел радист, молодой парень с комсомольским значком на черной гимнастерке.

— Идея, конечно, остроумная, — сказал Роман, когда Кабанчик рассказал ребятам о своем замысле. — Но вряд ли разрешат.

Однако радиокomentатор и радист, выслушав Валентина, принялись хохотать. Радист сказал:

— В крайнем случае пусть меня отругают, я все равно в армию иду. Уже паспорт сдал. Последний день работаю. Так что не возражаю. Через две минуты объявят перерыв, тогда вы это и сделаете.

Из будки хорошо была видна трибуна, где расположились директор магазина и его собутыльники. Когда хоккеисты ушли на отдых, Валька Кабанчик подошел к микрофону, откашлялся и сказал:

— Дорогие товарищи! Пока спортсмены отдыхают, разрешите сообщить вам интересную новость. К нам поступили сведения, что на сегодняшнем матче присутствуют не только известные мастера клюшки и шайбы, но и чемпионы другого рода. Тех, кто желает увидеть рекорсменов по части выпивки, прошу взглянуть на Северную трибуну, на четвертый ряд. Товарищ Клычко, директор универсального магазина, я обращаюсь к вам!! Не согласитесь ли вы

на несколько минут прервать ваше состязание, в котором вы, несомненно, одержите победу, и сказать пару теплых слов болельщикам? Товарищ Клычко! Слышите вы меня? Оторвитесь от бутылки, хоть это для вас очень трудно. Вас желают приветствовать зрители.

По трибунам прокатился смех. Клычко ошалело вскочил, стал пробираться к выходу. Вслед ему неслись свистки и улюлюканье.

— Бремя славы, как мы только что убедились, оказалось непосильным для товарища Клычко! — сказал Валька. — Он человек скромный и предпочитает, чтобы его действия не имели такой широкой огласки. Счастливого пути, товарищ Клычко! Приходите на стадион почаще, но только, пожалуйста, в трезвом виде.

Дверь открылась, и в будку с трудом втиснулся полный мужчина в кожаном пальто. Он снял очки и прищуренными глазами оглядел ребят.

— Кто это придумал? — спросил он.

— Я, — быстро ответил Роман.

— Неправда! — оттер его плечом Валентин. — Целиком и полностью моя идея. Я за все отвечаю.

— Да что вы испугались-то, чудаки! — улыбнулся мужчина. — Давайте познакомимся. Я инструктор райкома партии. Моя фамилия Лаврентьев. Это вы очень хорошо придумали! Молодцы! С какого предприятия?

— С завода «Сельмаш», — ответил Кабанчик. — А командир нашего звена Роман Гаевой.

— Помолчи! — шепнул Роман.

— Но главное, конечно, что радист нас поддержал, — продолжал Валентин. — В нашем распоряжении оказалась современная техника.

— Понятно, — засмеялся Лаврентьев. — В общем молодцы! Желаю вам успеха!

После матча Кабанчик, Димка и Дуся пошли домой, а Роман поспешил в общежитие к Ларисе.

Она не возвращалась. Роман разыскал коменданта Николаева, сухонького старичка с ястребиным но-

сом, насмешливого и язвительного. К нему на зубок лучше было не попадаться.

— Вы, случайно, не знаете, где Лариса Гаевая? — спросил его Роман. — Девчата мне сказали, что она дома не ночевала.

— Хорошие подруги эти ваши девчата, — буркнул Николаев. — Человек с завода уволился, а они об этом ничего не знают.

— Как уволилась? — ахнул Роман.

— Очень просто. Написала заявление в отдел кадров еще вчера, взяла расчет, собрала вещички, и поминай как звали.

— Да вы, наверно, что-то путаете! Куда она могла уйти. Ей идти-то некуда!

— Девушка молодая, красивая, кто-нибудь приютит, — грустно сказал комендант. — А ты брат, называется... — Если что с ней случится, ты будешь в ответе! Как можно! Девчушке восемнадцати еще нет, ушла куда глаза глядят, а ты только теперь хватился. Не я твой отец, я бы уж тебе задал деру!

Роман побежал к знакомому конструктору, который жил неподалеку от завода.

— Да, она уволилась, — сказал конструктор. — А вы разве не знали? Странно. Она нам сказала, что будет жить у какой-то вашей родственницы и что вы в курсе дела.

— В том-то и беда, что не в курсе! Куда она могла деться! — в отчаянии спросил Роман. — Неужели она ничего не говорила? Может быть, хоть намекнула? Вы вспомните.

— Она кому-то из наших хвасталась, что ее берут на работу в театр и она будет актрисой, — подумав, ответил конструктор. — Но это было давно... Месяца два назад.

Роман вернулся в общежитие. Он решил завтра же обзвонить все театры, но на успех не надеялся. Наверняка Лариса придумала про театр так же, как про родственницу.

Лучше уж поискать ее следы в ресторане, где Роман как-то видел ее.

Но и там Ларисы не оказалось.

Роман обратился к швейцару.

— Может, вы помните, была тут у вас одна девушка, — сказал он. — Я еще ей велел идти домой...

— Помню, — ответил швейцар. — Это перед Новым годом было.

— Верно, — обрадовался Гаевой. — Она моя сестра... Скажите, вы ее еще здесь видали?

— Заходила раза два.

— Все с тем же парнем?

— Вроде с ним, а может, и с другим. Разве упомнишь!

Роман снова поплелся в общежитие. Ноги у него гудели, мысли путались. Что с Ларисой? Где она? «Спокойно, без паники! — строго сказал он себе. — Возможно, она действительно поступила в театр. А если нет, то все равно разыскать ее можно. Можно сходить к лейтенанту Трубникову, он что-нибудь посоветует. Человек не иголка».

Но эти рассуждения не успокоили Романа.

В темном коридоре общежития виднелась какая-то фигура.

«Лариса», — подумал Роман; он бросился вперед. Но это оказался Димка.

— Ты что? — спросил Роман. — Ты почему так поздно?

— Я должен с тобой срочно посоветоваться! — ответил Димка. — Это очень важно, иначе я не прибежал бы к тебе.

— Ну, входи в комнату.

— Лучше здесь, нас никто не должен слышать.

— Говори, — Роман устало прислонился к стене и закрыл глаза. Димка тараторил, проглатывая слова.

Роман сосредоточился с трудом.

Димка вернулся домой часов в десять, наскоро проглотил холодную котлету и полез под кровать за коньками, валявшимися там с прошлой зимы, решил сходить на каток, но услышал доносящийся из-за стены голос соседа и подумал, что было бы неплохо сыграть с ним в шахматы, а заодно посмотреть, как он себя чувствует после той бани, которую ему зада-

ли на стадионе. По совести говоря, Димке было много жаль Леонида Максимовича.

Димка вышел в коридор, но стучаться к соседям не стал. Муж и жена, по-видимому, ссорились. Их голоса звучали раздраженно. Зорич хотел уже вернуться в комнату, но несколько фраз, которые донеслись до него, заставили Димку насторожиться.

Ему показалось, что Клычко произнес слово «помада». Димка, оцепенев, прислушался. После того как он позвонил в милицию, воображение его разыгралось. Рассматривая латинские буквы, выдавленные на тюбике, он представлял себе контрабандистов, пробиравшихся через границу, шлюпки, плывущие по морю с запретным грузом, и себя, задерживающего опасного международного преступника. Несколько раз он звонил Трубникову, но тот отвечал, что Димкина помощь пока не нужна; когда понадобится, его вызовут... Неужели сейчас Димка самостоятельно напал на след?

Зорич приник ухом к двери. О помаде, однако, ни Клычко, ни его жена больше не говорили. О чем шел у них разговор, вообще трудно было понять.

— Я в жизни не слышал, чтобы люди так ругались! — рассказывал Димка Роману. — Но дело-то, конечно, не в этом. Главное, что они не так просто ругались. Раиса Юрьевна требовала, чтобы Леонид Максимович что-то такое прекратил... Я не понял что... Не могу я, дескать, больше так жить. Если ты меня доведешь до крайности, руки на себя наложу. А он ей: «Если, — говорит, — ты желаешь повеситься, пожалуйста, я сам тебе веревку принесу». И лягушкой ее назвал. Раиса заплакала.

Потом как закричит: «Ах вот что, ты смерти моей ждешь, но раньше я тебя в тюрьму запячу! Пойду в милицию и все расскажу!» Леонид Максимович ей в ответ: «Тише! С ума спятила!» И пошел к двери, закрыть, наверно, хотел поплотнее... Я скорее тягу! Знаешь, что я, Ромка, думаю? Вдруг этот Клычко правда какими-нибудь темными делами занимается? Не зря же Раиса хочет в милицию заявить.

— Ерунда! — с досадой ответил Роман. — Ты

какой-то ненормальный. Примчался в час ночи, городишь чушь. Просто спятил с этой дурацкой помадой! Скоро будешь всех подозревать в контрабанде. Голова у тебя забита не тем, чем надо! Ты бы поменьше читал детективных книжек и больше думал об учебе. Иди домой и ложись спать. Когда ты, наконец, станешь взрослым?

— Не веришь? — сказал Димка, с обидой посмотрев на Романа. — Тебе доказательства нужны? Ладно! Будут и доказательства!

Шаркая валенками, он поплелся к выходу. Роман посмотрел ему вслед и пожал плечами.

Вернувшись в комнату, он тотчас же забыло Димке. Ему было не до него. Нет, неудачный момент выбрал Димка для своего сообщения. Если бы он пришел в другое время, кто знает, как бы все повернулось?

22

Начальники Саламатина считали его человеком непреклонным и принципиальным. Он не боялся спорить с директором завода, с парторгом и даже с инструкторами райкома партии, приезжавшими на завод. Он крыл им в глаза «правду-матку», и это внушало к нему уважение.

Но его подчиненные, рабочие литейного цеха, хорошо знали, что он отнюдь не подвергает себя риску и не собирается жертвовать собой во имя справедливости. Саламатин всегда хорошо знал, когда можно сказать пару резких фраз, когда смолчать, а когда притвориться глубоко оскорбленным. Кузьма Ильич умел надевать маску непреклонного человека потому, что это было выгодно. Он усвоил, что пользуются уважением лишь люди принципиальные, и наизусть вызубрил свою роль.

Споря с директором и парторгом, Саламатин отстаивал на самом деле не справедливость, а лишь свой собственный, личный покой.

Литейный цех из месяца в месяц не выполнял план. Саламатин объяснял это объективными причинами.

— А что вы хотите? — тонким голосом говорил он, пожимая плечами и угрожающе выпячивая свою бородку. — Помещение маленькое, допотопное, еще до революции выстроенное. Производственная площадь равна почти нулю. Пока не выстроят новую литейную, литья с меня не спрашивайте. Я вам больше скажу: рабочие трудятся в антисанитарных условиях. Не соблюдается техника безопасности. За рабочих я душу отдам. Вы же меня знаете!

В действительности Саламатину было глубоко безразлично, в каких условиях работают литейщики. Просто-напросто он выбрал для себя очень выгодную позицию и крепко держался за нее. Он знал, что новое здание выстроят еще не скоро, а пока ему не грозят никакие неприятности.

Валька Кабанчик и Саламатин были по самой своей сути глубоко враждебны друг другу, поэтому, рано или поздно, они не могли не вступить в конфликт. Он возник по причине, которая, казалось, никак не могла послужить поводом для раздора. Напротив, Саламатин должен был от души поблагодарить Кабанчика.

В цехе каждый месяц изготавливались тяжелые отливки весом до тонны. Они очень долго остывали — по двадцать пять — тридцать дней и загромаждали всю площадь. Из-за этого цех не удовлетворял потребность завода в литье.

Если быстрее охлаждать эти отливки, производственный цикл для таких деталей станет короче, и можно будет намного увеличить выпуск литья.

Образование у Вальки было не очень-то солидное. Он окончил восемь классов. Учиться дальше не пришлось: подросли младшие братишки, отец зарабатывал не густо, нужно было помогать матери, которая часто болела.

Работая по ночам дома в кухне, когда все спали, Валька с огромным трудом изобразил на бумаге схему специальной формы, нарисовал, в каких местах, по его мнению, следует проложить трубы и, поколебавшись несколько дней, понес свое произведение к начальнику цеха.

Саламатин, едва взглянув на чертеж, сообразил, что идея, предложенная Кабанчиком, вполне соответствует современному уровню техники и может быть осуществлена, но осуществлять ее было явно не в интересах Саламатина. Сейчас все спокойно, ясно, заранее известно. А что сулят новые формы? По вечерам после работы придется корпеть над чертежами, производить перестановку оборудования, продумывать другой ритм работы. Зачем все это? Только для того, чтобы портрет Кабанчика появился в заводской многотиражной газете? Чтобы ему, Саламатину, друзья и враги с усмешками стали говорить:

— Ай да литейщики! Инженерам в голову не пришло, а они вон что придумали!!

А если к тому же новые формы окажутся ненадежными, что тогда прикажете делать? Никто не станет винить Кабанчика. Все скажут: «Чего же смотрел инженер Саламатин?»

Все эти мысли в одно мгновение промелькнули в голове у начальника цеха. И он сказал:

— Ах, Валька, Валька! Ну что ты зря время трапишь? Не такие умы пытались решить проблему искусственного охлаждения, и то ничего не вышло. Если построить такую форму, как ты предлагаешь, холодный воздух при соприкосновении с раскаленным металлом расширится, надавит на стенки труб, и они лопнут, а даже если не лопнут, в металле появятся трещины. Окончил бы ты институт или хотя бы техникум, сам бы это сообразил. Вот так, братец ты мой.

Валька был удручен. Он не сомневался, что Саламатин сказал ему чистую правду.

Все это было еще до встречи с Жилинским. После того как Жилинский и Горчаков его похвалили, Валька прибодрился и по вечерам продолжал работать над своим приспособлением.

Жилинский сразу сообразил, что идея, предложенная Кабанчиком, в принципе правильная. Это подтвердил и Горчаков. Зная обстановку в литейном цехе, они оба поняли, почему Саламатин не дает Валькиному изобретению ходу. Но самому Кабанчику пока

ничего не сказали, чтобы зря не расстраивать его. Кондрат Григорьевич и Горчаков приняли решение сделать все от них зависящее, чтобы Валькино изобретение было как можно быстрее осуществлено. Действовать следовало решительно, но осторожно. Условились, что для начала Жилинский серьезно поговорит с начальником литейки.

Выбрав день, Кондрат Григорьевич захватил с собой Кабанчика и отправился к Саламатину.

Увидев их сквозь стеклянную стенку кабинета, тот хотел уйти, но не успел и встретил посетителей на пороге, широко улыбаясь.

— Кондрат Григорьевич! Здравствуйте. Чем могу служить?

— Что вы думаете о рационализаторском предложении Кабанчика? Его суть вам известна? — напрямик спросил Жилинский, не любивший дипломатических уверток.

— Что я думаю, — осторожно переспросил Саламатин, пытаясь выиграть время и обдумать ответ. Он знал, что Жилинский посильнее Валентина разбирается в технике и запутать его не удастся, да это и опасно. С Кондратом Григорьевичем лучше не связываться. — Я думаю, что предложение интересное, — ответил он. — Я еще, собственно, не размышлял над ним. Технически оно очень сложно. Дана идея, но одной идеи мало, нужно ее конструктивно разработать. И очень вероятно, что после произведения необходимых расчетов она окажется неосуществимой. А возможно, наоборот.

— Все-таки осуществима она или нет? — спросил Жилинский.

— Так, сразу мне трудно сказать. Я думаю, товарищу Кабанчику следует действовать в установленном порядке. Официально оформить заявку, сделать чертеж, простейшие расчеты и представить в цеховое бюро по рационализации. Там изобретение будет рассмотрено, и мы узнаем, насколько оно ценно.

— Когда вы рассмотрите? — спросил Кондрат Григорьевич.

Саламатин вздохнул:

— В порядке очередности, разумеется. У нас там много предложений. Ну, я думаю, что месяца через три-четыре Кабанчик получит ответ. С кондачка тоже нельзя рубить. В таком деле требуется осмотрительность. Вы не беспокойтесь, Кондрат Григорьевич, хорошие предложения у нас не залежатся. Я сам послежу, чтобы поскорее рассмотрели. Теперь дело за Кабанчиком. Пусть чертит схему, представляет расчеты, а за мной задержки не будет.

Возразить было нечего.

Прощавшись, Жилинский и Валентин вышли.

— Я же говорил! — горько сказал Валентин.

— Ловок, ничего не скажешь, — проворчал Кондрат Григорьевич. — Не ухватишься. Собственно, я и не сомневался, что наш разговор кончится ничем. Теперь будем действовать дальше.

— А как? — притаив дыхание спросил Кабанчик.

— С народом посоветуемся, — ответил Жилинский.

Через несколько дней состоялось очередное заседание штаба дружины. Обсуждался первый номер юмористической стенной газеты, которую было решено вывесить в центре района, возле драмтеатра.

После того как обсуждение закончилось, Жилинский встал и постучал по стакану карандашом:

— Погодите, не расходитесь. Есть одно необычное дело. Некоторым может показаться, что оно нас не касается, но это не так...

Он рассказал о предложении Кабанчика и о позиции, занятой Саламатиным.

— В конце концов завод-то наш, а не чей-нибудь, — закончил он. — Мы здесь хозяева. И если Саламатин виляет и ему на производство наплевать, мы его должны поправить.

— Каким это, интересно, образом? — недоверчиво осведомился Трайнин.

— Очень просто. Нужно изготовить одну такую форму, залить туда металл и на опыте доказать, что предложение годится! — сказал Горчаков. — Мы с Кондратом Григорьевичем уже все прикинули. Это вполне в наших силах.

— А кто сделает расчеты? — усмехнулся Аркадий. — Кто будет собирать форму, кто отошьет для нее детали? Кто даст материал и из каких фондов? Кто оплатит эту работу? Все гораздо сложнее, Горчаков, чем ты представляешь. Не лучше ли, если уж на то пошло, доложить обо всем директору? Как считаете, Кондрат Григорьевич?

— Длинная история, — покачал головой Жилинский. — Я согласен с вами, что дело очень сложное, но считаю, что так мы запутаем его еще больше. У директора работы хватает, он отдаст предложение Кабанчика инженерам, те сделают свое заключение. Саламатин придумает возражения, и колесо будет со скрипом крутиться не один месяц... А завод нуждается в литье. Нет, Горчаков прав. Нужно изготовить форму и остудить в ней отливку. В общем показать товар лицом. А форму изготовить можем мы сами. После работы.

— Оказывается, много обязанностей у дружинника, — усмехнулся Аркадий.

— Никто тебя не обязывает, — вспыхнула Катя. — Конечно, Кондрат Григорьевич, мы поможем Кабанчику. Верно, ребята?

— А материал соберем из отходов, — сказал Димка. — Мало у насхлама под снегом?

— Расчеты сделают инженеры из технического отдела. Я с ними поговорю, — вставил Роман.

— Значит, попробуем, — кивнул Кондрат Григорьевич. — Ну и хорошо. Я не сомневался в вашем решении. Только одно, честно говорю, меня смущает. Как мы скроем эту затею от Саламатина? Он же категорически запретит устраивать в цехе опыт.

— Можно ночью залить форму, — хриплым от волнения голосом сказал Кабанчик. — В ночную смену. В субботу. До понедельника Саламатин ничего знать не будет, а металл за это время остынет.

— А сжатый воздух где возьмете? — спросил Аркадий.

— Это не проблема, попросим сварщиков, они подтянут шланг, — ответила Катя. — Но остынет

литье за двое суток? Успеем мы до понедельника закончить опыт?

— Не знаю, — растерянно сказал Валентин.

— За сорок восемь часов? Вместо двадцати суток? — недоверчиво покачал головой Трайнин.

— Придется рискнуть! — решительно сказал Жилинский. — Позвольте мне считать то, о чем мы договорились, постановлением штаба нашей дружины.

— Правильно, и запишем это в протокол, чтоб все было как полагается, — поддержала Катя.

На другой день после работы Василий Горчаков засел с Кабанчиком за расчеты.

Через две недели был готов чертеж с проектными размерами. Горчаков вычислил, что отливка весом в одну тонну будет остывать в форме Кабанчика от десяти до двенадцати часов.

Димка, Дуся, Кабанчик, Роман и Катя тоже не теряли времени зря. Они собрали на свалке около двух тонн металлических отходов и оттащили металл к литейному цеху, временно укрыв его под брезентом. В любую минуту можно было подать его в печь.

...Форму и чугунные трубы изготавливали почти три недели. О замысле дружинников узнали почти все рабочие литейного цеха и помогали, кто чем мог.

И вот форма была готова, смонтирована и установлена в литейном цехе. Это произошло в субботу, после того как рабочие и инженеры разошлись по домам. В цехе остались лишь участники опыта.

При опыте присутствовали Жилинский, Горчаков, Роман и заместитель главного инженера завода, которого Кондрат Григорьевич позвал перед самым началом испытания.

Кабанчик суетился и волновался так, что на него жалко было смотреть. Он похудел, осунулся за эти дни. Куда девались его обычная самоуверенность и юмор! Он виновато смотрел на Жилинского и, кажется, уже не верил в успех своего предприятия. Впрочем, теперь оно уже принадлежало не только ему, а всей дружине.

Ровно в полночь в форму был залит металл.

Горчаков отметил это событие в протоколе опыта, который он вел.

К трубкам был подсоединен шланг. Валентин собственноручно повернул кран. Громко зашипел охлажденный сжатый воздух.

— Ну, теперь остается только одно — ждать, — сказал Жилинский, потрепав Кабанчика по плечу. — Ты не волнуйся, отправляйся спать, а утром все сюда придем.

— Нет, я останусь, — ответил Кабанчик. — Что вы, Кондрат Григорьевич, разве я могу уйти?

— И я здесь побуду, — вставила Катя.

— Да уж и мы с Димкой, пожалуй, останемся, — засмеявшись, сказал Роман.

— Ладно, что с вами делать! — ответил Жилинский. — И я бы с вами побыл, да нельзя, дома будут волноваться.

Попрощавшись с ребятами, он вышел из цеха.

В воскресенье утром к Жилинскому зашла Нина Яковлевна Зарецкая.

Жена накрыла на стол, всей семьей позавтракали.

— Что-то ты плохо выглядишь, товарищ Жилинский, — озабоченно сказала Нина Яковлевна, когда встали из-за стола.

— Вчера долго уснуть не мог, — ответил старый мастер. — Да и сейчас волнуюсь, честно говоря.

Он рассказал о Кабанчике и об опыте.

— Хочешь, пойдем со мной в литейку. Наши все, наверно, уже там...

В литейном цехе вокруг формы стояли бледные, невыспавшиеся Роман, Катя, Димка, Кабанчик, инженер Горчаков и еще несколько рабочих-литейщиков. Лица у всех были напряженными.

— Ну как? — спросил Жилинский.

— Вроде остывает, — шепотом ответил Кабанчик.

— Остывает, и очень быстро, — подтвердил Горчаков. — Скажите им, Кондрат Григорьевич, чтобы шли спать. Нечего тут всем болтаться. Мы с Кабанчиком вдвоем остаемся, а вечером, пожалуйста, приходите.

Но Роман, Катя и Димка отказались покинуть цех. Остались и Нина Яковлевна с Жилинским.

И вот настал вечер. В двадцать три часа двадцать минут Горчаков, который последние два часа провел, склонившись над формой, медленно выпрямился, обвел счастливым взглядом столпившихся вокруг людей и хрипло сказал:

— Все!

Дружинники принялись целоваться и поздравлять друг друга, а Валька вдруг побледнел и как подкошенный свалился на теплый земляной пол. Катя бросилась к нему... У него был обморок, который перешел затем в глубокий сон.

Узнав в понедельник об опыте, который производился в цехе, Саламатин побежал к директору жаловаться на самоуправство дружинников, но с полдороги вернулся, сообразив, что самое лучшее, пока не поздно, поздравить Кабанчика с успехом и первому раструбить об удачном опыте на весь завод.

Так он и сделал. Он все-таки был человеком опытным и неглупым.

У Олега была отдельная комната. Приходившие к нему друзья останавливались на пороге и с восхищением и завистью произносили: «Да-а»... У окна стоял полированный письменный стол, над ним висело несколько абстракционистских полотен. К стене были прикреплены полочки, на которых стояли горшочки с цветами. Кровати не было. Вместо нее Олег соорудил широкую тахту. Он купил пружинный двухспальный матрац и, подложив под него четыре кирпича, накрыл ковром. И на полу он постелил ковер.

В левом углу имелось трюмо с высоким зеркалом, с множеством ящиков и ящичков. Возле зеркала стояли флаконы с духами, коробочки с пудрой, какие-то щеточки, пилочки, крохотные ножнички и ножи. Все это сверкало и блестело.

Стены в комнате были выкрашены белой, желтой и черной краской. Потолок был оранжевым. На стенах мелом, тушью, углем и карандашом Олег нарисовал множество картинок. Здесь были юбки и блузки, чулки, изогнутые в виде лука, и платья с растопыренными рукавами. Это был вернисаж розовых подвязок и лифчиков, парад голубых нижних рубашек, соревнующихся с мохнатыми шубами.

Странное пристрастие художника к этой сугубо камерной теме объяснялось не свойствами его характера, а всего лишь местом службы. Олег Квасницкий недавно окончил художественно-промышленное училище и работал модельером в Доме моделей. Ему исполнилось двадцать шесть лет. Он был здоров и полон сил. И, кроме того, его родители через три часа должны были отбыть в Болгарию по туристской путевке, оставив его одного в квартире. Это последнее обстоятельство и послужило основной причиной того, что Олег проснулся в хорошем настроении.

Правда, настроение слегка испортилось, когда он обнаружил на носу прыщ. Он надел пижаму, сел перед зеркалом и сосредоточенно принялся изучать внезапно появившийся дефект. Прыщ совершенно неуместно торчал посреди лица, придавая ему легко-

мысленное и даже глуповатое выражение. Олег помочил прыщ одеколоном, припудрил и, вздыхая, приступил к физическим упражнениям.

Каждое утро Квасницкий аккуратно делал зарядку. Не пропускал ни одного дня. Он очень следил за своим здоровьем. У него была атлетическая фигура и гладкая кожа.

Закончив упражнения, Олег надел мохнатый халат и отправился в ванную.

Квартира была большая. Четыре комнаты, кухня, передняя и чулан для одежды, в котором проживала домработница Маша. Вымывшись под душем, свежий и благоухающий одеколоном, Олег появился в столовой.

— Хорош! — одобрительно сказал Казимир Андрианович, ответственный работник городского совнархоза. — Мать, а ведь сын-то у нас орел! Как ты думаешь?

Мнения Ольги Леонидовны можно было бы и не спрашивать. Ее сияющие глаза достаточно красноречиво свидетельствовали об ее чувствах.

— Может, все-таки поедешь с нами? — спросила Ольга Леонидовна, накладывая сыну холодец. — Путевку отец достанет. Неужели тебе не хочется побывать за границей?

— Отпуск не дадут.

— А может, дадут? Ты попроси...

— Не стоит, — лениво сказал Олег. — У меня в городе есть кое-какие дела.

— Знаем мы эти дела! — улыбаясь, погрозил пальцем Казимир Андрианович.

Олег ответил ему улыбкой.

Отец и сын дружили, хотя Казимиру Андриановичу многое не нравилось в Олеге, особенно в последнее время. Но он считал, что недостатки Олега объясняются его возрастом; просто у парня ломается характер... Обычное явление!

Но Казимир Андрианович плохо знал сына. Характер у Олега давным-давно сложился, как сложились и его взгляды на жизнь. Эти взгляды немало поразили бы Казимира Андриановича, если бы стали

ему известны. Но образ мыслей Олега был для него книгой за семью печатями, и Квасницкий-старший был вполне спокоен за сына, убежденный в том, что воспитал его честным, порядочным и достойным человеком... Во всяком случае, он сделал все, чтобы Олег вырос таким! Ведь он сам всю жизнь свою отдал служению Родине и партии. Разве перед глазами у Олега был плохой пример? Любовь к своей стране и народу Казимир Андрианович с детства старался привить сыну. Чтобы Олег приучался к труду, в комнате у него были установлены миниатюрный верстак и тиски, на полочках лежали блестящие инструменты, которые так и хотелось погладить. А в коридоре были сооружены брусья и шведская стенка, чтобы Олег рос крепким и здоровым... И разве Казимир Андрианович не посещал аккуратно родительские собрания в школе, разве по его настоянию не участвовал Олег в субботниках, и в сборе металлолома, и в сельскохозяйственных работах в колхозе?

...Но, купив сыну верстак и инструменты, родители не научили его уважать труд и людей труда.

В квартиру приходили рабочие — слесари-водопроводчики, столяры, полотеры, обойщики. Как Казимир Андрианович и его жена разговаривали с ними, одетыми в измазанные спецовки? Они глухо и высокомерно молчали. Квасницкий сидел в кресле с газетой и не считал нужным даже поздороваться с ними, а Ольга Леонидовна покрикивала на рабочих, называла их на «ты», торговалась с ними из-за каждой копейки и называла их «вымогателями» и «пьяницами». Олег все это слышал, запоминал и делал для себя выводы.

Он научился держать в руке напильник и одновременно научился презирать тех, кто трудится. Уже в пятом или в шестом классе он твердо знал, что никогда не пойдет работать на завод. Очень нужно ему наращивать на пальцах мозоли!

Когда он приносил в дневнике тройки, Ольга Леонидовна грозила:

— погоди, выгонят из школы, к станку пойдешь!

Мудрено ли, что работу у станка он считал недостойной для себя?

Много, много лет назад Ольга Леонидовна безропотно стирала мужу белье и, задыхаясь в кухонном чаду, жарила на противне мерзлую картошку. И жизнь ее была полной и счастливой. А потом Квасницкий стал получать большой оклад, и она сделалась надменной «светской» дамой, и жизнь показалась ей скучной, и счастье куда-то незаметно ушло, а вместо него появилось множество обид и претензий...

Приходя со службы, Казимир Андрианович рассказывал жене о разных мелких неприятностях, приключившихся с ним на работе. Оскорбленное самолюбие заставляло его называть своих сослуживцев завистниками, обвинять их в том, что они метят на его место... Олег жадно ловил эти речи, черпая в них мудрость жизни. Позже Квасницкий, правда, остывал, и ему самому было совестно, что он наговорил бог знает что и обвинил честных людей, своих товарищей. В глубине души он признавал, что они были правы, и делал для себя выводы из их справедливой критики. Он умел понимать и исправлять свои ошибки, потому-то и уважали еще его и доверяли важные посты. Но о том, что творилось у отца в душе, Олег не знал. Он видел его только разгневанным, обиженным.

И он подражал отцу, подражал в меру своих способностей и своего ума. То есть он, конечно, подражал не Казимиру Андриановичу, а тому человеку, которым отец ему представлялся.

Олег очень рано усвоил, что главное в жизни — это уметь произвести сильное впечатление. Он хорошо произносил речи на собраниях, потому его и выбрали редактором стенгазеты. Учителя не заметили, что Олег слишком легко жонглировал звонкими фразами, и поэтому вряд ли мог произносить их искренне. Он старательно «делал» свою биографию. В художественно-промышленном училище он постарался прослыть активным комсомольцем. Это помогло ему впоследствии остаться в городе...

Он первый обычно соглашался поехать в колхоз и первый голосовал за то, чтобы провести субботник. Но в глубине души презирал и колхозников, которым должен был помогать, и учителей, считавших Олега активным комсомольцем, и даже отца, которого так легко было обманывать. А в колхозе и на субботниках он ухитрялся себя не утруждать. В то время, когда его товарищи таскали кирпичи или полили картошку, он сидел в тепле и рисовал заголовок для стенгазеты или писал какой-нибудь бодрый лозунг. Вот лозунги сочинять он умел быстро и по любому поводу.

Студенты в техникуме его не любили: чувствовали в нем дельца. Но на это Олегу было наплевать.

Одна лишь цель была у него: добиться удобств. Жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Для этого все средства были хороши.

Теперь он считал, что находится на пути к цели. И поскольку до сих пор все ему удавалось, он решил, что он, Олег Квасницкий, до конца раскусил секрет жизни, а те, кто не умеет жить так, как он, вполне достойны своей жалкой судьбы, ибо они не обладают ни умом Олега, ни его проницательностью и ловкостью, ни завидным здоровьем и железными нервами...

После завтрака семейство Квасницких занялось упаковкой чемоданов. Эта работа отняла массу энергии как у Олега, так и у его родителей. Казимир Андрианович сидел в кресле-качалке с газетой в руке и, сдвинув на лоб очки в толстой роговой оправе, делал замечания домработнице Маше, которая, по его мнению, все делала не так, как нужно...

— Зачем вы положили бритвенный прибор на дно? — брюзгливо спрашивал он. — Вы думаете, что по дороге мне не обязательно бриться?

Ольга Леонидовна с несчастным лицом бродила по комнатам и искала запропавшийся куда-то бумажник, куда она спрятала путевки. А Олег с досадой поглядывал на часы и через каждые пять минут напоминал, что пора ехать на вокзал.

Наконец, утомленные сборами, родители оделись и стали прощаться с Олегом.

— Смотри же, води себя хорошо, — сказала Ольга Леонидовна. — Казик, куда я дела сумочку, ты не помнишь?

— Пока, — тряхнул сыну руку Казимир Андрианович. — Желаю тебе успехов в работе.

— Спасибо.

Когда за родителями закрылась дверь, Олег облегченно вздохнул и сказал домработнице:

— Вы свободны, Маша. Даю вам полный отпуск. Можете съездить в деревню к племяннице. Только предкам ни слова!

— Ой, спасибо, Олег Казимирович! — обрадовалась Маша. — Только как же быть с обедами? Вы же себе сами не приготовите?

— Не беспокойся, не умру с голоду, — отмахнулся Олег.

Оставшись в квартире один, Олег вошел в свою комнату, открыл ящик письменного стола и оглянулся, словно боясь, что кто-то может его увидеть.

— Черт, заело! — пробормотал он.

В этот момент раздался телефонный звонок. Олег снял трубку.

— Ты врешь, этого не может быть! — сказал он, инстинктивно прикрывая трубку рукой. — Так. Понятно. Вот что. Приезжай сейчас ко мне. Я один. Все обсудим. Надо немедленно принимать меры! Жду!..

Бросив трубку, Олег запер ящик на ключ и вышел на лестницу.

Он простоял довольно долго, заглядывая вниз, в пролет, и прислушиваясь к шагам. Но вот этажом ниже по ступенькам застучали каблучки.

— Наконец-то! — с облегчением выдохнул Олег.

Нина Яковлевна стала частой гостьей в штабе. Она присутствовала на всех заседаниях, слушала отчеты командиров патрулей, разговаривала с задержанными.

Жилинский понимал, что она неспроста приходит, не из пустого любопытства присматривается к работе дружинников. У нее зреет какое-то решение. Кондрат Григорьевич чувствовал это по ее внимательному взгляду, так хорошо знакомой ему тонкой морщинке между бровей. Но проходили дни, а Зарецкая молчала. Кондрат Григорьевич не торопил ее; она сама обо всем расскажет, когда придет время. И вот однажды — это было ранней весной, в один из первых ярких солнечных дней — Нина Яковлевна зашла к Жилинскому после работы и сказала:

— Что ты скажешь, товарищ Жилинский, если я предложу вашей дружине заняться еще одним делом... Очень важным, ответственным, требующим большого такта, доброй души и горячего сердца.

— О чем идет речь?

— О детях, — ответила Зарецкая. — О наших детях, Кондрат.

Она редко называла его по имени, и Жилинский понял, что Зарецкая взволнована. Она, видимо, долго готовилась к этому разговору, и теперь от его исхода для нее многое зависело. Она поделилась с ним всем, о чем передумала за эти дни. Почему бы пенсионерам, располагающим свободным временем, не заняться воспитанием ребятишек, до которых у родителей «не доходят руки». Взять под опеку всех этих Валек, Мишек, Колек со своего двора, отбившихся от семьи, от школы.

— Мы должны вернуть им детство, — горячо сказала Нина Яковлевна. — У каждого из нас есть большой опыт, мы прошли нелегкий, но светлый и радостный путь; и мы должны вывести на этот путь тех, кто заблудился. Пусть будут неудачи; важно, чтобы для жильцов каждого дома, каждого двора не существовало больше «чужих» детей. Тогда преступникам и хулиганам негде будет вербовать свежее «пополнение». Понимаешь, Кондрат? Вот я и подошла к главному. Мы должны уничтожить самые корни преступности, безнадзорности. Я уже говорила с народом из нашего совета пенсионеров. Сами мы это

дело не поднимем, но если дружина возьмет его в свои руки, мы все поможем...

Зарецкая напомнила Жилинскому об Игоре Самойлове, рассказала о других подростках, живущих поблизости от нее.

— В сущности, все они чудесные мальчишки. Нужно только увлечь их полезным делом... Я и хочу попробовать, есть у меня одна мысль... Не знаю, выйдет ли... Соседи мои по дому обещали помочь... Но вот вы как?

— Сколько тебе лет, Нина? — помолчав, спросил Жилинский.

— При чем тут мои годы? — удивилась Зарецкая. На ее сморщенных щеках появились пятна румянца. — Думаешь, я уже из ума выжила? Ну, семьдесят...

— Ах, ты моя искорка! — ласково сказал Кондрат Григорьевич. — Всю жизнь учился я у тебя, как гореть и не гаснуть, и не давать душе покрываться пеплом... Если бы верил в бога, об одном попросил его: чтобы светила ты мне, пока бьется мое старое сердце.

— Что ты, Кондрат, что ты, — прошептала Нина Яковлевна, и в глазах ее блеснули слезы. Строго сжав губы, она встала и пошла к двери. На лестнице Нина Яковлевна остановилась, чтобы перевести дыхание. Сердце гулко колотилось в груди... Передохнув, она спустилась по лестнице. Солнце ослепило ее. Она улыбнулась и покачала головой.

Прошло недели три. Зарецкая успела близко познакомиться со многими подростками, живущими в ее доме, но Игоря Самойлова так и не встретила ни разу. Уже в апреле совершенно случайно Нина Яковлевна столкнулась с ним во дворе... Игорь вышел из подъезда и направился к воротам, презрительно покосившись на ребятишек, которые, как обычно, занимались самыми легкомысленными делами: скатывались на санках со снежной горки, лепили снежных баб и гоняли по двору пустую консервную банку. Все они были сверстниками Игоря, но он с некоторых пор считал их просто-напросто мелюз-

гой, маменькиными и папенькиными сынками, с которыми у него не могло быть абсолютно ничего общего. Уже целых две недели Игорь Самойлов вел жизнь взрослого, делового человека и каждый вечер имел право с чувством глубокого удовлетворения сказать, что сделал еще один шаг навстречу своей цели. Если бы могла догадаться Нина Яковлевна об этой цели! Но о ней не знал никто. Игорь хранил ее в тайне. Полмесяца назад кем он был? Пацаном, к которому никто серьезно не относился. А теперь он полноправный участник солидной коммерческой организации, все члены которой в самом скором времени станут обладателями солидных вкладов в сберегательные кассы. Материальное благосостояние Игоря растет буквально не по дням, а по часам. В данный момент у него в кармане имеется колоссальная сумма — двести четырнадцать рублей. Нужно поработать всего еще несколько дней, и после этого смело взять Мусю на свое полное иждивение, доказав ей, наконец, что он не какой-нибудь сопляк, а мужчина, умеющий добывать деньги.

...Когда один хорошо одетый и вежливый молодой человек предложил Игорю за определенное вознаграждение носить инвалиду «товар», он согласился без колебаний. Положение было катастрофическим. Муся, правда, больше не тащила его в детдом, она вообще не обращала на него внимания, но это Игоря совсем не радовало. С Мусей творилось что-то неладное. Она вела себя так, что ему даже становилось страшно. По вечерам после работы Муся уходила куда-то и возвращалась бледная, с осунувшимся лицом и остановившимся взглядом. Если Игорь еще не спал, она выгоняла его в кухню, запиралась в комнате и долго что-то шептала, всхлипывала и скрипела дверцей шкафа.

Игорь как-то из любопытства заглянул в шкаф. Он, конечно, не знал точно, какие вещи там были, но удивился, увидев, что шкаф почти пуст. Исчезли Мусины платья и ее зимнее пальто, которое она купила в прошлом году и успела надеть всего лишь три раза. Игорь обнаружил, что нет красивой ковро-

вой скатерти, меховых ботинок, отреза шерсти, купленного осенью ему на костюм...

Он, конечно, сразу догадался, куда девались все эти вещи. Муся продала их, потому что у нее не было денег.

Так вот почему она стала такой грустной! Теперь Игорь все понял. И почувствовал облегчение. Значит, Муся вовсе его не разлюбила! В детдом она хотела его отдать лишь потому, что ей было тяжело сводить концы с концами. А Игорь? Как он поступил? Разве он проявил мудрость? Он вел себя не как мужчина, а как мальчишка! Но ничего, он знает, что делать...

Игорь твердо решил дома не завтракать, не обедать и не ужинать. Мусе будет легче. Прямо из школы он направлялся теперь в гости к одному из приятелей якобы для того, чтобы вместе учить уроки. И, разумеется, там его угощали обедом. Но Муся даже не заметила этой жертвы. Она по-прежнему глядела на Игоря пустыми глазами, словно не видя его.

Предложение стать разносчиком товара подоспело как нельзя более кстати. Перед Игорем внезапно возникла радужная перспектива быстрого обогащения. За каждый пакет, переданный инвалиду, Игорь получал от своего шефа десять рублей. В день он делал четыре-пять рейсов. За три дня выходило сто рублей. Правда, времени для учебы не оставалось. И обедал Игорь за собственный счет. Кое-какие расходы имелись. Но разве можно было сравнить эти расходы с доходом?

Скоро, скоро наступит счастливый день! Игорь подойдет к Мусе, покровительственно похлопает ее по плечу и скажет:

— Хватит тебе работать. У меня достаточно денег. Можешь отправляться в свой институт и ни о чем не думать!

После этого он широким жестом распахнет шкаф, и Муся изумленно откроет рот. Вместо проданного пальто в шкафу будет висеть меховая шуба.

— Ты посмотри, посмотри! — скажет Игорь. — Там есть и ботинки, и платья, и скатерть.

Муся заплачет и поцелует его горячо, горячо, как целовала когда-то...

— Прости меня, — рыдая, ответит она. — Я тебя недооценивала. Я не знала, что в доме есть мужчина. Теперь я спокойна!

Игорю не нравилось лишь то, что его деятельностью заинтересовался лейтенант милиции. Тот самый лейтенант, который поверил ему и отпустил его домой. Пожалуй, он сочтет Игоря человеком, не умеющим держать слово. Но ведь, в сущности, Игорь не делает ничего плохого. Разве он берет чужое? Или обманывает кого-нибудь? Он просто выполняет просьбу.

Ровно в десять часов Игорь должен был предстать перед тем человеком, который снабжал его «товаром». Поэтому, когда Нина Яковлевна поздоровалась с ним, особой радости на его лице не было.

— Здравствуйте, — отрывисто сказал он. — Простите, но я очень спешу.

Однако Нина Яковлевна его не отпустила. Она спросила, почему он уже две недели не посещает школу? Игорь растерялся. Кто мог ей сообщить об этом? А, собственно, какое ей до этого дело? Он насунил и ответил, что ухаживает за больной сестрой. Зарецкая задумчиво посмотрела на него и внезапно пригласила зайти к ней в гости.

— Нет, что вы! Мне некогда! — отказался Игорь.

— Я могу позвать того самого летчика, о котором я тебе говорила в прошлый раз. Разве ты не хочешь с ним познакомиться? — спросила Нина Яковлевна.

Соблазн был слишком велик. В конце концов «шеф» мог и подождать.

— Ладно, — вздохнул Игорь. — Только ненадолго!

Но это «ненадолго» растянулось на целых два часа. Майор Кондратьев, которого тоже пригласила к себе в гости Нина Яковлевна, очень заинтересовался моделью, построенной Игорем. Игорю пришлось сбегать домой, достать ее со шкафа, вытереть влажной тряпочкой и принести. Летчик бережно взял модель, поднес ее к окну и долго рассматривал.

— Да, брат, — сказал он с уважением, — настоящий реактивный самолет. А не полетел он у тебя закономерно. Ты не учел, что мощность мотора не соответствует весу машины. Дело поправимое. Вот, гляди-ка...

Кондратьев достал блокнот и принялся рисовать схему реактивного истребителя. Игорь забрался коленками на стул и смотрел на чертеж, забыв обо всем.

Майор сказал, что такого сообразительного и вообще стоящего парня, как Игорь, он мог бы, пожалуй, взять с собой на настоящий большой аэродром. Имеется единственное препятствие. Игорю придется предъявить свой дневник. И если там окажется хотя бы одна тройка, ему ничего не станут показывать и объяснять.

— Тройки же можно исправить! — взволнованно сказал Игорь.

В конце концов договорились, что летчик возьмет Игоря на аэродром, и он приложит все силы, чтобы исправить отметки.

Игорь уже собрался уходить, но тут раздался звонок. На пороге показалась шумная ватага ребят. К своему удивлению, Игорь увидел Кешку Анисимова, того самого Кешку, который открыто, на виду у всех курил, а по вечерам спекулировал возле кино билетами. Вместе с Кешкой пришли его верные вассалы и оруженосцы Митька Рваное Ухо и Цыган. Эта тройка была грозой двора и прилегающих к нему подъездов. Завидев их, дворничиха тетя Нюся бледнела и хваталась за сердце, а участковый милиционер машинально вставлял в рот свисток. И вот Кешка со своими друзьями пришли к Нине Яковлевне! Зачем?

— Здорово, Кешка! — сказал он небрежно. — Что это вас во дворе не видно?

— Здорово, здорово, — снисходительно ответил Кешка. — А ты где пропадаешь?

— Раздевайтесь, что же вы мнетесь? — сказала Зарецкая. — Карта на столе. Все запомнили, где мы вчера сделали привал?

— Возле русла Нигера, — басом ответил Кешка. — Я думаю, нам следует пойти к городу Дженэ. Австрийцы могли остановиться там по дороге к озеру Дебо. Расспросив местных жителей, мы уточним их маршрут.

— В этом предложении есть логика, — кивнула Нина Яковлевна. — Раздевайтесь, ребята, сейчас я принесу карту.

Нина Яковлевна расстелила карту прямо на полу, и ребята стали ползать по ней и выкрикивать разные непонятные слова. Игорь начал догадываться, что они играют в какую-то сложную и очень интересную игру, каким-то образом связанную с географией. Но это была не простая игра.

— Восемь месяцев назад по радио сообщили, что в Центральной Африке без вести пропала экспедиция австрийских ученых под руководством известного профессора-антрополога Оливье, — объяснила Игорю Нина Яковлевна. — Весь мир следит за поисками, которые сейчас ведутся в Африке. Кешка Анисимов придумал замечательную вещь. Мы связаны с городским радио и каждый день сообщаем туда по телефону наши соображения о том, в каком месте Африканского материка следует искать профессора Оливье. Сходили мы и в кино на фильм чехословацких инженеров, объехавших Африку на машине с киноаппаратом. Теперь мы имеем некоторое представление о том, в каких условиях находятся потерпевшие бедствие австрийцы. Кешка считает, что их нужно искать в районе озера Дебо. Видишь, мы проложили на карте маршрут с учетом естественных препятствий и сейчас будем звонить на радио.

— Здорово! — сказал Игорь. — Может, по вашему маршруту их и найдут!

— Спрашиваешь! — заносчиво ответил Кешка.

— Можешь принять участие, — сказала Нина Яковлевна. — Примем его, ребята?

— Это еще надо посмотреть, — сказал Цыган. — На готовенькое-то всякому охота!

— Его можно, — сказала Нина Яковлевна. — Он будет руководить кружком авиамоделлистов.

— Я... Я не знаю, — помрачнел Игорь.

Он вспомнил, что должен идти к «шефу», таскать пакеты с «товаром», прятаться от милиционеров и обманывать Мусю.

Словно догадавшись об его мыслях, Нина Яковлевна сказала:

— Ну, ребята, на сегодня хватит. Нам нужно поговорить. Вы уж нас извините.

Кешка, Рваное Ухо и Цыган ушли, завистливо поглядывая на Игоря. Закрыв за ними дверь, хозяйка подошла к Игорю, ласково обняла его за плечи и спросила:

— Что с тобой? У тебя горе?

У Игоря защипало в носу. И неожиданно для себя он рассказал ей обо всем. Он говорил и чувствовал, как с каждой минутой освобождается от тяжелого груза.

Через полчаса они вышли на улицу. Перед райотделом Игорь замедлил шаги.

— Может, ты передумал? — спросила Зарецкая. — Тогда вернемся.

— Нет, — ответил Игорь. — Просто... Мне стыдно... Этот лейтенант мне поверил, а я...

Но лейтенант и не подумал его ругать за то, что он несколько дней назад перепрыгнул через забор.

Выслушав Игоря, он задумался, потом спросил:

— Адрес не знаешь?

— Нет, — ответил Игорь. — Я так дом помню, а номер забыл.

— Это не страшно. Я знал, между прочим, что ты придешь. Я сразу догадался, что ты честный человек. И вам спасибо, Нина Яковлевна.

— Мне-то уж совсем не за что, — ответила она. — С вами я не пойду, это ведь дело мужское. Ты, Игорь, завтра не забудь к летчику. Он будет тебя ждать ровно в час. До свиданья.

— До свиданья, — ответил Игорь. — Я не забуду...

Когда за Ниной Яковлевной закрылась дверь, ему стало страшно.

Но оказалось, он напрасно испугался. Все произошло очень легко и просто.

Лейтенант вышел и через минуту вернулся с приветливым молодым человеком.

— Поедешь с ним и покажешь ему дом. — На прощанье лейтенант крепко пожал Игорю руку.

25

— Решительно вас благодарю, — сказал Иван Кузьмич кассирше и пересчитал деньги. Все точно. Ровно шестьсот сорок восемь. В прошлом месяце было побольше, но и в этом он неплохо заработал. Увидев в конце коридора начальника цеха, он поспешно выскочил на лестницу. Ему не хотелось в эту торжественную минуту пререкаться с начальником, который, конечно, не замедлил бы испортить Ивану Кузьмичу настроение неуместным вопросом: «А куда вы направляетесь, уважаемый товарищ Шибанов? И почему у вас так странно блестят глаза?» Нет, явно не стоит с ним встречаться. Уж очень дотошный мужик.

Иван Кузьмич взял из шкафчика чистую одежду и отправился в душ.

Фыркая под струей горячей воды, он мысленно производил подсчеты. Двести рублей нужно отдать в кассу взаимопомощи. Триста Мишке на хозяйство. Хорошо еще, что племянник хозяйством стал заниматься. Остается сто сорок восемь. Маловато. Два раза сходить в закусочную, и все. А он ведь еще должен угостить лучшего друга, модельщика Кирилла Трофимовича. В прошлый раз угощал Кирилл Трофимович, теперь очередь Ивана Кузьмича.

За те десять минут, пока старый мастер мылся, доля, которую должен был получить Мишка, сократилась с трехсот до ста пятидесяти рублей, а когда Иван Кузьмич вышел за ворота, у него сложилось твердое и принципиальное решение: денег на хозяйство не давать вообще, ибо племянник все равно израсходует их крайне неэкономно.

У ворот Ивана Кузьмича поджидал Кирилл Трофимович. Обменявшись понимающими взглядами, они отправились в закусочную. Питейное заведение было выстроено рядом с заводом. Работники торго-

вой сети действовали в данном случае с тонким расчетом. Любой человек, выходящий из ворот, будь он еще безусым ремесленником или седовласым ветераном, прежде всего видел перед собой этот маленький уютный домик с веселой черепичной крышей. Предприимчивый заведующий повесил над дверями бодрый лозунг: «Не проходите мимо!» И многие не проходили. Открывали дверь и надолго исчезали внутри. Залихватский лозунг впоследствии сняли, точно так же, как излишне изобретательного заведующего, но закусовая осталась и продолжала процветать.

В жизни Ивана Кузьмича домик с веселой розовой крышей сыграл роковую роль. Много лет назад, в ту пору, когда было ему очень худо и чувствовал он себя одиноким и неприкаянным после смерти жены, Иван Кузьмич зашел сюда, и с тех пор жажда мучила его, не переставая, и летом и зимой, в те дни, когда он был при деньгах, и в те дни, когда денег не было. По пути домой имелось три таких закусовых, и если Ивану Кузьмичу удавалось с грехом пополам выбраться из первой, то он падал как подкошенный возле второй; правда, два или три раза он совершенно самостоятельно на своих собственных ногах доходил до третьей закусовой, но там зато засыпал таким мертвым сном, что разбудить его удавалось лишь сотрудникам районного вытрезвителя.

Друзья, шагая в ногу, приближались к цели. Они не разговаривали. Оба были молчаливы и сосредоточенны, как и подобало в столь важный момент.

Внезапно на пути возникло препятствие в виде трех молодых людей, которые отделились от забора, не торопясь, подошли к крыльцу и загородили дверь.

— В чем дело? — добродушно спросил Иван Кузьмич.

— Поворачивайте, — ласково ответил один из юношей.

— Это ты, Кабанчик? — все еще улыбаясь, сказал Иван Кузьмич. — Здорово. Ну, как жизнь? Пропустите нас, мы спешим.

— Слышишь, Роман, они спешат, — обратился Кабанчик к своему товарищу. — Им некогда. Деньги жгут им карман, и они хотят как можно скорей от них избавиться!

— В чем дело, ребята? — басом спросил медлительный Кирилл Трофимович. — Что вам от нас нужно?

— Взаимопонимания, — ответил Валентин. — Мы вас очень уважаем. И просим тихо и мирно пойти домой. Нам больно будет смотреть, как через полчаса вы поплнетесь по улице зигзагами, ныряя в сугробы и сшибая с ног всех, кто попадется на встречу.

— Ага, я понял! — сказал Иван Кузьмич. — Вы, наверно, эти... Как их... Дружинники? И вам поручили нас воспитывать, да? Ну, так можете доложить вашему начальству, что вы нас уже перевоспитали. Мы только зайдем на минутку, выпьем по стопочке — и сразу домой. Договорились?

— Договорились, — ответил Роман. — Сразу домой. Без стопочки.

— Безобразие! — сказал Кирилл Трофимович. — Да какое вы имеете полное право? Это незаконно! Мы будем жаловаться.

— Точно, — охотно согласился Кабанчик. — Конечно, незаконно. Обязательно пожалуйте. Прямо директору завода. Напишите ему заявление. Так, мол, и так. Дружинники помешали нам пропить поллучку. Просим их за это строго наказать. Ваше заявление разберут на общем собрании. Устраивает вас такой вариант?

— Ну их! — шепнул Иван Кузьмич. — Шум поднимут, разговоров не оберешься. Пошли в «Светлячок».

Друзья вежливо попрощались с улыбающимися представителями общественности и отправились во вторую закусочную, носящую это поэтическое название. Впервые за много лет они шли туда совершенно трезвые. Они по-прежнему молчали, но настроение у обоих было уже не такое хорошее, как десять минут назад; в глазах у Ивана Кузьмича появился тре-

вожрый блеск, а Кирилл Трофимович нервно покусывал усы.

Перед «Светлячком» стояла группа молодых парней и девчат. Шибанов узнал Димку Зорича, Дусю Карпенко, Катю Назарову и толкнул своего спутника локтем. Тот храбро двинулся вперед.

— Минуточку, товарищи, — сказал Димка. — Вы хотя бы домой забежали, отдохнули после работы, отдали, между прочим, получку женам... А то как-то нехорошо, сразу из ворот в пивную. Несolidно.

— А ну, прочь с дороги! — свирепо сказал Кирилл Трофимович. — Молод еще меня учить!

Но к Димке подошли Дуся и Катя.

— Если уж хотите драться, бейте меня, — тоненьким голосом предложила Дуся. — Я самая слабая, со мной легко справиться.

— Напрасно сердитесь, товарищи, — сказала Катя. — Неужели вам пойти некуда? В клубе сегодня концерт. Хотите, я вам дам билеты?

— Брось, не связывайся! — Иван Кузьмич дернул приятеля за рукав. — Разве с ними договоришься?

К третьей закуской они приближались уже с некоторым сомнением.

— Здесь нам вообще не светит! — убито сказал Иван Кузьмич, увидев возле закуской Жилинского, Горчакова и еще двух пожилых рабочих. На рукавах у них были красные повязки.

— Не останавливайся, вроде мы гуляем! — шепнул Иван Кузьмич, но Кирилл Трофимович упрямо замотал головой и твердой поступью направился к Горчакову.

— Что же это такое происходит? — спросил он возмущенно. — Какие-то ученики, ремесленники измываются над старым, заслуженным мастером. Я вас спрашиваю, товарищ инженер. И вопрос мой исключительно официальный. Кто им дал такое право? Кажется, у нас нет сухого закона. Я в корне протестую!

— Не надо горячиться, Трофимыч, — ответил Жилинский. — Никто над тобой не издевается. Ребята проводят агитацию против пьянства, а уж твое дело

прислушаться к голосу общественности или на всех наплевать. Мы никого силком не тащим. Если совесть пропил, иди пускай на ветер заработанные деньги, оставляй семью голодной... Но учти, уважать таких людей мы не будем! Пожалуйста. Дверь открыта. Я тебя не держу.

— Я, главное, в принципе хотел узнать, — мрачно сказал Кирилл Трофимович. — Вообще-то я домой иду. Пока!

Он приподнял кепку и повернулся к Жилинскому спиной.

Иван Кузьмич счел неудобным уйти сразу, он топтался возле закуской, задал несколько посторонних вопросов Кондрату Григорьевичу и Горчакову. Как протекает дежурство? Не было ли происшествий? Побеседовав с ними, он отправился домой.

Собственно говоря, можно было, конечно, поехать в другой район и там утолить жажду. Но настроение у Ивана Кузьмича почему-то пропало.

Одному пить не хотелось. Вздыхая и ошеломленно покачивая головой, мастер отпер дверь и зажег свет.

То, что происходило с ним, было непривычно, странно и совершенно непонятно. Иван Кузьмич страдал от полной неопределенности в своем положении. С одной стороны, никто ему не запрещал хоть сию минуту отправиться в пивную. Или купить в магазине пол-литра и выпить дома. С другой стороны, сделать это было нельзя. А почему нельзя? Неизвестно!

Хлопнула дверь, вошел Мишка. Внимательно посмотрев на дядьку, он изумленно сказал:

— Трезвый! Ей-богу, трезвый! Ты что, заболел?

Иван Кузьмич хотел пожаловаться племяннику на то, как грубо с ним обошлись, но в последнюю минуту раздумал и с глубоким вздохом ответил:

— Не заболел я, Мишка. Вопрос твой глупый. На вот, возьми деньги. На хозяйство. Три сотни целковых. Что глазами хлопаешь?

Мишка сел на стул и медленно расстегнул пальто.

Виктор Трубников с размаху бросился на диван и с отчаянием спросил:

— Да почему, вы хоть объясните?

Павел Ильич Хорьков посмотрел на него снисходительно.

— Соображать надо, у кого обыск делать. Смешься? Квасницкий! Да если там ничего не найдут, он нас обоих в порошок сотрет!

— Найдут! Я уверен! — убежденно сказал Виктор.

— Ах, ты уверен? А я уверен в обратном, — ответил Хорьков. — Какие у тебя данные? Показания тринадцатилетнего мальчишки? Да ты эти показания по закону даже не имеешь права приобщить к делу.

— Почему? Я его допрашивал в присутствии посторонней женщины, дружинницы.

— Все равно. А если он соврал? Нарочно показал первую попавшуюся дверь?

— Вы же сами так не думаете, Павел Ильич! — с досадой сказал Виктор. — Если бы речь шла не о Квасницком, вы бы небось не сомневались.

— Правильно! — согласился капитан. — Я уважаю человека, который имеет большие заслуги. Я не желаю тревожить его зря.

— Бойтесь вы, вот что!

Не глядя на начальника, Трубников надел шинель и вышел.

Опять Хорьков вставлял ему палки в колеса, и в какое время! Когда нельзя было терять ни одного часа! «Сам пойду и добьюсь санкции у прокурора!» — решил Виктор.

Прокурор района Родичев принял его сразу.

— Что-то у вас стряслось? — с интересом спросил он. — Мне доложили, контрабандой кто-то торгует?

— Я к вам как раз по этому делу, — ответил лейтенант.

Родичев, выслушав его, почесал пальцем седую бровь.

— Н-да, проблемка... А если ничего не найдут?

— Известный риск в таких вещах всегда есть, но в данном случае я уверен на девяносто девять процентов, — осторожно ответил Виктор.

— Смотрите, как бы один процент вас не подвел...

Прокурор подписал ордер на обыск и предупредил, что без достаточно веских оснований задерживать кого-либо из Квасницких он не разрешает.

— Не потому, что хозяин этой квартиры занимает высокий пост. Просто мы обязаны строго соблюдать законы. Не спешите обижаться на Хорькова. Я Павла Ильича знаю давно. Он человек, может быть, излишне осторожный. Но лучше быть осторожным, чем оскорблять честных советских людей...

Выйдя на улицу, Виктор сердито пнул ногой каменную тумбу. Может, отказаться? Не лезть на рожон? Действовать в точности так, как положено по инструкции? Не торопясь, собрать материал, допросить лиц, имеющих косвенное отношение к этому делу, и, лишь имея неопровержимые улики, отправить к Олегу? Нет! Не всегда можно идти по проторенному пути. Смелее, Виктор!

Вернувшись в райотдел, он попросил полковника Бандуру откомандировать его на несколько дней в уголовный розыск и разрешить ему лично произвести ряд оперативных мероприятий, необходимых для расследования сложного дела.

— Согласуйте с товарищем Хорьковым, я не возражаю, — ответил полковник.

Виктор разыскал Хорькова и показал ему санкцию прокурора на арест Квасницкого.

— Ну-ну, — вежливо сказал Павел Ильич. — Желаю удачи.

Виктор пригласил двух молодых стажеров, студентов юридического института, проходящих практику в райотделе, поехать вместе с ним. Стажеры с радостью согласились. Одного звали Рубен, другого Юлик. Смуглый экспансивный Рубен, сверкая большими карими глазами, сказал:

— Ах, лейтенант, вы возвращаете нас к жизни! Нам так надоело подшивать чужие «дела».

А скромный розовощекий Юлик застенчиво спросил:

— Скажите, это не опасно?

И когда Трубников ответил, что нет, печально вздохнул.

Синяя «Победа» уголовного розыска ждала их на улице. Подъехали к большому серому дому. Поднялись на пятый этаж, позвонили. Дверь открыл Олег.

— Что вам угодно?

На его лице не было ни страха, ни растерянности.

— Здравствуйте, — удивленно сказал Виктор, узнав молодого человека, которого Алла называла своим женихом. Это его Виктор мельком видел у нее в квартире. Может, он обознался? Просто случайное сходство? — Мы с вами, кажется, встречались?

— Не припомню, — вежливо ответил Олег.

Он? Или не он? У того как будто были усики. У Олега усов нет. Но ведь усы можно сбрить... Впрочем, некогда было заниматься выяснением этого вопроса. Можно будет потом спросить у Аллы... Вот получится переплет, если это он...

— Мы сделаем у вас обыск, — сказал лейтенант. — Вот ордер.

Квасницкий зажег свет в коридоре и долго рассматривал бумажку. Дверь он придерживал ногой, не пуская гостей в квартиру.

— Не сомневайтесь, печать и подпись в порядке! — сказал потерявший терпение Рубен. Виктор легонько похлопал его по плечу.

— Ну что ж, пройдите, — вернул ордер Олег. — Не сомневаюсь, что произошла какая-то ошибка.

— Возможно, возможно, — кивнул Трубников. — Вот эти два товарища будут понятыми. Они студенты юридического института. Если вы им не доверяете, позовем соседей, дворника.

— Нет, зачем же, обойдемся без соседей, — ответил Олег. — Со своей стороны, позвольте записать вашу фамилию, чтобы знать, на кого жаловаться. Мой папа, вернувшись из-за границы, несомненно,

захочет выяснить, кому понадобилось делать у нас обыск.

Он вел себя совершенно спокойно, этот Квасницкий.

— Моя фамилия Трубников, — сказал Виктор. — Ну что ж, приступим.

Они прошли в столовую, оттуда в спальню, где стояли рядом две массивные деревянные кровати, похожие на надгробные плиты.

— А где ваша комната? — спросил лейтенант.

— Пожалуйста, сюда...

Лейтенант подошел к столу. Пахло какими-то духами. Он взял с туалетного столика флакон, поднес к лицу. Теперь запах был другой, хорошо знакомый. «Шипр» — было написано на этикетке.

«Вряд ли родители знают, чем занимается сын, — подумал Виктор. — Если «товар» в квартире, то скорее всего в этой комнате. Не в спальне же у папы и мамы».

Олег сел на тахту, бросил в рот сигарету и щелкнул зажигалкой.

— Все-таки странно, — сказал он. — Ни с того ни с сего врывается... Что вы, собственно, собираетесь искать?

Лейтенант по закону был обязан ответить на этот вопрос. И он ответил:

— Краденые вещи.

— Вот как? — презрительно усмехнулся Олег. — Прямо детективный роман!

— Дайте ключи от письменного стола.

— Стол не заперт.

Трубников открыл ящик. Там лежали кисти и карандаши. В другом ящике валялись засохшие тюбики с масляной краской. Большой ящик в середине стола был битком набит самыми неожиданными вещами: рядом с альбомом лежал старый, заржавленный игрушечный револьвер, под ним покоилась груда стертых резинок и огрызки карандашей. Виктор терпеливо рылся в этом хламе. Поломанная расческа, пипетка, игральные карты, пропуск в библиотеку, запонки, порошки от головной боли, круглое зеркальце... Он уже знал, что ничего не найдет здесь, и теперь просто выгадывал время... Запах духов был по-прежнему отчетливым, близким.

Виктор попробовал совсем вынуть ящик из гнезда, но тот за что-то зацепился и не поддавался. Лейтенант потянул сильнее. Раздался треск, ящик вырвался из рук и с грохотом обрушился на пол. Ящик был необычно коротким. Виктор нагнулся. В глубине стола открылся тайник. Он был устроен хитроумно, в задней стенке. Обнаружить этот тайник можно было только случайно.

Виктор засунул туда руку, пощупал. Крепкий запах духов ударил в лицо. Он выпрямился и взглянул на Олега. Стало все ясно. Склад «товара» был именно тут. Но Виктора опередили. Духи и помаду успели перепрятать в другое место. Возможно, это было сделано сегодня. Час тому назад... Кто-то предупредил Квасницкого. Кто?

Олег сидел на диване, положив ногу на ногу, и рассеянно глядел в потолок.

— Что это такое? — спросил Виктор, указывая на тайник.

— Где? — поднял брови Квасницкий. — Ах, это... Видите ли, когда-то в далеком детстве, я прятал здесь от родителей папиросы.

— А что вы прятали вчера?

— Станный вопрос! — Олег откинулся на подушки и с откровенной издевкой уставился на лейтенанта. — Впрочем, могу ответить... Если бы вы пришли вчера, то, несомненно, узнали бы это.

— Встаньте! — скомандовал Виктор. — Что у вас в карманах?

— Разве вы имеете право меня обыскивать?

— Не сомневайся, дорогой, все делается по закону! — успокоил Рубен.

Олег нехотя вывернул карманы. Паспорт, сберегательная книжка, две сторублевые купюры, блокнот, испещренный записями, билет на электричку и... тюбик губной помады с буквами: «Made in USA».

Виктор положил все это на стол и принялся рассматривать. На книжке двенадцать тысяч рублей. Счет открыт месяц назад, взносы делались через день. Неплохой заработок! Билет на электричку за вчерашнее число, четвертая зона. В блокноте на обратной стороне обложки запись простым карандашом: «Четвертая дача с правой стороны от колонки». Это написано недавно, иначе карандаш стерся бы, ведь блокнот таскали в кармане.

Юлик старательно скрипел пером, составляя протокол.

«Улик, собственно, никаких! — подумал Виктор. — Ну, спрошу я его про губную помаду. Скажет: «Купил у инвалида». Двенадцать тысяч? Конечно, результат спекуляции, но как докажешь? Остается билет на электричку. «Товар» вчера был здесь. Зачем Олег ездил за город? Ниточка есть, но туда ли она ведет?..

Положение было затруднительным. Лейтенант хорошо помнил, что сказал прокурор. Арестовывать

Квасницкого не было основания. Ничего не найдено. И тем не менее арестовать его было совершенно необходимо, иначе он мог предупредить сообщников, и тогда все пропало... «Задержу его в порядке сотой статьи на двадцать четыре часа, — решил Виктор. — Сутки будут в моем распоряжении. За сутки многое можно сделать».

— Откуда у вас эта помада? — спросил он.

— Купил у инвалида возле рынка, — мрачно ответил Квасницкий.

— Вы ездили вчера за город?

— За город? — вопрос был для Олега неожиданным. — Кажется... Да, действительно, это было вчера... Я катался на лыжах с приятелем.

— Где ваши лыжи? Можно на них взглянуть?

— Но... Дело в том, что я брал лыжи у своего друга.

— Адрес?

— Точно не знаю, я был там только один раз...

— Постарайтесь припомнить... Вы ехали по восточной ветке или по южной?

— По южной...

— Какая станция?

Олег злобно посмотрел на лейтенанта и сказал:

— Я вам не желаю отвечать! Я пока еще не знаю, в чем вы меня обвиняете.

— Одевайтесь, поедете с нами..

— Я подчиняюсь силе, но вы об этом пожалеете! — скучным голосом сказал Квасницкий, натягивая лохматый голубой свитер и мельком заглянув в зеркало. — Вы будете иметь крупный разговор с моим отцом, лейтенант. Он не любит шутить.

— Я тоже, — тихо сказал Трубников, испытывая сильное желание стукнуть Олега по шее.

Рубен и Юлик дружно вздохнули и с глубоким сочувствием посмотрели на своего шефа.

Машина ждала их внизу. Олег поднял меховой воротник и закрыл глаза. Виктор сидел, сердито глядя в спину шоферу.

Виктор сдал Олега дежурному по райотделу, написал протокол задержания и тут же поехал на вокзал. Он не стал подниматься на второй этаж и докладывать Хорькову о своих намерениях. Он не хотел портить себе настроение и зря терять время. В его отсутствие капитан не выпустит Олега, а вечером Виктор вернется с дачи и привезет неопровержимые улики.

Трубникову не хотелось думать о том, что будет, если он придет с пустыми руками.

В трамвае он принялся рассматривать билет, найденный у Олега.

Хорошо еще, что Квасницкий успел выболтать, в каком направлении ездил, пришлось бы потратить лишний день, выясняя это. А теперь найти нужную станцию сравнительно несложно. В четвертой зоне их всего три: Заводская, Восьмой километр и Казачий разъезд.

«Начну с Казачьего разъезда», — решил Виктор.

Несмотря на ранний час, народу в вагоне было много.

Молодая девушка приподнялась, чтобы поправить сверток, лежавший на сетке. Этим воспользовался гражданин с маленькими черными усиками, в каракулевой папаше и уселся на освободившееся место. Увидев, что скамья занята, девушка растерянно сказала:

— Простите, но... я же здесь сидела...

— Не знаю, не знаю, — ответил усатый гражданин. — Может быть. Но теперь сижу я.

— Очень красиво! — презрительно промолвила дама в меховой шляпке.

— Молодая, пускай постоит! — ехидно сказал кто-то.

Через несколько минут в споре уже участвовал весь вагон.

Атмосфера быстро накалилась.

Девушка, из-за которой сыр-бор разгорелся, сошла с поезда. Гражданин с усиками, положив голо-

ву на плечо соседа, спал крепким сном. Про них уже забыли. Дело было не в каких-то отдельных личностях, а в принципе, том самом великом принципе, из-за которого в трамваях и автобусах люди становятся смертельными врагами, а вернувшись домой, не могут понять, из-за чего, собственно, они так волновались...

И вдруг в вагон вошел парень. Обыкновенный парень лет двадцати, в распахнутом полушубке.

— Ай-ай-ай! — оглядевшись, укоризненно сказал он. — Как не стыдно! Придется остановить поезд и высадить самых нервных.

Шум быстро стих. Все обернулись к незнакомцу.

— А вы кто? — спросила дама в меховой шляпке.

— Какое имеет значение, кто я, — сказал парень. — Просто человек... До свиданья. Счастливого пути. — Он вышел в тамбур.

Кто-то засмеялся. Дама в меховой шляпке попыталась продолжать спор. Но никто ее не поддерживал. И остальную часть пути проехали в тишине.

Виктор размечтался. Ему представилось, как его вызывают в отдел кадров и говорят: «Уважаемый товарищ Трубников! Нам очень жаль, но поскольку вышел Указ о полной ликвидации органов милиции, прокуратуры и суда, вы с этой минуты можете быть свободны. Вот вам направление в театральную студию. Вы, кажется, давно мечтали стать актером». Виктор вежливо благодарит и выходит на улицу. Из райотдела выносят столы и диваны. А к подъезду уже приближаются грузовики с красивой мебелью красного дерева. «Что здесь теперь будет?» — спрашивает Трубников. «Дворец счастливых браков», — отвечают ему.

— А в здании суда? — продолжает интересоваться лейтенант.

— Городской шахматный клуб.

— А в этом, как его... В вытрезвителе?

— Простите, что такое вытрезвитель? — удивляется собеседник. — Кажется, это иностранное слово? Повторите, пожалуйста.

Виктор встречается на улице Бандуру. Тот в штатском костюме, отрастил пушистые усы.

— Где вы сейчас работаете? — спрашивает Трубников.

— В опере, — застенчиво отвечает бывший полковник. — Окончил, понимаешь, консерваторию, пою арию Греммина в «Евгении Онегине». Хочешь, дам контрамарку?

— А что с Хорьковым?

Тут фантазия Виктора иссякла. Он не смог придумать подходящего занятия для Хорькова. Павла Ильича можно было представить только в форме, с серебряными погонами, перелистывающим пухлое «дело». Ни для какой другой роли он не подходил. «Ничего, — подумал Виктор, — ему дадут пенсию, будет выращивать анютины глазки и воспитывать внучат».

...Пора было выходить.

Весь день потратил Виктор на поиски таинственной дачи.

На станции «Казачий разъезд» он пробыл недолго. С правой стороны вообще не было дач, а тянулся высокий забор, за которым дымили трубы какого-то завода. Наконец появились дачи, но нигде поблизости не оказалось водопроводных колонок.

На Восьмом километре, куда лейтенант приехал в три часа дня, были и колонки и дачи, но хозяева этих дач не посещали их с лета. Повсюду на участках лежал нетронутый снег, окна были наглухо забиты, а из труб не курились дымки. Виктор добросовестно перелезал через заборы и заглядывал в щели. Обследовал все дома поблизости от имевшихся в поселке водопроводных колонок, но ничего не нашел и, усталый, злой, поплелся на станцию. Оставалась Заводская. Время было уже позднее, быстро темнело.

«Все равно съезжу, — упрямо подумал Трубников. — Другого выхода нет!»

В Заводской Виктору повезло больше, чем на Восьмом километре и на Казачьем разъезде. Сойдя с поезда, он сразу нашел колонку, отсчитал четыре

дома и остановился перед небольшой дачкой, окруженной соснами и мелким кустарником. От калитки к крыльцу вела утоптанная тропинка, в окнах горел свет. Виктор поправил шапку и хотел войти на участок, но в этот момент на крыльце показалась девушка в белом спортивном костюме, в шерстяной шапочке. Нагнувшись, она достала из-под крыльца лыжи.

Уже стемнело, лейтенант не мог разглядеть лица девушки, но ее тонкая фигура, поворот головы, жест, которым она поправила волосы, показались ему знакомыми.

Встав на лыжи, девушка направилась к воротам. Когда она была в нескольких шагах от Виктора, он изумленно сказал:

— Алла!

— Кто это? — голос ее был испуганным. — Виктор? Как вы узнали мой адрес? Вот сюрприз!

— Здравствуйте, — растерянно пробормотал он, подумав: «Так, значит, здесь живет Алла!.. Эта дача принадлежит Хорькову... И Олег Квасницкий... Да нет, что за ерунда!»

— Я вас увидел случайно, — немного оправившись от изумления, сказал Виктор.

— Ну и очень хорошо, — пристально посмотрев на него, ответила Алла. — Я бы с удовольствием пригласила вас в гости, но я всю неделю мечтала покататься на лыжах, и мне не хочется сидеть в помещении. Знаете что? Вы не спешите? Составьте-ка мне компанию! У меня есть еще одна пара лыж, только без палок. Возьмите под крыльцом...

Виктору было не до лыж, но, подумав, он все же согласился поехать с Аллой. Он должен был понять, почему Квасницкий описал дачу Хорькова, выдав ее за дачу своего приятеля. Приезжал ли он именно на эту дачу, или Виктор снова ошибся и нужно продолжать поиски на других станциях?

Они покатались часа полтора по пустынным просекам в сосновом лесу. Виктор пытался узнать что-нибудь у Аллы, задавая ей осторожные вопросы, но она отмалчивалась. Вернулись на дачу.

— Приезжайте еще, — сказала Алла, пожимая Виктору руку.

— Как поживает ваш жених? — рискнул спросить он. Ответа, однако, не получил. Алла заговорила о лыжах, об их прогулке. Вскоре они расстались.

А по пути на станцию Виктор внезапно все понял. Как только он сразу не сообразил! Ну, разумеется, Олег приезжал сюда! Но к губной помаде это не имело отношения. Просто он приезжал в гости к Алле и, наверно, катался с ней на лыжах. Ведь он же ее жених! Не было в этом ничего особенного. День потерял зря. Придется немедленно освободить Олега. Но Виктор опоздал. Хорьков встретил его в дверях кабинета и ледяным тоном спросил:

— Где были? Нашли что-нибудь?

— Нет, — мрачно ответил Виктор. — Моя догадка не подтвердилась...

— Можете быть свободны! — отчеканил капитан. — За неоднократное нарушение социалистической законности я буду ставить вопрос об отстранении вас от работы.

28

Катя три раза пыталась застать Мусю дома, но ей не везло: на дверях висел замок. Задание штаба необходимо было выполнить. Тогда она решила поговорить с Самойловой на заводе. Строители, кстати, жаловались на плохое качество спецодежды и рукавиц. Был предлог зайти на склад.

Когда раздался гудок, Катя надела пальто и заперла контору на ключ. В этот момент кто-то обнял ее за плечи. Она услышала знакомый голос:

— Здравствуй, Катенька...

Это был Аркадий. Они стояли в узком коридоре, прикасаясь друг к другу. Катя мгновенно забыла про свою обиду, у нее из головы вылетели все упреки, которые она намеревалась сказать Аркадию. Ей захотелось уткнуться в его плечо и заплакать. Дрогнувшим голосом она спросила:

— Где ты пропадал?

— Мы ведем себя просто глупо! — с досадой сказал Аркадий. — Страдаем, мучаемся, а зачем? Стоит ли разбирать, кто из нас прав, кто виноват? Мы ведь любим друг друга...

— Это верно, — ответила Катя. — Но мне показалось, ты от меня что-то скрываешь...

— Какие у меня могут быть тайны?

Он поцеловал Катю.

— Как давно мы не виделись! — прошептала она.

— Знаешь, что я решил, — трезво и озабоченно сказал Аркадий, — мы будем жить отдельно. Так лучше. Пройдет время, ты приспособишься к моей маме и разработаешь линию поведения, а пока не стоит с ней ссориться.

Кате очень захотелось сказать, что она не собирается приспособливаться. Ведь не она неправильно себя вела, а Антонина Ивановна. И сам Аркадий поступил не по-мужски, дал свою гостью в обиду!

Но она вовремя сообразила, что такой разговор может плохо кончиться, и ответила:

— Я очень рада, что мы, наконец, помирились... Слушай, ты должен мне помочь. Пойдем.

— Куда?

— Ребята мне поручили поговорить с Мусей, выяснить, что у нее дома. Ты, наверно, слышал об ее брате?

— Чепухой вы какой-то занимаетесь! — усмехнулся Аркадий. — Пойдем, если ты хочешь, но все это никому не нужно.

Отправились в кладовую.

Муся сидела за столом в тесном закутке между полками. На ней был черный халат и белая косынка. В этом наряде она напоминала монашку. Под низким потолком чуть теплилась пыльная лампочка.

— Здравствуй, Самойлова, — сказала Катя. — Мы к тебе по делу. Рабочие жалуются, что рукавицы рвутся. Не скажешь, какая фабрика их изготавливает? Мы туда письмо напишем.

— «Красный партизан», — не поднимая глаз, ответила Муся.

— А комбинезоны откуда ты получаешь?

— Оттуда же.

Катя взглянула на Аркадия. Она не знала, как повернуть разговор в нужное русло. Муся сама ей помогла.

— Письма ваши без толку, — сказала она едко. — Там план выполняют, и ладно. А рвутся или не рвутся рукавицы, им безразлично.

— Плохо же ты думаешь о людях! — ответила Катя. — Тебя послушать, так порядочных-то вовсе нет. Тяжело жить с такими взглядами.

— Это тебе, может, тяжело, — сердито ответила Муся. — Я легкой жизни не ищу, живу не ради удовольствий, как вы.

— А ради чего?

Муся закусил губы.

— А как братишка твой поживает?

— Здоров, спасибо! — Муся встала и подошла к двери. — Ну, мне пора.

— До свиданья, — ответила Катя.

Аркадий помог ей подняться по лестнице. Очувшись на воздухе, под яркими лучами солнца, Катя сказала:

— С ней просто невозможно разговаривать.

— Да оставьте вы ее в покое, — посоветовал Аркадий. — Она все равно вам исповедоваться не будет.

До гудка осталось несколько минут.

— А все-таки отступать нельзя, — задумчиво сказала Катя. — Я просто обязана узнать, что с Мусей. Ведь она совсем недавно была веселой, общительной девушкой. Вечером разыщу ее брата. Попробую у него расспросить.

— Ты хочешь еще после работы этим заниматься? — недовольно спросил Аркадий. — Ну, знаешь... Я вижу, ты просто сгораешь от желания побыть со мной...

— Господи, до чего же ты глупый! — засмеялась Катя и, оглянувшись, поцеловала его в щеку. — Ну, хочешь, пойдем к ней вместе?

Аркадий с кислым видом кивнул.

После гудка он зашел за Катей, и они отправились на Красноозерную улицу. Багровый шар солнца опустился за крышу кинотеатра. Косые лучи отсвечивали в окнах, зажигали на снегу красные искры. Был апрель. Небо сияло по-весеннему. Воробьи, обрадованные теплым ветерком, самозабвенно щебетали на карнизах, разыскивая подходящее место для будущих гнезд.

Детские голоса гулко звенели в большом дворе. Малыши с восторженными криками гонялись друг за дружкой, чинные няньки катали обтекаемые, как ракеты, коляски.

У подъезда стояли два подростка лет по четырнадцати. Судя по злым лицам и сжатым кулакам, они спорили.

— И не проси! — сурово сказал один из подростков. — У нас не детский сад, а серьезная организация. Знаешь, кто нам дает консультации? Летчик, Герой Советского Союза, вот кто! Мне самому пришлось нажать на математику, чтоб не было троек. Ясно? Так что ты не думай и не мечтай. Пока чистый дневник не принесешь, ни о каких моделях не может быть и речи.

— Я же тебе дал слово, — убито ответил униженный проситель. — Ты мне хотя бы разрешил присутствовать. Я просто посмотрю на летчика.

— Нечего на него смотреть, он не картина! — отрезал первый подросток. — Ну, некогда мне тут с тобой...

— Это Игорь! — шепнула Катя. Она подошла к ребятам и сказала: — Здравствуйте. Ты меня узнаешь, Игорек? Я с твоей сестрой вместе работаю...

— Как же, помню, — ответил он, искоса поглядев на нее.

— Нам нужно с тобой поговорить.

— Я спешу, — ответил Игорь. — У меня сейчас кружок.

— Но нам нужно поговорить о твоей сестре, — сказала Катя.

Игорь нехотя отошел в сторону.

— Ну?

— Понимаешь, — сказала Катя, понизив голос, — мы все заметили, что в последнее время с Мусей творится что-то неладное. Раньше была такая веселая, в самостоятельности участвовала, а теперь ее точно подменили. Ни с кем не разговаривает. Сердитая стала. Вот мы и решили, что у вас в семье случилось несчастье. Мы хотим ей помочь. Но мы должны знать, что произошло. У Муси спрашивали, она молчит. Теперь на тебя вся надежда.

— Если вы ей поможете, я скажу. Я все вам скажу, — тотчас же ответил Игорь. — Только как ей помочь? Это нищий старик виноват. После него все началось. Он ей голову задурил. Бегаёт Муська к нему каждый вечер, все вещи туда перетаскала. Давайте сходим туда, сразу все узнаем. Я вас проведу. Это на Никоновском пустыре, за кладбищем.

— Хорошо! — ответила Катя. — Конечно, сходим!

Аркадий кашлянул. Она обернулась; он показал глазами на Игоря и энергично замотал головой.

— А когда мы пойдем? — с надеждой спросил Игорь. — Сегодня?

— Нет, сегодня уже поздно, — ответил Аркадий, сделав Кате знак помолчать. — Может быть, и вообще не стоит идти. Мы посоветуемся и скажем тебе. Ладно? А сейчас нам пора. До свиданья.

— Ходите только, делать вам нечего! — бросил Игорь и, не попрощавшись, ушел.

— Зачем ты так? — с досадой спросила Катя. — Ты все испортил.

— Иначе нельзя. Ситуация-то ясная. Ты просто ничего не понимаешь. У Муськи есть друг, и, наверно, ей не повезло. Попался никчемный. Пьяница. Вещи пропивает. Зачем нам туда идти? В какое положение поставили бы мы Мусю своим непрошеным вмешательством? Ей были бы только лишние неприятности...

— Что же тогда? Не вмешиваться?

— Я этого не говорю. Но вмешиваться тоже надо с умом.

— С умом, с умом! — сердито сказала Катя. — Небось тебя бы касалось, ты бы не был таким осторожным!

Она отвернулась.

— Послушай! — нахмурился Аркадий. — Мы с тобой столько не виделись и в первый же вечер занимаемся черт знает чем! Я в конце концов протестую! Сходим в кино!

Катя вздохнула, улыбнулась и взяла его под руку. Стемнело, зажглись фонари. Возле кинотеатра, как всегда в субботний день, толпился народ. Но люди не пытались взять кассы штурмом. Они стояли в очереди. И мальчишки-спекулянты куда-то исчезли. Никто не набрасывался на прохожих с громким призывом: «Купите билетик, всего пятнадцать рублей!» У входа в кинотеатр стояли трое парней с красными повязками на руках. Катя узнала Димку и Вальку Кабанчика. Третий был ей незнаком.

— Здорово! — сказал Аркадий. — Дежурите?

— Спрашиваешь! — ответил Димка.

— Достань нам с Катей пару билетов.

— Ты что? — сказал Зорич. — Соображаешь, что говоришь?

Катя дернула Аркадия за рукав:

— Они не могут. Они же на дежурстве... Встань в очередь, а я сбегаю домой переоденусь. Возьмешь билеты, приходи. Буду тебя ждать. Договорились?

— Договорились! — нехотя согласился Трайнин, явно недовольный таким оборотом дела.

Катя махнула ему рукой и побежала на трамвайную остановку.

Она была рада, что помирилась с Аркадием. Очень хорошо, что они проведут вечер вместе. Катя сделала сегодня все, что наметила. Вот и к Мусе сходила. Разговаривала с Мусиным братом. Надо было, конечно, пойти с ним... И именно сегодня, когда он сам предложил. В другой день может все сорваться. Как она не подумала об этом? Зачем согласилась идти в кино? Что она скажет Жилинскому, ребятам?

Отец, увидев ее сердитые глаза, молча удалился на кухню и, пока Катя причесывалась, подогрел ужин. Катя с задумчивым и сосредоточенным лицом съела полную сковородку жареной картошки с колбасой, выпила два стакана кофе, и ей стало казаться, что ее ошибка вполне исправима.

— Папа, — сказала Катя, — как ты думаешь, правильно я сделаю, если сейчас уйду? Аркадий должен принести билеты в кино, а мне в кино нельзя. Я вспомнила, что у меня есть очень важное дело.

— Раз нельзя, значит нельзя, — ответил полковник. — Дело прежде всего. Я ему скажу, чтоб не ругал тебя.

— Опять обидится, — вздохнула Катя. — А мы с таким трудом помирились...

— Ничего, не обидится, — ответил Антон Михайлович. — Подумаешь, какой обидчивый!

— Долг и чувство вступили в конфликт. Победил долг, и меня это удивляет, — задумчиво сказала Катя и отправилась мыть посуду.

Она боялась, что не найдет Игоря, но Кате повезло: он чуть не налетел на нее в воротах.

— Игорь! — окликнула его Катя. — Это опять я. Знаешь, я решила, что все-таки надо туда сходить. Ты свободен?

— Это далеко! — ответил он, помолчав.

— Ничего.

— Там темно... Электричество не горит. Вчера одну женщину ограбили. Сняли золотые часы.

— У меня нет золотых часов.

— Я предупредил.

Игорь вышел на улицу. Катя последовала за ним. Черное пальто с короткими рукавами мелькало впереди... Катя старалась не отставать.

Они прошли оживленные улицы и углубились в узкий, кривой переулок, которому, казалось, не было конца. Дома становились все меньше и меньше, фонари попадались реже. Кончился асфальт, потя-

нулся обледеневший дощатый тротуар. Катя с любопытством озиралась. Она и не подозревала, что совсем рядом с универмагом и драмтеатром еще сохранились такие глухие уголки.

Дома тут были похожи друг на друга: приземистые, точно придавленные тяжелой рукой, с покосившимися крышами, потемневшими от непогоды заборами. И за каждым забором захлебывались на разные голоса собаки. Но и в этот уголок пришла большая жизнь: ряд избушек неожиданно прерывался, открывая панораму строительства. За оградой возвышался новый восьмиэтажный дом, одетый в леса. Гроыхая, скользила по воздуху стрела подъемного крана, подъезжали грузовики, нагруженные цементом, белыми каменными плитами, чугунными трубами. Но дальше снова потянулись древние строения... Недолго осталось им жить. Скоро на их месте встанут каменные громады, и дети, играющие сейчас на мостовой, лет через пять забудут про деревянные избушки...

Эти мысли, несомненно, приободрили Катю, если бы переулочек, куда они вошли, не был таким узким и темным. Стены домов сдвигались все теснее. Игорь по-прежнему быстро шел впереди. Катя то и дело отставала, но не решалась его окликнуть.

Внезапно дорогу им преградил какой-то парень. Катя вскрикнула и прижалась к забору.

— Не бойся, — смущенно сказал парень знакомым голосом. — Это я... Не узнала, что ли?

— Михаил! Ты как сюда попал?

— Ходил смотреть, как дом строится. Нам с дядькой обещали здесь комнату дать. А ты?

— Дела... — неопределенно ответила Катя.

— Скоро вы там? — сердито крикнул Игорь.

Посмотрев на него, Михаил сказал:

— Знакомый пацан. Муськи Самойловой брат. Куда он тебя тащит?

— Так... В одно место...

— Понятно. Мне знать не положено? — прищурился Мишка. — Ну, твое дело. Я не навязываюсь. Только учти, места тут неважные. В два счета могут

привязаться. Я хотел тебя проводить, но раз ты не нуждаешься...

— Да нет, ты меня не так понял! — сказала Катя. — Я буду очень благодарна, если ты проводишь. И вообще, знаешь что? Пожалуй, я тебе все расскажу. Это даже хорошо, что мы встретились.

Выслушав историю Муси, Мишка покачал головой:

— Дело пахнет керосином. Как бы нас тут не спустили с лестницы.

— Ничего, здесь невысоко, — пошутила Катя.

Они миновали еще несколько кварталов и остановились перед высоким глухим забором. За ним, в глубине участка, виднелась железная крыша. Дубовые ворота были закрыты. Из дома доносились странные звуки, напоминающие мяуканье кошки или плач голодного младенца.

— Здесь! — прошептал Игорь и схватил Катю за руку.

Мишка уверенно постучал в калитку. Вскоре за скрипел снег, калитка распахнулась, и перед незваными гостями предстала старушка в черной пелерине, похожей на мешок, в белом младенческом чепчике с кружевами и в огромных валенках, в которых она утонула почти по пояс.

— Вы к отцу Герасиму, детки? — спросила старушка.

— Нет, мы, собственно... — начала Катя, но Мишка дернул ее за руку и вежливо ответил:

— Да, конечно, бабушка. Именно к отцу Герасиму.

Старушка, шепча что-то, пошла по тропинке. Мишка и Катя последовали за ней. Игорь остался в переулке. Катя позвала его, но он покачал головой.

Старушка открыла дверь. Катя и Мишка очутились в темных сенях, где пахло кислой капустой и пыльной рогожей. Звуки, которые они слышали с улицы, стали громче. Это было не мяуканье и не плач ребенка. Сквозь бревенчатую стену доносилось монотонное пение. Преобладали женские голоса.

Во мраке зажегся желтый прямоугольник двери.

Мишка и Катя перешагнули через порог и очутились в просторной горнице, забитой народом. Негде было повернуться. Воздух был спертый, тяжелым. Мишку и Катю стиснули так, что у них перехватило дыхание. Слышалась унылая мелодия; толпа колыхалась из стороны в сторону в такт музыке. Женщины были одеты в темные платья и кофты, их лица были потными и напряженными. На стенах в медных подсвечниках мигали тоненькие восковые свечи. В глубине помещения Катя увидела рослого мужчину в длинном, до пят одеянии. Он вкрадчивым голосом запевал, присутствующие дружно подхватывали. Слов разобрать было нельзя.

Молитвенный дом! Как много, однако, здесь было молодежи! Рядом стояла девушка, которую Катя не раз видела за прилавком универмага. У окна шептала молитву совсем юная девочка в школьном платице. А вот и Муся! Ну, конечно, это она! Лицо у нее торжественное. Она с восторгом смотрит на отца Герасима и кланяется так старательно, словно делает утреннюю зарядку...

Все, о чем рассказывал Игорь, внезапно словно прожектором осветилось. Никакого друга у Муси не было. Был лишь «отец Герасим».

Он стоял в своем странном балахоне, в плоском матерчатом колпаке, воздев жилистые руки, закатив глаза под лоб. Верующие смотрели на него с благоговением, а он упивался своей властью над ними. Он читал проповедь. Фразы лились гладко, привычно. Широким жестом он отбрасывал со лба нечесаную гриву длинных седых волос.

Он говорил витиевато и торжественно о боге и о знамениях свыше; эти знамения указывают, как нужно жить. Катя с трудом улавливала смысл его поучений. Люди ничтожны, полны всяческих пороков, в мире царствует обман и фальшь. Только тот добьется спасения, кто отрешится от всех мирских забот, посвятит себя служению богу и непрерывному самосовершенствованию.

Отдав необходимую дань общим фразам, отец Герасим принялся их комментировать, причем после его

толкования они внезапно приобрели совершенно другой смысл. Непрерывное самоусовершенствование, оказывается, следовало понимать как полную покорность лично ему, отцу Герасиму; любой поступок, совершенный с его благословения, автоматически становился угодным богу, и, напротив, всякое самостоятельное действие, какие бы благие цели оно ни преследовало, никак не поощрялось.

Кате показалось вдруг, что она уже видела однажды и эту комнату, обтянутую черным крепом, и тоненькие восковые свечи, и склоненные фигуры женщин, и человека в балахоне с воздетыми руками... Да, конечно, она видела это в кино или в театре...

Все чаще слышались судорожные всхлипывания. Отец Герасим внезапно приподнялся на цыпочки и пронзительно закричал:

— Господь присутствует меж нами, я слышу его, слышу! О Христос, пошли рабам своим ангела небесного, дабы он вразумил нас и отвратил дьявольские соблазны!

Раздался общий вздох восхищения и ужаса. Катя вздрогнула и уцепилась за Мишку, которого толпа прижала к ней вплотную.

На черной стене неожиданно появился светящийся силуэт ангела, как его обычно рисовали на старых картинках, в развевающемся покрывале, с белыми крыльями за спиной. Женщины дружно рухнули на колени и принялись выкрикивать псалмы. Девочка громко плакала на руках у матери, которая привела ее сюда, должно быть, прямо из детского сада... Кате стало не по себе, но тут она услышала шепот Мишки:

— Ну и аттракцион! Ты сообразила? Там же нет стенки, просто деревянная рама, на раму натянута черная материя, а в задней комнате обыкновенный проекционный фонарь...

Под потолком вспыхнула электрическая лампочка. Желтые язычки свечей заколебались и поблекли. Отец Герасим с каплями пота на лбу рухнул в кресло и утомленно прикрыл глаза. К нему по очереди подходили верующие, лобызали его огромную волосатую руку, бессильно свисавшую с подлокотника, и от-

ходили в сторону, к древней старушке с зеленоватыми косицами, завязанными на затылке в тугой пучок... Старушка с отсутствующим выражением лица держала хозяйственную сумку, и женщины, низко кланяясь, клали туда свои дары: скомканные кредитные бумажки, золотые и серебряные безделушки, кольца, браслеты, цепочки...

— Концерт окончен, — шепнул Мишка. — Все ясно!

Они хотели выйти, но какая-то женщина преградила им путь. Подняв глаза, Катя остолбенела. Перед ней стояла Антонина Ивановна, держа за руку Наташу.

— Здравствуйте, — пролепетала Катя.

— Ты зачем сюда явилась? — громко спросила Антонина Ивановна. — Кто тебя послал?

— Никто не посылал, — растерянно ответила Катя.

— Так ли? — прищурилась Антонина Ивановна.

Женщины обернулись. Отец Герасим вытянул шею, стараясь разглядеть Катю.

— Подойди ко мне, девушка, — позвал он. — Катя машинально шагнула вперед. Но Мишка схватил ее за плечи и не пустил.

— Нечего ей ходить! — сказал он отцу Герасиму. — Возьми да сам подойди, если тебе надо.

Эта фраза, никак не гармонизировавшая с торжественной атмосферой, царившей в комнате, взорвалась точно бомба. Женщины окружили Мишку и Катю.

— Взять бы тебе прижечь язык каленым железом, чтоб не оскорблял святого праведника! — сказала одна из них.

— Это он-то святой? — спросил Мишка, ничуть не испугавшись. — Если он святой, тогда я сам Михаил Архангел. Эх вы, божьи овечки, картинку на стене увидели и затряслись. Чудо! Такое чудо можно за три с полтиной в кино посмотреть, по крайней мере дешевле обойдется.

К сожалению, Мишка не успел закончить свою антирелигиозную речь. Женщины вытолкнули его и Ка-

тию в коридор. Катя больно ударилась боком о какой-то ящик.

С трудом она выбралась на крыльцо. Вслед за ней вылетел Мишка, изрядно помятый, без шапки, с всклоченной шевелюрой и огромным синяком под глазом.

— Бежим! — крикнул он. — Быстрей, иначе эти ненормальные дадут нам прикурить. Их там отец Герасим науськивает! Чуть ухо мне не оторвали!

Калитка, к счастью, была не заперта. В переулке Катя остановилась, закрыла лицо руками и всхлинула.

— Ты что? — спросил Мишка. — Стукнул кто-нибудь?

Катя покачала головой.

— Ладно тебе! — взял ее за руку Мишка. — Стоит из-за дураков расстраиваться!

— Я не из-за них вовсе, — ответила Катя. Ей было больно и горько. Как обманул ее Аркадий! Он обманывал ее столько времени! Самый близкий, дорогой человек. Он ведь все знал. И, наверно, сам сюда ходил вместе с матерью, он ведь подчиняется ей во всем. А если даже не ходил, то не мешал ей, давал деньги для этого обманщика. Позволил задурить голову родной сестре. С комсомольским билетом в кармане... Человек с двойной жизнью...

Всего этого не сказала Катя Мишке, и он стоял рядом и растерянно смотрел, как она плакала, не зная, чем ей помочь.

Кто-то нерешительно кашлянул рядом.

— Скоро вы домой? Я вас жду, жду...

Это был Игорь. Он замерз и ежился в своем коротком пальтишке.

— Мы идем, — ответила Катя. — Ты пока ничего не говори Мусе, хорошо?

30

Прошло почти два месяца, пока в милиции разобрались, кто такой отец Герасим. Бандура прислал на завод Хорькова, поручив ему выступить на комсомольском собрании.

Катя была очень рада, что приедет сотрудник милиции. По заводу ползли разные слухи, один другого нелепей: одни говорили, что на квартире у отца Герасима был обнаружен тайный притон бандитов, другие твёрдили, что под маской верующих скрывались шпионы и диверсанты. Девчонки шептались по углам и с жгучим любопытством смотрели на Мусю Самойлову. Та за месяц осунулась, побледнела и стала еще более замкнутой, чем прежде.

Только Аркадий никак не реагировал на происшедшие события, хотя его фамилия повторялась так же часто, как Мусина. Поведение Аркадия, скрывавшего от товарищей существование «молельного дома», должно было обсуждаться в штабе дружины, но разбор этого дела был отложен в связи с тем, что до окончания следствия Жилинский не мог получить от милиции нужных сведений. В конце мая следствие, наконец, было закончено. Ребята ждали только Хорькова, чтобы открыть собрание.

Красный уголок был набит битком. Рядом с Жилинским и Романом Гаевым, которого назначили недавно заместителем командира дружины, за столом, накрытым красным сукном, сидели члены штаба: инженер Горчаков, Димка Зорич и Валька Кабанчик. Катя тоже была членом штаба, но она не вошла в зал, а стояла на улице, с нетерпением глядя на ворота.

Катя ждала Аркадия. Все это время они не встречались. Аркадий ее избегал. Катя была уверена, что он попытается оправдать Антонину Ивановну или хотя бы выгородить себя. Но он, судя по всему, не собирался оправдываться. Он даже не здоровался. Сегодня ему предстояло объяснить свое поведение товарищам, и Кате хотелось поговорить с ним перед тем, как он войдет в красный уголок. Ей хотелось узнать, как он намерен себя вести, раскаялся он или так ничего и не понял?

Со страхом и волнением ждала она этого собрания. От поведения Аркадия теперь зависело, помирятся они или расстанутся навсегда. Он должен был сказать или сделать что-то такое, что позволило бы Кате снова поверить в него... Она заставляла себя

надеяться на то, что это произойдет, но в глубине души уже понимала, что их любви пришел конец... Уж очень мелким врунишкой оказался Аркадий. Он как-то внезапно открылся Кате весь, со всей своей напускной солидностью, эгоизмом, расчетливостью. Она ясно увидела, что рано или поздно им все равно пришлось бы расстаться. Уж очень разные они оказались люди. Но ей было трудно примириться с этим.

Катя в последнее время часто думала о Мишке и как-то невольно сравнивала его с Аркадием. Катя и Михаил встречались почти каждый день. Шибанов вместе с дружинниками помогал лейтенанту Трубникову делать обыск у отца Герасима, раза два был с Катей на дежурстве, правда ни в чем не принимая участия, частенько после работы забегал в штаб. Нетрудно было заметить, что он стал взрослее, серьезнее, как-то спокойнее. В нем чувствовалась сила и внутренняя, глубоко скрытая чистота, о которой, вернее всего, и сам он не подозревал. Катя с интересом присматривалась к нему, каждый день открывая в нем что-то новое. Вот в Аркадии ей все было раз и навсегда ясно с самого начала, но эта ясность была лишь кажущейся. Мишка Шибанов представлялся Кате проще, даже примитивнее, но на самом деле оказался куда сложнее и богаче душой. Он, конечно, не догадывался, что Катя думает о нем, и время от времени грубил ей, по своему обыкновению. Но она не обижалась. Она теперь видела, что грубит он от застенчивости, и ей было странно, что она раньше этого не понимала.

...Коренастый человек в сером пыльнике прошел мимо Кати в красный уголок. Катя узнала Хорькова. Сейчас начнут. Показался Аркадий. Он шагал, помахивая тоненьким прутиком. Лицо у него было спокойное и даже как будто довольное. Катя хотела окликнуть его, но он увидел ее первый и остановился.

— Здравствуй, — тихо сказала Катя. — Я ждала тебя... Ведь ты... тебе тяжело... У тебя сегодня нелегкий день... Я только хотела...

— Почему нелегкий? — спокойно, даже как-то

подчеркнуто равнодушно перебил Аркадий. — Самый обыкновенный день... Ну, пора идти...

Кивнув Кате, он скрылся в красном уголке.

«Как все это глупо!» — с горечью подумала она и, помедлив, последовала за ним.

Выступление Павла Ильича было лаконичным и деловым. Он вытащил из портфеля пухлую папку, положил ее на стол и не торопясь, ровным, размеренным голосом прочел все материалы уголовного дела. В зале стояла напряженная тишина. Когда капитан умолк, посыпались вопросы. Но Хорьков не стал отвечать на вопросы. Он захлопнул толстый том и сухо сказал:

— Попрошу потише, товарищи. Я выступаю в заранее обусловленных рамках. То, что можно, я сам вам объясню. А излишнее любопытство здесь ни к чему. Итак, сейчас перед вами объективно прошла жизнь человека. Жизнь Николая Грязнова, именовавшего себя «отцом Герасимом». Жизнь, целиком построенная на лжи. Какой же вывод мы лично с вами сделаем? Таких, как Грязнов, немного, но они еще есть. Они разъезжают по стране под видом проповедников и действуют в зависимости от обстоятельств. В одном городе они организуют новые секты, в другом примазываются к уже существующим, но повсюду морочат головы доверчивым людям и обирают их. Они сеют вокруг несчастья. У людей, которые поддались их влиянию, разрушены семьи, надломлены судьбы, исковерканы характеры. За примерами ходить недалеко. Такие примеры нам всем хорошо известны, товарищи. Бороться с преступниками, явно нарушающими советские законы, в конечном итоге легко. С такими, как Грязнов, бороться труднее. Они очень часто законов не нарушают. Мы выпустили Грязнова, он уехал из нашего города. Где-нибудь в другом месте он снова может раскинуть свою сеть. Снова будет обирать людей. В подобной обстановке мы, работники милиции, ничего не можем сделать без вашей помощи. В частности, деятельность «отца Герасима» мы пресекли лишь потому, что вы, дружинники, комсомольцы, заинтересовались судьбой товарища. За ниточку вытянулся и весь клубок... Помогайте

же нам и впредь. Разумеется, в дозволенных рамках и без самоуправства, как это в прошлом имело место... До свидания, товарищи!

Хорькову долго и дружно аплодировали. После его ухода приступили к разбору персональных дел Муси Самойловой и Аркадия Трайнина. Первой предоставили слово Мусе. Она вышла к столу и, ни на кого не глядя, сказала:

— Я знаю, что вы меня из комсомола хотите исключить. Дело ваше. Как хотите, так и решайте.

В мертвой тишине она направилась к своему месту. Никто не захотел выступить. Секретарю комсомольской организации завода пришлось поставить вопрос на голосование. За исключение Муси поднялось лишь несколько рук...

— Так нельзя, ребята! — растерянно сказал секретарь — молодой парень, избранный недавно. — Она же сама не хочет быть в организации. Не представила никаких оправданий. Ничего не пообещала. Членские взносы у нее за пять месяцев не уплачены. Как же, по-вашему, мы должны поступить?

— Можно, я скажу? — подняла руку Дуся Карпенко. Она оглянулась по сторонам и укоризненно покачала головой. — Что вы все молчите? Человек перенес такое потрясение. Она же еще не соображает ничего. Дайте ей прийти в себя. Я предлагаю отложить это дело на месяц, взять Мусю под свое шефство, а потом поговорим с ней.

Затем Жилинский коротко рассказал о проступке Аркадия и, сев на место, предоставил ему слово.

Аркадий встал, подошел к сцене.

— Я, собственно, не совсем понимаю, — сказал он будничным, спокойным голосом, — о каком моем проступке идет речь? — Трайнин улыбнулся и развел руками. — Я, например, в своем поведении не усматриваю ничего предосудительного. Тут просто недоразумение. Да, я не сообщал ни в штаб дружины, ни в комитет комсомола о секте «отца Герасима», хотя знал об ее существовании и о том, что моя мать и сестра посещают ее. Но почему я должен был сообщать об этом куда-то? Разве наша Советская Кон-

ституция не гарантирует каждому гражданину полную свободу совести? Я, разумеется, понятия не имел о том, что представлял собой отец Герасим. Я был уверен, что мать просто ходит к какому-нибудь старичку помолиться и считал себя не вправе вмешиваться в ее личные дела. Что касается Наташи, то я не советовал матери таскать сестру в секту, мать не послушалась, но и в этом, мне кажется, винить меня нельзя. Теперь о деньгах. Здесь Кондрат Григорьевич говорил, что я давал матери деньги, которые затем шли в карман Грязнова. Но разве я не обязан был помогать своей родной матери? Я не имею права контролировать, каким образом она тратит деньги. Нет, товарищи, как хотите, но я просто в недоумении... За что меня сейчас судят? За какое преступление? Я не сделал ничего плохого. Так же как и вы, я был возмущен действиями Грязнова, ведь узнал-то я обо всем только сейчас, вместе с вами...

Аркадий говорил еще долго. Он спокойно и методически, пункт за пунктом опровергал все предъявленные ему обвинения, а затем, почувствовав себя увереннее, перешел в наступление:

— Вместо того чтобы тратить время на выдуманные дела, не стоящие выеденного яйца, штабу дружины следовало бы заняться действительно серьезными вопросами, — сказал он, повысив голос. — Вот об этом давайте здесь и поговорим честно и откровенно, по-комсомольски.

Победно оглядев зал, Аркадий сел.

Несколько минут было тихо. Ребята и девушки недоуменно переглядывались. Спокойный, рассудительный тон Аркадия сбил многих с толку. Дело, которое, казалось, не вызывало сомнений, вдруг усложнилось. Поведение Аркадия озадачило ребят. Кто-то неуверенно сказал:

— А может, не будем голосовать? Пускай штаб разберется в рабочем порядке.

— Разбирать-то нечего, и так все ясно!

— Сделать ему замечание!

— На первый раз можно и простить! — раздались голоса.

Катя слушала все эти реплики, и у нее росло чувство недоумения и горечи. Да неужели никто в зале не понял, что Аркадий Трайнин совершил самое настоящее предательство? Как он хитро все повернул! И теперь сидит, самодовольно усмехается! Пожалуй, еще выйдет из красного уголка с высоко поднятой головой. Почему же Кондрат Григорьевич молчит? И Роман?

За секунду перед этим она не собиралась выступать. Не чувствуя под собой ног, Катя встала и медленно направилась к Аркадию; все молча и напряженно смотрели на нее. Почти каждый в этом зале знал об их отношениях. Стало очень тихо. На мгновение Катя увидела близко изумленное, бледное лицо Аркадия, затем оно точно расплылось в тумане.

— Он опять... опять обманывает всех, — тихо, словно про себя, сказала Катя. — Опять в каждом слове обман, обман, обман...

— Неправда! — громко сказал Аркадий. — Никого я не обманываю. Это голословное утверждение. В чем мой обман? В чем конкретно? Пусть Назарова ответит!

— Да в том, что ты притворяешься настоящим человеком! — крикнула Катя. — Всегда ты притворяешься! Ты делаешь вид, что занимаешься общественной работой, что тебя интересуют дела дружины. Ты притворяешься добрым товарищем, принципиальным работником, заботливым сыном и братом. Но все нормальные человеческие чувства — боль, гнев, радость, возмущение — у тебя давно заменило равнодушие. Равнодушие безнадежное, ничем не пробиваемое. Ты утверждаешь, что ничего особенного не сделал и тебя не за что судить. Да никто тебя и не судит в том смысле, в котором ты это понимаешь... Тебя понять хотят те, кто еще вчера считал тебя товарищем. Они хотят понять, можно ли с тобой завтра пойти в разведку. Или быть рядом с тобой в кабине космического корабля. Можно ли вступить в бой с врагом, если за спиной будешь ты? Вот о чем сейчас идет речь, а не о том, какое преступление ты совершил. В том и дело, что ты не совершил ничего, остался

в стороне. Это ведь легче всего — оставаться в стороне. Но как это совместимо с пребыванием в дружине, да не только в дружине, в комсомоле!

— Громкие слова! — пробормотал Аркадий, но чей-то голос оборвал его:

— Помолчи-ка! Говори, Катя!

— Что же тут говорить, — упавшим голосом сказала она, стиснув зубы, чтобы не заплакать. — Вы знаете, что я и Аркадий... Он и меня обманул... Я верила... до сегодняшнего дня верила... А он... как можно так жить? Быть равнодушным ко всему, безразличным к чужому горю, к чужой радости... Теперь у нас есть дружина, но если завтра кто-нибудь попадет в беду и рядом будет дружинник Аркадий Трайнин, я не знаю, поспешит ли он на помощь, не знаю, а ведь на рукаве у него красная повязка, и его обязательно позовут... понадеются на него... И будут обмануты... Так же, как были обмануты все мы, когда Грязнов творил свои грязные дела на глазах у Аркадия Трайнина, которого мы считали своим товарищем...

Катя вернулась на свое место. Аркадий вскочил и что-то закричал, размахивая руками. Она не слышала ни слова. В ушах стоял гул. Встав, Катя торопливо вышла из красного уголка.

Было уже поздно. В темноте слышалось могучее и ровное дыхание завода. Катя села на скамейку, закрыла лицо руками и всхлипнула. Нет, она ни о чем не жалела, просто трудно ей было прощаться со своей любовью, прощаться навсегда.

Долго просидела Катя в сквере. Она успокоилась, вытерла слезы, но в зал решила не возвращаться. Ей не хотелось слушать, как оправдывается и изворачивается Аркадий. В том, что он будет себя вести именно так, она не сомневалась.

Наконец двери красного уголка распахнулись, комсомольцы высыпали во двор. До Кати донеслись голоса, смех.

Она издали узнала светлый пыльник Аркадия. Он медленно шел по аллее, шаркая башмаками по сырому песку. Катя встала; заметив ее, он остановился.

— Ждешь результатов? — спросил он отрывисто. — Что ж, могу сообщить: из дружины исключили, по комсомольской линии строгий выговор. Можешь быть довольна. Твоя цель достигнута.

— Неужели тебе больше нечего сказать? — вырвалось у Кати.

— Да, верно, я забыл тебя поблагодарить, — он с иронической усмешкой приподнял шляпу.

Катя зажмурилась и быстро пошла прочь. Скорее, скорее отсюда! Комок стоял у нее в горле. Все-таки как тяжело оказалось порвать последнюю связывавшую их ниточку!.. Катя почти бежала, но все же услышала фразу, которую он громко сказал вслед:

— Мать меня предупреждала, что ты такая. Ты можешь сделать гадость даже тому, кто тебе близок. Я не верил. Но теперь вижу, что она была права!

Катя не ответила. Не было смысла отвечать.

31

Ларисе не было еще и тринадцати лет, когда мальчишки в детдоме начали проявлять к ней повышенный интерес. Они с невероятно глупыми лицами толкались возле нее на переменах и в столовой, а в классе наперебой совали ей чистые тетради, резинки, промокашки, какие-то особенные перышки и вместе с ними вручали ей свои горячие, юные сердца. Лариса снисходительно принимала ухаживания. Она много читала... В книгах люди жили красиво и интересно, а вокруг все казалось ей таким скучным и обыденным.

Когда она стала старше, в нее влюбился преподаватель физкультуры. Это было уже гораздо интереснее. Преподаватель учился в институте на четвертом курсе. Тем не менее Лариса чувствовала себя гораздо взрослее его. Он был такой робкий и нерешительный, этот красиво сложенный юноша. Он приглашал Ларису кататься на лыжах и учил ее прыгать с трамплина. Он приносил огромные охапки цветов, и девочки в детдоме отчаянно завидовали ей.

А Ларисе было смешно. Она с интересом и удовольствием наблюдала за своими поклонниками. Ее радовало то, что она могла вертеть ими, как ей хотелось.

Окончив девять классов, она поступила на завод ученицей чертежника и перешла в общежитие. Как-то раз в начале весны Лариса случайно зашла в заводской клуб. Там шла репетиция художественной самодеятельности. Кружком руководил профессиональный актер из драмтеатра Ефим Самуилович Яншевский. Широкоплечий мужчина с красивой сединой на висках и выразительными карими глазами. Увидев Ларису в зале, он предложил ей сыграть одну незначительную роль. Яншевский понравился ей, она согласилась. После первой пробы Лариса сразу стала признанной звездой драмкружка. В воскресенье был концерт. Зрители аплодировали. Лариса выходила и кланялась, слегка ошеломленная внезапным успехом.

После спектакля Ефим Самуилович вошел в актерскую комнату, уверенно обнял Ларису и поцеловал.

Она влюбилась в него. Не спала по ночам, пыталась сочинять стихи, мечтала о том, как Яншевский поможет ей стать настоящей актрисой.

Этот роман окончился печально. Жена Яншевского явилась однажды на репетицию и застала Ларису в объятиях мужа. Был скандал. Заводские девушки смотрели на Ларису с укоризной. Она была зла на весь мир.

На заводе ей не нравилось. Люди вокруг были какими-то скучными, думали и говорили только о работе.

Она находила знакомых поинтереснее. За ней ухаживал аккордеонист, игравший по вечерам в ресторане. Его сменил художник. Художник приводил ее к себе домой и рисовал ее портрет. Потом он предложил ей стать натурщицей. Лариса отказалась, но они по-прежнему остались друзьями и часто встречались.

Кроме того, Лариса познакомилась с одним молодым поэтом, выступившим как-то в заводском клубе. Поэт целовал ей руки и посвящал стихотворения.

Она очень обрадовалась, когда Роман вернулся из армии, но ей не понравилось, что он пытается вмешиваться в ее дела. Она привыкла к свободе. Роман был свой, близкий, единственный настоящий родной человек, и именно поэтому Лариса с ним не считалась. Она была в нем уверена. Все равно он будет ее любить. Ведь они брат и сестра. Но после сцены в ресторане и обидного происшествия в клубе Лариса рассердилась на него всерьез... Через некоторое время она решила уйти с завода. Пора было подумать о своем будущем. Лариса была уверена, что пробьется. Ее ждет жизнь, которая и не снилась всем этим сереньким заводским Надям и Катям.

У нее были большие планы. После окончания десятилетки она готовилась подать заявление в театральное училище.

Она не сомневалась в том, что ее примут. Все говорили ей, что у нее большой талант.

Но, посоветовавшись со своими театральными знакомыми, она решила все-таки позаниматься, чтобы прийти на экзамен во всеоружии. Администратор театра познакомил Ларису с пожилой артисткой, которая согласилась давать ей уроки. Они договорились, что Лариса четыре раза в неделю будет приходить к ней домой. К сожалению, по вечерам артистка играла в спектаклях, она могла заниматься с Ларисой в дневные часы. Но днем приходилось сидеть в техническом отделе и копировать опровергшие чертежи. Нужно было срочно найти какой-нибудь выход.

Ей помог администратор. Он устроил ей «левые» концерты. В канун Первомайского праздника Лариса выступала в нескольких детских домах и школах с чтением стихов. Ей за это заплатили. Теперь на книжке у нее лежало две тысячи рублей. Она сняла по объявлению комнату у одной старушки, правда комната была темной, сырой и стоила дорого, зато дом, в который, уйдя из общежития, переехала Лариса, находился на Красноозерной улице, неподалеку от центра города, от театра, вечерних кафе и лучших в городе магазинов.

Перебравшись к старушке, Лариса уволилась с завода. Она рассчитала, что двух тысяч рублей ей вполне хватит, чтобы дожить до экзаменов. Она была очень довольна, что избавилась, наконец, от надоедливых соседок по общежитию, которые почему-то обязательно желали быть в курсе ее дел, от членов комитета комсомола, непрерывно воспитывавших ее, от начальника техотдела, задумавшего во что бы то ни стало сделать из нее конструктора, от Романа, который обязательно хотел ее опекать. А она желала жить так, как нравится ей, а не им всем! Чтобы избавиться от ненужных расспросов, она даже не снялась с комсомольского учета, но ее увольнение не прошло незамеченным. Лариса должна была участвовать в концерте самодеятельности и уже несколько раз репетировала новую роль. Заменить ее было некем.

— Вы нас поставили в катастрофическое положение, — сказал завклубом, толстый добряк дядя Женя. — Скажите, может быть, вас кто-нибудь обидел? Я все улажу...

— Нет, я ухожу, — ответила Лариса. — Птичке надоело сидеть в клетке.

Она сама толком не знала, что имела в виду, говоря о птичке и о клетке, но дядя Женя понял ее именно так, как ей хотелось.

— Что ж, — сказал он. — Желаю счастья. Не забывайте нас, Лариса.

Она боялась, что Роман, узнав обо всем, не решит ей взять расчет. Она знала, что если он будет настаивать, чтобы она осталась на заводе, то придется подчиниться. Лариса все-таки очень его уважала. Но удалось так все сделать, что Роман не успел ей помешать. Лариса даже не оставила ему свой новый адрес, решив, что позже, когда она устроится и добьется первых успехов, он все поймет и не осудит.

И вот она началась, эта новая жизнь. Нельзя сказать, чтобы эта жизнь была беззаботной и легкой. Артистка выматывала из Ларисы все силы, заставляя ее по сто раз произносить одну и ту же фразу. Лари-

са приходила с занятий совершенно разбитая и без сил падала на кровать. Артистка говорила с ней таким тоном, что Лариса с трудом заставляла себя снова придти на урок!

— Вы, деточка, совершеннейшая бездарность! — слышала она ровно четыре раза в неделю. — Кто вам сказал, что из вас получится актриса? Вы воображаете, что актерский труд — это так себе, развлечение? Как вы держите корпус? Возьмите зеркало, взгляните на свое лицо. Оно же не грустное, не отчаявшееся, как полагается по роли, а просто глупое... Вот опять вы улыбаетесь. Что за жалкая улыбка! Вы женщина или деревяшка? Вы должны возмущаться, рыдать, наконец! Да, рыдать!

Но Лариса улыбалась. Она знала, что Белла Фаддеевна ее любит и верит в нее, а ворчит просто потому, что у нее такой метод. Однако вытерпеть этот метод мог не всякий. Лариса вытерпела...

Кроме того, она должна была каждый день ходить в вечернюю школу. У нее были тройки по всем предметам. Лариса злилась, что ей приходится учить все эти никому не нужные химию, физику, литературу, но у нее не было другого выхода: без аттестата зрелости нечего и соваться в театральную студию.

С грехом пополам она сдала школьные экзамены и вздохнула свободнее. Теперь дорога в институт была открыта.

В июне Роман, наконец, разыскал ее. Он пришел к ней вечером после работы. Роман сидел на ее кровати, большой, неловкий, и грустно оглядывался по сторонам. Его сильные, загорелые руки тяжело лежали на коленях.

— Прости меня, — с искренним раскаянием сказала Лариса. — Я, конечно, свинья, но ты за меня не волнуйся. Все в порядке. Я уже выдержала экзамены в театральную студию, мне дали ответственную роль, за эту квартиру платит студия, я всем довольна... Не нужно больше вмешиваться в мою жизнь...

— Хорошо, я не буду вмешиваться, — тихо ответил Роман. — Но знать о том, как ты живешь, я должен.

Ну вот, кажется, он опять намерен прочитать ей нотацию... Лариса вздохнула с облегчением, когда Роман ушел.

Миновал месяц... настал решающий день.

Утром Лариса забежала в кафе, наскоро позавтракала и отправилась в студию. Ее тяготило, что она нахвасталась Роману. Это было дурной приметой. Но это было уже давно и могло не принести вреда... Ровно в полдень должен был начаться первый тур конкурсных вступительных экзаменов по мастерству.

Лариса трусилась, но страх как рукой сняло, как только она подошла к столу экзаменаторов. Уроки пожилой актрисы не пропали даром. Лариса с подъемом прочла отрывок из романа «Молодая гвардия», басню Сергея Михалкова «Лиса и бобер», затем, по просьбе членов комиссии, показала несколько этюдов. Лариса чувствовала, что произвела хорошее впечатление; она не ошиблась. На другой день в коридоре студии был вывешен список абитуриентов, допущенных ко второму туру, среди них Лариса нашла и свою фамилию.

Неделя промелькнула словно в тумане. Лариса испытывала чудесную уверенность в своих силах, в своем таланте. У нее будто крылья выросли. Ее приметили. Экзаменаторы уже переглядывались и ласково улыбались, когда она входила в комнату. А сцену из пьесы «Фабричная девчонка» Лариса провела с таким блеском, что председатель приемной комиссии, заслуженный артист республики, старый седой человек, даже поаплодировал ей.

— У вас это хорошо, естественно вышло, — сказал он при всех.

— Я же работаю на заводе, — скромно ответила Лариса. — Героиня так близка мне...

Она уже знала, ей сказали по секрету, что все в порядке, она прошла творческий конкурс и допущена к экзаменам по общеобразовательным дисциплинам. Ее поздравляли, многие с завистью косились на нее, и вдруг разразилась катастрофа.

Собственно, Лариса могла бы ее предвидеть, если бы не была так ослеплена своим триумфом. На пер-

вом же экзамене по литературе она получила двойку за сочинение. Двойку! Это был крах! Теперь ей не мог помочь даже сам председатель приемной комиссии. Впрочем, Лариса и не обращалась к нему. Ей было стыдно показываться на глаза знакомым.

Неделю она просидела в своей комнатке на Красноозерной. Лариса была в таком отчаянии, что ей приходили в голову даже мысли о самоубийстве. Но она слишком любила жизнь, чтобы решиться на это.

Положение было отчаянным. Деньги кончились. Старушка, хозяйка квартиры, перестала называть Ларису «деточкой» и все чаще заводила разговор о том, что самым крупным недостатком у современных молодых девиц является неаккуратность в денежных расчетах. Лариса отмалчивалась. Заплатить за комнату она не могла.

Чтобы поменьше встречаться с хозяйкой, она придумала способ: с утра выходила из дома и бродила по улицам. В день она тратила по шесть рублей. На полтора рубля покупала черного хлеба, на два — бутылку молока. Два с полтиной стоил билет в кино на дневной сеанс. Занимать у знакомых казалось ей слишком унижительным.

Но однажды, порывшись в сумочке, Лариса обнаружила, что у нее не осталось буквально ни копейки. Она кое-как дотерпела до вечера, пораньше легла спать и, проснувшись в семь часов утра от голода, поняла, что дошла до точки. Нужно было срочно что-то предпринимать. Но что?

Вернуться на завод? Поклониться начальнику отдела и сказать: «Артистки из меня не вышло, возьмите, пожалуйста, снова на работу!» И Роман скажет ей: «Вот видишь, я же тебя предупреждал!» Нет, только не это. Лучше умереть от голода, чем унижаться!.. Попросить у Романа денег? Он-то, конечно, даст, он все сделает для нее, но это опять-таки значило признаться в своем поражении. Нет и еще раз нет! Внезапно в голову Ларисе пришла спасительная идея.

Она вспомнила: театральные знакомые ей рассказывали, что в центре города возле драмтеатра, напро-

тив универмага, существует так называемая «актерская биржа». Актеры, желающие устроиться на работу, собираются там и ждут, пока их куда-нибудь пригласят. На эту улицу специально приезжают режиссеры из разных городов и тут же, на месте, договариваются с артистами. Здесь создаются «левые» концертные бригады, которые разъезжают затем везде и всюду, здесь можно услышать самые свежие и достоверные сплетни, короче говоря, жизнь кипит ключом.

«Пойду туда! — решила Лариса. — Может быть, меня примут на работу в какой-нибудь клуб».

Жестко страдая от голода, она отправилась в центр пешком, так как у нее не было денег даже на троллейбус.

На проспекте возле драмтеатра действительно оказалось что-то вроде биржи. Бойкие молодые люди в зеленых шляпах толпились возле подъезда областного управления культуры и шептались с заговорщицким видом. Музыканты, придерживая локтями футляры скрипок и кларнетов, составляли автономную группу. Представители эстрадных жанров, иллюзионисты, акробаты и конферансье выглядели наиболее преуспевающими. У них были самые модные полуботинки и самые свежие сорочки. Они с пренебрежительными усмешками взирали на своих, менее удачливых коллег. Время от времени то к одной, то к другой группе подходил важный мужчина с румяными щеками. Вокруг него мгновенно образовывался водоворот зеленых шляп. Разговор происходил в приглушенных тонах и заканчивался обычно тем, что важный гражданин входил в дом, где помещалось управление культуры, а за ним тянулись улыбающиеся счастливицы.

На улице кипела жизнь... А в управлении культуры за столами, заваленными входящей и исходящей перепиской, со скучающими лицами сидели штатные работники этого учреждения. В их задачу входило налаживать контакты с артистами и направлять их на работу в те театральные организации, откуда поступали соответствующие запросы. Но они самоустранились от этой хлопотливой деятельности, предо-

ставив артистам устраиваться самим и занимаясь лишь заполнением анкет и оформлением подъемных.

Лариса остановилась в почтительном отдалении от шепчущихся шляп и грустно потупила глаза. Лишь очутившись здесь среди энергичных и беспечных актеров-профессионалов, она поняла, какой иллюзорной была ее последняя надежда.

Но иногда терпят крах абсолютно верные предприятия и сбываются самые фантастические мечты. Самостоятельный гражданин, покончив с контрабасистами и обнадежив героев-любовников, бродил теперь по улице в поисках подходящей артистки на роли мальчиков. Умильно улыбающиеся дамы средних лет с шаловливыми кудрями, попадавшиеся ему навстречу, вызвали у режиссера скуку. Он вежливо приподнял шляпу и проходил мимо. Но вот взгляд его остановился на Ларисе. И участь ее была решена!

— Вы в отъезд? — спросил он, еще не вполне веря, что ему так повезло. — Я из города Реченска. Учтите, у нас районный центр, театр маленький, только что организовался на базе Дома культуры цементного завода, ставки скромные. Кроме того, я не могу оплатить вам дорогу. Придется ехать за свой счет.

Говоря это, режиссер в глубине души принял твердое решение пойти на все возможные уступки, если Лариса заартачится. Он был уверен, что услышит сейчас жесткие условия, и уже приготовился к деликатной и джентльменской торговле, но Лариса ответила:

— Хорошо, я поеду...

— Где вы играли? — спросил обрадованный режиссер, выхватив из кармана записную книжку и позолоченный карандаш. — В Театре юного зрителя?

— Нет, — тихо сказала Лариса... — Я... я только в самодеятельности. Меня приняли в училище, а потом я провалилась по литературе... Я вас прошу, посмотрите меня... Может быть, я вам подойду.

Взглянув на умоляющее лицо Ларисы, режиссер растрогался и, несмотря на то, что очень сомневался в целесообразности этого предприятия, все же согласился ее проэкзаменовать. Она ему понравилась.

Он не пожалел о своем решении. Сильный, звучный голос Ларисы, неплохая дикция в соединении с молодостью и обаянием произвели на него некоторое впечатление. Он был опытным режиссером и педагогом и почувствовал, что из девочки может выйти толк.

— Я вас беру! — заявил он торжественно. — Ставка пятьсот пятьдесят рублей и почти заглавная роль в пьесе, которую я собираюсь ставить. Квартирой мы не обеспечиваем. Проезд, как я уже сказал, за ваш счет.

— Я согласна, — прошептала Лариса, потеряв голос от радости.

— Жду вас в Реченске через неделю, — деловито сказал режиссер. — Не опаздывайте, иначе придется отдать ваше место кому-нибудь другому. Прямо приходите в драмтеатр, спросите главного режиссера Глеба Глебовича Сентябрьского.

— Я не опоздаю! — заверила Лариса. — Можете быть спокойны!

— В таком случае до скорой встречи.

Режиссер наградил ее улыбкой и скрылся в массе зеленых шляп. Лариса побежала домой. Но по дороге ей стало плохо. Ей так хотелось есть, что она не могла идти. Она села на скамейку в каком-то сквере и заплакала от слабости, от отчаяния и от досады. Подумать только! Ей сказочно повезло — ее приняли в театр, сразу в театр без всякого института, в театр, а не в клуб, на ее счастье, в этом районном центре организовался настоящий театр... Значит, она действительно талантлива! Но надо же так случиться, чтобы это произошло именно в такой момент, когда у нее нет денег не только на дорогу в Реченск, но даже на обед!.. Счастье совсем близко, надо лишь протянуть руку, но руки у Ларисы связаны.

Судьба просто издевается над ней! А к Роману она ни за что не обратится. Ни за что!

Когда стемнело, она отправилась домой; в голове не было ни одной мысли. Лариса словно в полусне брела по улице. У нее болели ноги, сосало под ложечкой. Она решила добраться до Красноозерной на

трамвае. Подойдя к остановке, Лариса смущенно обратилась к девушке в черной железнодорожной форме, тоже ожидавшей трамвая:

— Простите... Не дадите ли вы мне тридцать копеек? Это очень глупо, но я так устала, и у меня нет денег...

Девушка с готовностью достала деньги и тоже смутилась:

— Конечно, конечно... С каждым может случиться...

Поблагодарив, Лариса отошла в сторону. Как назло, трамвая долго не было. Наконец он подошел. Она хотела сесть в вагон, но кто-то тронул ее за плечо. Обернувшись, Лариса увидела молодого человека в узких полуботинках и в белой сорочке, надетой навыпуск, поверх брюк. Казалось, что он только что встал с постели и забыл заправить ее за пояс.

— Извините, — сказал молодой человек. — Неужели это вы, Лариса?

Лариса немного оживилась, узнав своего знакомого художника. Она совсем забыла о нем за эти месяцы.

— Здравствуйте, Олег. Как вы живете?

— Я-то хорошо, — ответил Олег Квасницкий. — А вы как? Судя по вашему лицу, вас преследуют неудачи!

— Представьте, вы угадали, — сказала Лариса. — Мне здорово не повезло...

— А что случилось?

— Долго рассказывать... И, пожалуй, не стоит.

— А какие у вас планы на вечер?

Она пожала плечами и горько усмехнулась.

— Что, если я вам предложу поехать ко мне? Представьте, у меня сегодня день рождения. Мы договорились с друзьями встретиться у меня, посидеть, выпить, потанцевать. Будут только самые близкие товарищи... У нас не хватает одной девушки. Знакомая моего приятеля, которая обещала прийти, внезапно заболела... Мы в катастрофическом положении. Выручайте!

— Что же, пожалуй, я согласна, — ответила Ла-

риса, не успев даже обдумать это неожиданное предложение. В первую же минуту у нее мелькнуло, что, как бы там ни было, она сможет поужинать. Раз они собираются пить, есть же у них закуска! Ларисе так хотелось есть, что ради хорошего ужина она готова была пойти куда угодно.

— Вот и прекрасно! — обрадовался Олег. — Нам придется пять минут подождать, сейчас сюда явятся мои друзья. Мы договорились встретиться здесь.

Вскоре возле них остановился долговязый юноша с чрезвычайно мрачным и недовольным выражением лица. Черный чуб падал ему на глаза, он по локти засунул руки в карманы и, знакомясь с Ларисой, даже не подумал вынуть их оттуда.

— Геннадий! — отрывисто буркнул он.

Вслед за ним подошли две девицы, сопровождаемые еще одним молодым человеком. Этот юноша, как бы в противоположность своему приятелю, был весьма упитанным и обладал, несмотря на свой сравнительно юный возраст, уже солидным брюшком. Его звали Женей.

— Лена, Люда, — хором отрекомендовались девушки, окинув Ларису ревнивыми взглядами. Но ее измятое и пыльное платье явно не выдерживало сравнения с их тщательно продуманными нарядами, поэтому они быстро успокоились и дружелюбно заговорили с Ларисой.

Теперь все собрались, можно было ехать.

Войдя в квартиру, Лариса прежде всего бросила жадный взгляд на стол. Она была жестоко разочарована. В спиртных напитках не было недостатка: стройными рядами на столе выстроились коричневые бутылки с «двойным золотым» пивом, по соседству с ними красовался вместительный графин с янтарной жидкостью, очень похожей на коньяк, а рядом с графином возвышалась литровая четырехгранная бутылка, на которой золотом сияла замысловатая этикетка с внушительной надписью: «Джин». Но с закуской дело обстояло хуже. На фарфоровой тарелочке лежала колбаса, возле графина сиротливо желтел худосочный лимон, Несколько шоколадных конфет, раз-

брошенных по столу, завершали ансамбль. На ужин надежда была плохая.

Но не уходить же? Да и куда, собственно, могла Лариса уйти? В комнату к старушке?

Она сняла шляпку и направилась к столу.

— Ох, есть хочется, ребята! — призналась она, зная, что в подобном обществе ее заявление будет воспринято просто как милая шутка.

Молодые люди наполнили бокалы. Олег включил магнитофон.

Все, что происходило потом, запомнилось Ларисе смутно. Она выпила два больших бокала джина, и все предметы вдруг поплыли перед ее глазами. Кто-то приглашал ее танцевать, она с пьяной улыбкой кружилась по скользкому паркету, судорожно хваталась за чьи-то плечи, чтобы не упасть. Кажется, играли в «бутылочку», и Лариса с кем-то целовалась... Одна пластинка сменяла другую, девушки вдруг стали собираться домой. Они не пригласили Ларису пойти с ними, не напомнили ей, что уже поздно и неудобно больше оставаться здесь... Лена и Люся только переглядывались, кивая на совершенно опьяневшую Ларису, которая танцевать уже не могла и, обессилев, лежала на диване, бледная, как мел, с закрытыми глазами...

Она не заметила, как ушли девушки, как Олег убрал со стола. Ей казалось, что она все еще шутит, и смеется, и рассказывает им, как ей необыкновенно повезло. Ведь ее приняли в театр!..

Лариса очнулась под утро. Окно было густо-синим, в открытой форточке блестела бледная звезда. Открыв глаза, она не сразу поняла, где находится. У нее нестерпимо болела голова, было сухо во рту. Шевельнувшись, она прикоснулась к чьей-то руке и отшатнулась. С каждой минутой становилось светлее. Приподнявшись, она увидела рядом с собой Олега... Он спал... Лариса вскочила, охваченная ужасом.

Проснулся Олег. Несколько минут он тупо смотрел на нее, затем улыбнулся и сонным голосом принялся уговаривать Ларису успокоиться и не подни-

мать шум. Подумаешь! В конце концов ничего особенного не случилось!

Эта фраза возмутила ее.

Она заплакала и рванулась к двери, но Олег схватил ее за плечи.

— Ты что! — прошептал он. — С ума сошла?

Он очень испугался, Лариса поняла это по его лицу.

— Что ты хочешь делать? — сказал он, улыбаясь дрожащими губами. — Я виноват, прости... Я никогда бы не осмелился... Но ты всегда так нравилась мне... И вчера мы здорово выпили... Я сделаю все, что ты захочешь... Я же люблю тебя в конце концов... Ну, успокойся, ляг... Еще очень рано. Я могу уйти в другую комнату.

Ей стало плохо, он помог ей добраться до дивана. До утра она проплакала.

— Мне нужно сходить в одно место, — сказал Олег, умывшись и надев костюм. — Ты свари себе обед, поешь, отдохни как следует. Вечером я вернусь, и мы поговорим обо всем. Хорошо?

— Я сейчас уйду, — сказала Лариса тихо.

— Куда ты пойдешь? — спросил он. — Не делай глупостей. У тебя же нет ни копейки. Лучше подожди меня, я достану денег.

Он надел шляпу и вышел. Лариса бросилась к двери, но Олег запер ее снаружи.

В полдень Лариса сварила картошки и поела. Олег не возвращался. Дверь была заперта. Может, он бросил ее здесь и не придет совсем? От него всего можно ожидать. «Если я не приеду в Реченск, все пропало!» — подумала Лариса. Четвертый час. Время уходит, а она сидит здесь, точно в клетке. Ну нет, хватит! Лариса ожесточилась. Ей необходимо уехать, и она уедет! Нужны деньги, и она их достанет. Она не останется тут больше ни минуты!

Лариса подбежала к шкафу и, распахнув дверцу, увидела клетчатые пиджаки и полосатые брюки, коверкотовые плащи и драповые пальто с модными покатыми плечами. В нижнем отделении была обувь: желтые полуботинки на каучуковой подошве и белые

босоножки на высоких, почти дамских каблуках, шевровые сапоги и вишневые ботинки, подбитые цигейкой.

Лариса схватила на кухне сумку и сложила в нее первое, что попало под руку: отрез дешевого ситца, шелковое кашне, сапоги и две трикотажные тенниски с «молниями».

Оставив шкаф открытым, она подошла к столу и написала Олегу записку: «Я уезжаю в Реченск. Взяла у тебя кое-что из вещей. Продам их и куплю билет. После первой полочки верну долг, можешь не волноваться».

Оставив записку посреди стола, Лариса после долгих усилий кое-как открыла замок и вышла на улицу. Ей казалось, что все прохожие провожают ее подозрительными взглядами. Она разыскала скупочный магазин и выложила на прилавок вещи. Пожилой продавец утомительно долго ощупывал и переворачивал сорочки и башмаки. Наконец равнодушно сказал:

— Ваш паспорт.

— Вот, пожалуйста, — ответила она. Ей не пришлось в голову, что теперь ее легко смогут найти. Она не собиралась ни от кого прятаться.

Получив деньги — двести сорок рублей, Лариса немедленно поехала на вокзал. За чемоданом она заходить не стала. Хозяйка потребовала бы уплатить за квартиру, а платить было нечем. «Ничего, — решила Лариса, — я ей напишу из Реченска, переведу деньги, а она вышлет мои вещи».

Билет в жестком бесплацкартном вагоне стоил шестьдесят три рубля. Поезд отправлялся через сорок минут. Сев в вагон, Лариса почувствовала себя спасенной. Она актриса, она едет работать в театр, и у нее даже есть деньги на первое время.

Ночь Лариса проспала как убитая, а в восемь часов утра ее разбудил проводник. Пассажиры, уже одетые, с чемоданами в руках, толпились в проходе. За окном медленно двигались облитые солнцем дома. Реченск.

Еле успев натянуть платье и причесаться, Лариса

выскочила из вагона. Румяные женщины в белых передничках продавали цветы. Лариса купила букет и, прижимая его к груди, побежала в город. Театр находился недалеко, на площади. Подойдя к подъезду, Лариса внезапно оробела. Она оглядела себя и пришла к выводу, что имеет очень легкомысленный вид без вещей и с этим букетом. Сунув цветы в ближайшую урну, она нашла галантерейный магазин и купила за восемьдесят рублей красивый желтый чемодан с никелированными замками и витой ручкой. Размахивая чемоданом, она помчалась в театр и подоспела как раз вовремя, режиссер выходил из подъезда.

— Здравствуйте, — сказала Лариса. От волнения у нее подкосились ноги.

— А, приехали! — довольно равнодушно ответил Глеб Глебович. — Ну, подыщите себе квартиру, а завтра в одиннадцать приходите в дирекцию. Мы вас оформим, познакомим с труппой и, возможно, сразу введем в спектакль. Простите, но я спешу...

— Спасибо, — прошептала Лариса ему вслед и отправилась искать комнату.

...Ее театральная карьера окончилась так же внезапно, как началась. Это случилось через восемь дней после того, как Лариса приехала в Реченск. Ее уже оформили на работу, даже выдали аванс. Она пришла утром на репетицию и встретила на лестнице Сентябрьского. Увидев ее, он опустил глаза и каким-то неестественным голосом сказал:

— Ступайте к директору, Лариса. Он вас вызывает...

У нее вдруг упало сердце. Чувствуя, что произошло несчастье, и в глубине души даже догадываясь, в чем дело, Лариса вошла в кабинет. На диване сидел мужчина в белом костюме и мокрой от пота вышитой кофеворотке. Директор писал что-то и не взглянул на Ларису. Зато незнакомый мужчина встал, внимательно посмотрел на вошедшую и спросил:

— Вы будете Гаевая Лариса?

Получив утвердительный ответ, он вздохнул, до-

стал из кармана красную книжечку, показал ее Ларисе и деловито сказал:

— Вот таким образом, Гаевая. Поедем обратно. Вещи у вас есть?

— Я ничего не понимаю, это какое-то ужасное недоразумение, — пробормотала она. Директор поднял голову и взглянул на нее с жалостью и недоверием.

— Я тоже надеюсь, что вы не виноваты, Лариса, — сказал он. — Если все это действительно ошибка, возвращайтесь... Мы всегда возьмем вас...

— Я обязательно вернусь! — с отчаянием ответила Лариса.

В коридоре она расплакалась. Мужчина в белом костюме терпеливо ждал, пока она вытрет слезы.

Лариса плакала всю дорогу, ненадолго успокаивалась и снова начинала рыдать. Ее молчаливый спутник поил ее водой, капал в стакан валерьянку, которую специально купил в аптечном киоске на станции, и неумело успокаивал:

— Брось, не убивайся... Мало ли что случается. Ну, сделала ошибку, отсидишь срок, вся жизнь будет еще впереди...

От такой перспективы Ларисе становилось дурно.

Она не могла понять, как после всего, что было, Олег осмелился заявить на нее в милицию. Неужели у него совсем нет совести? Ведь он же понимал, что она была в безвыходном положении. На одну выпивку он затратил больше денег, чем выручила Лариса за эти старые вещи... Почему, почему он так низко поступил с ней!

Но оказалось, что Лариса была еще слишком хорошего мнения об Олеге.

Когда ее привезли в город и на второй день вызвали из пересыльной тюрьмы к следователю Красноозерного района, она узнала, что обвиняется в краже различных ценных вещей и наличных денег из квартиры Квасницкого на общую сумму в двенадцать тысяч триста сорок семь рублей.

Услышав эту цифру, Лариса перестала плакать и с недоумением спросила:

— Сколько? Двенадцать тысяч? Это за две рубашки и за ботинки? Дорого же он ценит свое барахло! Впрочем, мне все равно...

Капитан Павел Ильич Хорьков, к которому попало это дело, смотрел на нее, нахмурившись.

— Нет, Гаевая, речь идет не о двух рубашках, — сказал он. — Гражданин Квасницкий утверждает, что, придя домой, обнаружил исчезновение многих вещей, в частности беличьей шубы, принадлежащей его матери, затем двух золотых часов, браслета, трех с половиной тысяч наличными, которые хранились в шкафу у отца, ну, и, наконец, этих самых теннисок и ботинок, о которых вы упомянули... Советую вам говорить правду. Куда вы все это дели?

— Это неправда! — закричала Лариса. — Клянусь вам, это неправда, неправда!

Она уронила голову на стол и разрыдалась с таким отчаянием, что Павел Ильич был вынужден прекратить допрос и вызвать врача.

32

Погода жаркая, по цеху гуляет горячий ветер. Многие ребята разъехались по домам отдыха и санаториям. По вечерам в прохладной комнате штаба собирается всего пятнадцать-двадцать человек. Но дежурства продолжаются. Только прибавилось работы тем, кто никуда не уехал: Жилинскому, Димке, Роману...

В прошлом году в эту пору Ромке вздохнуть было некогда. Он не мог никого доискаться. Все приходилось делать самому: и стенгазету выпускать, и собирать членские взносы, и рисовать «молнии». Активисты, помощники Романа, так же как сейчас, разъехались кто куда, и Роман остался один. После работы ребята и девушки спешили на пляжи и на водные станции. Роману приходилось подолгу упрямивать каждого задержаться хотя бы на полчаса...

Теперь положение совсем иное. Так же, как в прошлом году, друзья Романа купаются в Черном море и путешествуют по горам Крыма и Кавказа,

так же молодежь после гудка торопится на пляж, но помощников у Романа хоть отбавляй. Никого не приходится упрашивать и уговаривать. Ребята сами заходят в комитет и предлагают свои услуги. Новое дело еще больше сплотило их. Во время дежурств они лучше узнали Романа, и он по-настоящему познакомился с ними. Он знал теперь, у кого какие заботы, планы, огорчения, радости... Триста комсомольцев в цехе, триста друзей. И с каждым его теперь связывает невидимая, но прочная нить. Ромке не приходится ничего специально организовывать. Каждое дело воспринимается ребятами как само собой разумеющееся. Он вспоминал о сомнениях, тревоживших его зимой в больнице. Их уже не было, появилась уверенность в правильности и необходимости той работы, которую он вел. Эта работа по-настоящему увлекает. В ней только теперь до конца раскрылся смысл слова «комсорг»...

И все же времени свободного у Ромки почти не остается. Он еще даже не купался ни разу. Забот в последнее время прибавилось. Его назначили бригадиром комплексной комсомольско-молодежной бригады. Народ в бригаде разный. Тут и Димка, и Дуся Карпенко, и Васька, озорной, непутевый Васька, недавно окончивший ремесленное училище. На уме у него еще не работа, а детские игры. Глаза голубые, невинные, как у младенца, нос пуговкой и хитер необычайно. Его ругают за то, что он не выполняет нормы, так он что отколол — во время обеденного перерыва стащил со склада готовой продукции десятка два втулок, которые должен был вытачивать, и сложил в свой ящик, будто он их за смену сделал... А когда его поступок разбирался на общем собрании бригады, вдруг расплакался совершенно, как ребенок, и Роману пришлось еще его утешать... Но Васька — это еще ничего. Гораздо труднее поладить с Мишкой Шибановым. Роман сперва не хотел даже брать его в бригаду, но потом сказал себе: «Что, собственно, я против него имею? Ну, грубоват. А работает-то хорошо... Ничего, общими усилиями как-нибудь его воспитаем...» Однако воспи-

тать Мишку оказалось не так-то легко. К нему не знаешь, с какого бока подойти. Недавно Ромка попытался было поговорить с ним о жизни, о том, как он представляет себе свое будущее... Шибанов слушал минут пять, кивая головой, потом широко улыбнулся и ответил:

— Брось, Ромка. Я и сам кое-что понимаю, не считай меня чересчур темным. Ты свою дорожку нашел? Ну и шагай по ней, не оглядывайся. А свою я сам поищу. Ясно?

Это Роману понравилось. Что ж, если он начал задумываться о своих дорогах, это уже неплохо... Плохо то, что характер у него очень трудный. Просто невозможный. Мишка ухитрялся каждый день вступать с кем-нибудь в жесточайший конфликт. То с мастером поругается, то с Димкой, которого он почему-то особенно невзлюбил, то с собственным дядькой Иваном Кузьмичом. Каждый вечер Роман слышал жалобы на Шибанова. А в последнее время он стал просто странным. Частенько замечается так, что лучше к нему не подходить; станок работает, а он стоит, подняв глаза в потолок, и не дай бог сделать ему замечание: глянет так, что невольно поежишься...

Сложный он все-таки человек... Очень сложный... Роман часто злится на него, но ему почему-то очень хочется с ним подружиться. Наверно, именно потому, что это так трудно...

Кроме этих забот, есть и другие. Лариса!

Как же так он прозевал ее? Он потерял сестру. Он ничего не знает о ней. Ее жизнь проходит где-то в стороне. Девчонка очертя голову летит куда-то. Неизвестно, что ее ждет, а Роман не в силах ничего сделать. Вот тебе и дружинник и секретарь комсомольский, для самого близкого человека не смог найти единственно нужных, верных слов... Роман больше не спрашивал себя, любит он ее или нет. Он гнал такие мысли, но они возвращались и не давали ему покоя... Перед глазами стояла Лариса... Смеялась, дразнила и звала куда-то... Нет! Никуда она его не звала! Она просто забыла про Романа. Он теперь совсем редко бывал у нее в комнатке на Красноозер-

ной. Ему становилось так горько, что он спешил уйти. Лариса его не удерживала. Иногда он пытался себя утешить. Ну, что страшного случилось? Ушла с завода? Но она же учится. Роман сам видел ее учительницу — пожилую актрису. Может, все будет хорошо? Вот же Лариса выдержала экзамен в театральную студию. Уже есть будущее... Но эти рассуждения лишь ненадолго успокаивали Романа. Он чувствовал, что жизнь Ларисы благополучная лишь внешне, она хочет, чтобы все доставалось ей легко, без труда, она не считается с людьми, эгоистичная, молодая девушка, одна в этой комнатке рядом с вечерним кафе, с кем она дружит? Кто приходит к ней? Чем все это кончится?

Недавно Роман зашел к ней и не застал дома. Старушка хозяйка довольно неприветливо сунула ему ключ. В комнате был беспорядок: повсюду валялись вещи: рубашки, платья, чулки. Стоял тяжелый запах давно не проветривавшегося помещения. Роман подмел пол, вытряхнул постельное белье, потом попросил у хозяйки молоток, гвозди, кусок доски и за полчаса соорудил вешалку с полочкой в углу за дверью. Развесил там платья Ларисы и закутал их запасной простыней, чтоб не пылились. Пока он провозился, стемнело. Хозяйка, заглянув в комнату, вздохнула и покачала головой. Роман сходил на площадь, в цветочный киоск, принес охапку необыкновенно душистых и ярких цветов и, поставив их на столе, собрался уходить. В этот момент вернулась Лариса. Она оглядела комнату, села на кровать и вдруг, закрыв лицо руками, расплакалась. Роман ушел. Они так и не сказали друг другу ни слова...

Последние несколько дней Роман был неспокоен, состояние у него было тревожное, он словно предчувствовал несчастье. Ему не удавалось, как обычно, работой заглушить мысли о Ларисе.

...Это случилось в субботу. После работы Роман проводил домой Ваську, они немного поговорили о жизни и о Васькиных планах на осень. Роман уговаривал Ваську поступить в вечернюю школу. Тогда единственным неучащимся человеком в бригаде ос-

тался бы Мишка Шибанов. Но за Мишку Роман меньше всего беспокоился. Тот обойдется без поводыря!

Расставшись с Синицыным, Роман пошел в общежитие. Беспокойство его усилилось. Он тотчас же поехал бы к Ларисе, но знал, что так рано ее никогда не бывает дома. Может, заглянуть к ней в училище? Заодно узнать, как она учится...

На крыльце общежития, на солнцепеке сидел распаренный Димка. Увидев Романа, он вскочил, замахал руками и принялся тараторить что-то с такой быстротой, что Роман не понял ни одного слова.

— погоди, — остановил его Роман, — не трещи. Какая милиция? И при чем тут Лариса? Объясни толком.

— Я тебе объясняю! Я объясняю, а ты ничего не слушаешь и перебиваешь. Ларису арестовали! Мне сказали знакомые ребята из райотдела... Она впуталась в какую-то историю и сейчас сидит в тюрьме.

— В тюрьме? Ты врешь! — У Романа подкосились ноги.

Не заходя в общежитие, Роман помчался в райотдел милиции. Прохожие с удивлением смотрели на него, он бежал посреди улицы, пересекая площади под носом у автомобилей, но не догадался сесть на автобус или остановить такси...

У него не было времени, чтобы задуматься. В голове была пустота... Только одно слово вертелось в мозгу: «тюрьма, тюрьма...» Что могла натворить Лариса? Роману было страшно, страшно впервые в жизни. Все рушилось вокруг и летело куда-то...

Распахнув без стука дверь, он ворвался в кабинет, где сидели следователи, увидел за столом человека в синей форме и с порога закричал:

— Что с Ларисой, Виктор?!

Человек медленно, недовольно поднял голову, и Роман увидел, что перед ним не лейтенант Трубников, а капитан Хорьков.

— В чем дело, молодой человек? — спросил Павел Ильич.

— А... где Трубников?

— Лейтенант Трубников в настоящее время не работает в райотделе, — с явным удовольствием ответил Хорьков.

— Как... не работает?

— Очень просто. Отстранен от должности... Впрочем, кто вы такой?

— Я с завода «Сельмаш», — пробормотал Роман. Он не знал, что ему теперь делать. — Моя фамилия Гаевой... Вы должны меня помнить, товарищ капитан... Я дружинник...

— А-а, — без всякого выражения сказал Павел Ильич. — Ну-с, как поживают наши славные помощники? Наша, так сказать, смена?

Его снисходительный тон покорибл Романа, но он сообразил, что поскольку Виктора нет, говорить о Ларисе придется с капитаном, и поэтому постарался подделаться под его тон и таким же искусственным, слащавым голосом ответил:

— Ничего, товарищ начальник, живем. Я вас хотел спросить... Не знаю, удобно ли...

— Ну, ну! — поощрительно кивнул Хорьков. — Очень даже удобно. Здесь такое место, где надо все выкладывать начистоту. Я вас слушаю.

— Нам стало известно, что арестована работница завода Лариса Гаевая... И вот я... То есть мы...

— Погодите, — нахмурился капитан. — Работница завода? Да ведь она с весны нигде не работала...

— Ну да, я хотел сказать, бывшая работница, — ответил Роман. Он был в отчаянии и сам не слышал, что говорил. — Она уволилась, чтобы сдать экзамены в училище... Но она наша... Мы хотим знать, что она сделала.

Почему-то ему казалось, что просто так, если он не сошлется на завод, Хорьков ничего не скажет...

Капитан пошевелил губами, пожал пальцем висок и после длительной паузы ответил:

— Не могу. Не имею права нарушать тайну следствия.

— Какая же тайна? — сказал Роман. — От кого тайна? Ну, я вас очень прошу.

— Не могу, товарищ дружинник, — с некоторым даже сожалением ответил Павел Ильич. — Какую-нибудь другую просьбу — пожалуйста, а это дело такое. Служба. От меня не зависит.

— А увидеть мне ее можно?

— Увидеть? — удивленно переспросил Хорьков. — Ну, что вы... это совершенно исключено. Придется вам потерпеть, когда закончится следствие и дело будет передано в суд. — Он покачал головой. — Что ж вы так плохо своих работниц воспитываете? Натворила дел ваша Лариса.

— Что же она натворила? — тихо спросил Роман.

— Кроме того, что она замешана в воровстве, больше сказать ничего не могу.

— В воровстве?!

Вместо того чтобы окончательно отчаяться, Роман воспрянул духом. «Это просто какая-то ошибка, — подумал он. — Конечно, ошибка! Нечего даже беспокоиться. Ее выпустят и еще извинятся... Глупость какая-то! Лариса могла натворить что угодно, только не украсть. Она всегда была безразлична к деньгам, делилась с соседками по общежитию последней копейкой, а старухе за комнату, не торгуясь, платила столько, что на эти деньги можно было снять отдельную квартиру... Но ужасно уже одно то, что о ней могли такое подумать!»

— Спасибо, до свидания, — сказал Роман и надел кепку.

Он решил, что необходимо сходить к полковнику Бандуре, а может быть, и к районному прокурору, но, подумав, позвонил Жилинскому и принялся, путаясь в словах, рассказывать о случившемся.

— Ты лучше приходи ко мне и объясни толком, — ответил Кондрат Григорьевич, ничего не поняв.

— Хорошо, — сказал Роман. — Я сейчас приду. Я сейчас!

Жилинский сидел на балконе в пижаме и читал газету.

— Садись, — сказал он, указывая на соломенное кресло-качалку. — Что с тобой? Да ты отдышись сперва...

Роман рассказал об аресте Ларисы и о беседе с капитаном.

— Это явное недоразумение, — закончил он. — Я не знаю, что делать... Она не могла совершить преступления. Это же понятно! Я решил сходить к прокурору.

— Погоди, — подумав, ответил Жилинский. — Не пори горячку. Что значит, не могла? Ты ее знаешь с детства, а как она жила последние три месяца, тебе известно? С кем дружила, чем занималась?

— Она... кажется, она училась в училище.

— Кажется? — Кондрат Григорьевич встал и с сердцем швырнул на качалку газету. — Вот с этого такие несчастья и случаются, что нам кажется... что мы не интересуемся жизнью даже родных, близких людей и спохватываемся, когда уже поздно. Чем бы ни кончилась эта история, но виноват во многом ты. Имей в виду и запомни!

— Я знаю, — тихо ответил Роман.

— Ты ничего не предпринимай пока, — подумав, сказал Жилинский. — Я тут посоветуюсь кое с кем...

Роман ушел от него, немного успокоенный, но ночью почти не спал и рано утром поехал в районную прокуратуру. День был нерабочий — воскресенье, но Роман все же решил попросить прокурора разрешить ему свиданье с Ларисой... Дежурный после долгих расспросов сообщил телефон и домашний адрес старшего советника юстиции Родичева. Прежде чем поехать к нему домой, Роман решил посоветоваться с дежурным.

— Можно попросить его о свиданье? — спросил он, рассказав о Ларисе.

— Не имеет смысла, — пожал плечами дежурный. — При чем тут товарищ Родичев? Дело Гаевой находится в милиции, значит просить о свиданье нужно начальника райотдела. К нему и ступайте.

Роман поехал в милицию. На его счастье, Бандура оказался в райотделе. Секретарша была выходная, поэтому никто не задержал Романа, и он беспрепятственно вошел в кабинет.

— А-а! Товарищ Гаевой! — сказал Бандура.

— У меня важный разговор, товарищ полковник.
— Догадываюсь. Из-за пустяка ты не пришел бы в воскресенье.

— Я насчет Ларисы, — сказал Роман. — Она мне почти что сестра, мы вместе росли, у нас даже одна фамилия... вы, наверно, знаете... Не могла она украть. Это ошибка. Если бы я мог с ней поговорить, все бы сразу выяснилось...

— Это дело я просматривал, — помолчав, сказал полковник. — В нем много неясного, но есть одно обстоятельство... Через несколько дней станет все ясно... Тогда и приходи.

— А никак нельзя ее увидеть?

— Нельзя, — покачал головой полковник. — Следствие есть следствие. Да я тебе так могу сказать, в чем она обвиняется. Ночевала на квартире у Олега Квасницкого, а утром похитила много разных ценных вещей. Ее задержали. Вот и все...

— Это не все! — упрямо ответил Роман. — Никаких ценных вещей она не похищала. А то, что созналась, ничего не значит. Могла на себя наговорить. Она не преступница. За это я своей головой и всей жизнью и комсомольским билетом готов поручиться.

— Вот как? — прищурился Бандура.

— Да, так, — твердо сказал Роман.

Полковник взял листок бумаги из ящика стола и набросал несколько строк.

— Вообще-то не положено... Но, может быть, в этом есть смысл... Поговори с ней. Надо, чтобы она рассказала, как все было... до конца, без утайки. Убеди ее, что с нами она должна быть откровенной, от этого зависит ее судьба.

— Я постараюсь. Спасибо, — сказал Роман и вышел. Он знал, где находится тюрьма, и ему не пришлось спрашивать дорогу. Это старое кирпичное здание, выстроенное лет двести назад, стояло на окраине города, на пустыре, и было со всех сторон окружено тенистым парком. В парке было прохладно; в ветвях деревьев чирикали воробьи.

В приемной Роман отдал записку Бандуры дежурному надзирателю.

— Свиданье получите на пятнадцать минут. Ничего передавать заключенной нельзя, — сказал надзиратель и вышел, оставив Романа одного в просторной, светлой комнате с недавно побеленными стенами и высоким потолком. Ждать пришлось долго. Наконец открылась дверь, и вошла Лариса. У Романа замерло сердце и слезы навернулись на глаза. Лариса была такая жалкая, в измятом платье, кое-как причесанная, несчастная, с желтым, заплаканным лицом и дрожащими губами.

— Здравствуй, — сказал Роман, обняв ее и поцеловав в щеку. — Слушай меня внимательно. У нас мало времени, поэтому ты не плачь, держи себя в руках и Расскажи мне подробно обо всем, что произошло в квартире у Квасницкого. Это тот парень, с которым ты была в ресторане? Да? Как ты к нему попала? Словом, все, все. Это очень важно. Вся твоя жизнь сейчас решается, ты же понимаешь.

Опустив глаза, Лариса рассказала о том, как у нее кончились деньги, как ей хотелось есть. Олег пригласил ее на день рождения. Она не скрыла ничего, только умолчала о том, что произошло у нее с Олегом. Роман почувствовал, что она о чем-то умалчивает...

— Нет, уж ты не стыдись, — строго сказал он. — Меня тебе стыдиться нечего. Давай все до конца.

И тогда Лариса рассказала все до конца. Ее душили слезы. Она искусала губы, чтобы не заплакать.

— Успокойся, — Роман встал и взял ее за

руку. — Будь мужественной. Я не считаю тебя преступницей, слышишь? И никто тебя не будет считать преступницей, ты просто растерялась и натворила массу глупостей, но все это еще можно поправить. Не плачь, не отчаивайся. Скоро я опять приду. Все будет хорошо. Выше голову, сестренка!

Он улыбнулся ей, хотя ему хотелось заплакать.

Она ушла. Надзиратель проводил Романа. Он присел на скамейке в парке. Ему надо собраться с мыслями. Сердце болело так сильно, что он потер грудь рукой...

Посидев немного, он встал и направился к трамвайной остановке. Он сказал Ларисе, что знает, как нужно поступить. Он просто успокаивал ее. Тогда он этого не знал. А теперь знал. Он принял решение.

Роман быстро разыскал дом, который описала ему Лариса. На табличке, висящей над подъездом, он увидел фамилию Квасницкого и, поднявшись на лифте на пятый этаж, позвонил.

— Кто там? — спросили через минуту из-за двери. Голос был глухой, сонный, словно с похмелья.

— Откройте, — ответил Роман.

Щелкнул замок, и Роман увидел парня, с которым Лариса сидела за столиком в ресторане и танцевала в клубе. Лицо его было измятым и утомленным: Он сбрил свои усики, но не помолодел от этого, а стал выглядеть еще старше.

— Что вам угодно? — спросил Квасницкий.

Роман размахнулся и ударил его в подбородок. Вскрикнув, Олег влетел в коридор и опрокинулся навзничь, ударившись головой о трюмо. Посыпались осколки зеркала. Роман вошел в квартиру и запер дверь.

Вытерев ладонью кровь с разбитой губы, Олег медленно поднялся.

— За что вы меня? — тихо спросил он, с ужасом глядя на Романа. — Что вы хотите?

Роман подошел к нему, схватил за шиворот и ударил еще раз, придерживая, чтоб он не упал. Олег не сопротивлялся. Он закрыл глаза и только вскрикивал, когда Роман хлестал его по щекам.

— Садись за стол, бери бумагу, ручку и пиши, — сказал Роман, выпустив его.

— Что писать? — пробормотал Квасницкий, повиновавшись. Лицо его распухло, из разбитой губы текла кровь. Никто никогда не был так отвратителен Роману, как этот человек.

— Пиши, куда девал вещи. Кому продал.

— Какие вещи?

— Те самые, которые ты приписал Ларисе! Где беличья шуба? Где золотые часы, браслет, три тысячи денег? Лариса не брала их. Где?!

— Ах, вот в чем дело, — сказал Олег, понемногу приходя в себя. — Так вы, значит, ее сообщник? Вы можете меня еще ударить, вы сильнее, но учтите, что вас тоже посадят в тюрьму.

— Я тебя не ударю, — ответил Роман. — Я тебя просто убью. Ты понял? Я буду сидеть в тюрьме и знать, что избавил землю от такой гадины! Говори, где вещи!

Глаза у него были такими, что Олег побледнел и поспешно пробормотал:

— Ну, присдал их, продал... Мне были до зарезу нужны наличные...

— Кому?

— В скучной, на Красноозерной. Там есть приемщик дядя Петя. Он расплачивался...

— Пиши! Начальнику районного отдела милиции от Квасницкого... Заявление...

Наклонившись над столом, Олег закрипел пером.

Заставив его написать, что вещи родителей не были похищены Ларисой, а взяты им самим, Роман забрал листок и сказал:

— Ты сам знаешь, что еще здесь было. Тебя надо уничтожить, как бешеную собаку! Но руки пачкать я не буду. Я даже согласен не поднимать это дело, если ты подтвердишь следователю то, что здесь написал... Лариса не украла ничего... Она хотела вернуть тебе деньги, даже записку написала... Конечно, твое место за решеткой, но я не горюю, что ты останешься на свободе. Такие, как ты, все равно кончают тюрь-

мой. А пока в понедельник ты пойдешь к Хорькову и расскажешь обо всем. Понял?

— Понял, — злобно ответил Квасницкий.

— И имей в виду, если будешь влиять, тебя отдадут под суд... Ты сам знаешь за что... Об этом я позабочусь!

Роману очень хотелось еще разок стукнуть Олега, но он сдержался. Тот, кто сидел за столом, не был человеком. Даже бить его было противно...

Он спустился по лестнице, взял такси и поехал к Жилинскому, но было уже поздно, и в окнах Кондрата Григорьевича не горел свет.

В понедельник рано утром Роман дождался Жилинского возле проходной и, рассказав о свидании с Ларисой, показал заявление Квасницкого на имя Бандуры.

— Это меняет дело, — сказал Кондрат Григорьевич, прочитав записку. — Пойдем к директору... Я вчера советовался в райкоме, и мне подсказали одну вещь...

В кабинете директора сидели председатель завкома и секретарь партбюро. Они уже знали обо всем. Совещались недолго.

Директор сказал:

— Судить Ларису Гаевую нужно на заводе. Пусть молодежь послушает, до чего может довести человека легкомыслие.

— Вы хотите строго наказать Ларису, а нам нужно ее спасти! — возразил Жилинский. — Что она, преступница? Мы сами можем ее судить, у нас же есть товарищеский суд.

— Но ведь нужно согласие органов милиции, — сказал председатель завкома. — Гаевая находится в тюрьме.

— Думаю, ее освободят, если мы обратимся в райотдел с просьбой отдать ее нам на поруки, — сказал Кондрат Григорьевич.

— На поруки? Но... что это даст?

— То, что мы сами отныне займемся ее воспитанием. Мы будем за нее отвечать, за всю ее дальнейшую жизнь... Это нужно и Ларисе и тем, кто возло-

жит на свои плечи ответственность, взяв ее на поруки... Доверие иногда излечивает самые тяжелые нравственные болезни, а Лариса еще не так уж тяжело больна... Уже одно сознание того, что многотысячный коллектив завода за нее поручился, заставит ее следить за каждым своим шагом. Одним словом, для Ларисы это спасение — второе рождение, для коллектива — школа общественного воспитания. Это даже не моя идея. Мне ее подсказал вчера инструктор райкома партии. Я ему рассказывал всю историю. Он ответил, что широкое участие общественности в работе судебных органов будет поощряться и коллективы учреждений и предприятий должны взять на себя заботу о людях, сбившихся с правильного пути, ибо предотвращение преступлений гораздо важнее, чем сама борьба с ними...

— Меня убеждать нечего, я согласен, — ответил директор. — Сегодня же направим письмо начальнику райотдела. Попросим дать нам возможность разобрань дело Ларисы Гаевой на заводском товарищеском суде. Верно?

— Верно! — сказал Роман. — Очень даже верно. Спасибо! Спасибо вам всем!

33

Через пять дней Димка должен был получить отпуск. Весь год он мечтал поехать на юг с аквалангом и понырять в Черном море, охотясь на разных подводных чудовищ. Втайне Димка надеялся, что ему удастся подстрелить из подводного ружья настоящего дюгоня или в крайнем случае небольшую акулу. И дюгони и акулы, как слышал Димка от сведущих людей, водились в Черном море, только было неясно, появляются ли они возле берегов. Димка надеялся, что ему повезет.

В субботу после смены он зашел в завком узнать насчет путевки.

— Есть путевка в дом отдыха в Пицунду, — сказал ему председатель завкома. — Последняя. Спе-

циально для тебя достал в обкоме профсоюза. — Готовь восемьсот шестьдесят рубликов.

— Чего, чего, а это можно, — ответил Димка. — Я в этом месяце заработал — во!

Поблагодарив председателя завкома, он поспешил домой, чтобы обрадовать мать. Проходя сквером, он увидел коренастого, широкоплечего человека, который показался ему знакомым. Где-то он уже видел эту плоскую физиономию, узкие губы, маленькие злые глаза. И вдруг Димка вспомнил — Иван Бушуев! Да, это был Иван! Димка, конечно, знал всю историю Ивана. Он знал, что Иван убежал из милиции, обманув лейтенанта Трубникова. Его много месяцев ищут, и никому неизвестно, где он скрывается. А он преспокойно разгуливает по бульвару в самом центре района!

Димка шел за Бушуевым по пятам, ни на минуту не теряя его из виду. Первой его мыслью было позвать милиционера, но потом он решил проследить за Иваном, узнать, где он живет. Возможно, что таким образом удастся напасть на след целой шайки.

Бушуев шагал быстро, не оглядываясь по сторонам, надвинув низко на лоб белую капроновую шляпу. На нем был надет хороший, модный костюм кофейного цвета из какого-то заграничного легкого материала. Воротник белой сорочки был отложен на пиджак, открывая крепкую загорелую шею.

Неподалеку от площади он покинул сквер, пересек Красноозерную улицу и остановился возле четырехэтажного белого здания больницы. В этой больнице когда-то лежал Роман... Димка остался в сквере. Он сел на скамейку, не сводя глаз с Бушуева.

Тот достал папиросы, закурил. Видимо, он ждал кого-то. Через несколько минут из больницы, прихрамывая и опираясь на палочку, вышла маленькая, белая как лунь старушка. Иван бросился к ней навстречу, подхватил под руку и бережно свел с крыльца. Они медленно перешли улицу и присели на скамью в двух шагах от Димки.

Димка хотел спрятаться за дерево, но сообразил, что прятаться ему ни к чему, так как Бушуев, ра-

зумеется, не помнит его в лицо, а если даже помнит, то такая встреча все равно не может его насторожить...

Иван, не обращая на окружающих внимания, негромко разговаривал со старушкой. Димка отчетливо слышал каждое слово, и чем больше он прислушивался, тем сильнее удивлялся. Перед ним был не Бушуев, а другой человек, внимательный, ласковый, заботливый, и голос его звучал совсем не так, как тогда, в клубе, этот голос был спокойным и ровным...

— Что они тебе сказали? — спросил Иван.

— Ничего страшного, сынок, — ответила старушка. — Болезнь моя старая, да ведь и я сама не молодая, грех жаловаться, прожила немалый век...

— Но все-таки вылечить ее можно? Тебе ведь ходить совсем стало трудно.

— Можно-то можно, — вздохнула старушка. — Главный врач сказал, климат мне надо будто сменить, на южном солнышке старые косточки попарить, ванны какие-то принимать... «Надо, — говорит, — тебе, Ефимовна, путевку...» А где я возьму?

— Деньги-то я достану, — нахмурившись, пробормotal Иван. — Сколько угодно достану, это не фокус, а вот кто путевку даст? В профсоюз надо идти, просто так путевки не продаются... А я сейчас временно не работаю, ты же знаешь, мать, дожидаясь назначения.

— Да, да, — сказала старушка, ласково глядя на сына. — Тебя назначат на хорошую должность, инженеры сейчас всем нужны... Ты у меня орел... Вот выглядишь неважно, спишь плохо... А обо мне не думай, я и смолоду по курортам по этим не раскатывалась, а теперь уж поздно начинать. Зиночку свою почему больше не приглашаешь? Понравилась она мне.

— Придет еще...

— Очень милая, славная такая девочка... и любит тебя. Сильно любит. Материнскому глазу можешь поверить. Женился бы ты на ней, сынок. Пора бы уж... хочется внучат понянуть. А то ведь так и не дождусь.

— Дождешься, мать, — виновато сказал Иван. —

Вот погоди, достану я тебе путевку, поедешь на море, здоровье поправишь, а с Зинкой успеется. Сперва с работой надо уладить. Могут меня послать куда-нибудь далеко, на север или на восток, знаешь ведь, какая моя специальность. Поедет Зинка со мной — пожалуй, женюсь. И тебя с собой заберем. Ты только поправляйся.

Они поднялись со скамьи и медленно пошли по аллее, посыпанной желтым песком.

Димка побрел следом. В мыслях у него был хаос. Он уже не думал о том, что нужно позвать милиционера. Он был изумлен и растерян. Так вот какой этот Иван! Он так любит свою мать, что боится ее огорчить, и она ничего не знает о том, чем сын ее занимается, думает, что он инженер, разъезжает по командировкам... У него есть невеста... Может быть, Димка просто обознался? Нет, он не обознался.

Тем временем Бушуев и старушка вошли в маленький захламленный дворик и скрылись в старом деревянном домике. «Дом десять», — машинально запомнил Димка и присел возле дома на каменную тумбу. Он должен, обязан был немедленно сообщить об Иване Жилинскому или Роману, но ему почему-то не хотелось этого делать... Он думал не о Бушуеве, а о его старой матери. Единственная отрада в ее жизни — это сын. Она гордится им. Считает, наверно, его самым лучшим, добрым и умным человеком на свете.

Скрипнула калитка, послышались тяжелые шаги. Бушуев вышел и остановился в воротах, разминая пальцами папиросу. Лицо у него по-прежнему было размягченное, доброе и чуть-чуть виноватое... Повинуясь внезапному порыву и сознавая, что поступок, который он собирается совершить, — бессмысленный и, более того, непозволительный, Димка вскочил с тумбы, подошел к Ивану и, запинаясь от волнения, сказал:

— Я все слышал. Конечно, случайно. Я тебя знаю, ты Иван Бушуев, тебя милиция ищет.

Иван быстро огляделся.

— Ты меня не бойся, — сказал Димка. — Это

разговор особый, а пока я могу тебе достать путевку.

— Путевку? — медленно переспросил Иван.

— Пойдем сейчас на завод, у тебя есть деньги? Восемьсот шестьдесят рублей. Для твоей матери, что ты на меня смотришь? Они мне хотели дать, но я еще достану. У меня акваланг, мне по путевке даже неинтересно, лучше «дикарем».

«Черт, что я плету?» — подумал Димка.

— Они моей матери не дадут, — сказал Бушуев, с недоумением глядя на Димку.

— Не обязательно все объяснять. Просто нужно проставить в путевке другую фамилию. Пойдем, а то уже два часа. Опоздаем.

— Пойдем, — помолчав, согласился Иван.

До завода они не проронили ни слова. У Димки в голове была каша, он плохо соображал, что делает, и зачем, собственно, все это затеял. Иван шагал за ним, немного отстав и зорко оглядываясь по сторонам.

Не доходя до проходной, они расстались. Бушуев вручил Димке несколько сторублевок и сказал:

— Вот... Это честные... у приятеля взял... Я тебя подожду поблизости.

— Мать твою как зовут? — спросил Димка.

— Анастасия Егоровна, — ответил Иван. — А фамилия, как у меня. Год рождения тысяча восемьсот девяносто седьмой.

— Год рождения, по-моему, не нужно, — сказал Димка и направился в проходную.

Он застал в завкоме одну секретаршу, председатель уже ушел домой.

— Я за путевкой, — сказал Димка. — Деньги принес.

Секретарша взяла деньги и, достав путевку, обмакнула ручку в чернильницу.

— Только вы не на мое имя заполняйте.

— Как это не на твое имя?

— Ну, очень просто. Нужно отправить в дом отдыха пожилую, больную женщину. Пишите, Бушуева Анастасия Егоровна.

— Какая еще Бушуева? Так я не могу, — нахмурилась секретарша.

— Ну, она моя соседка, я вас очень прошу, пожалуйста! — взмолился Димка. — Даже не соседка, а родственница... Честное слово! Это моя путевка, а я хочу ей уступить. И деньги я вношу. Вам же все равно!

— Попадет мне, — нерешительно ответила секретарша.

— Да никто и не узнает! — заверил Димка. — Я никому не скажу. Это очень, очень важно, понимаете? Иначе у нее могут совсем отнять ноги, она уже и так еле ходит...

— Ну ладно... На твою ответственность, — сдалась секретарша и, выписав путевку, вручила ее Димке. Он горячо поблагодарил ее и помчался к воротам.

Ивана не было. Димка растерянно вертел головой. Бушуев появился неожиданно откуда-то сзади и мрачно спросил:

— Ну?

— Куда же ты девался? Вот твоя путевка, — сказал Димка.

Иван, не глядя, сунул путевку в карман.

— Через шесть дней может ехать...

— Да... — У Ивана дрогнули губы.

— Ну пока, всего хорошего.

— Пока.

Оба нерешительно помолчали. Что-то еще не было сказано. И Димка и Бушуев почувствовали это.

— Заходи как-нибудь к нам на завод, — сказал, наконец, Димка и подумал: «Не то я говорю».

— А я думал, ты меня заманиваешь, продать хочешь, — задумчиво ответил Иван.

— Напрасно ты так думал. Я тебе сказал, что это вопрос особый.

— Какой особый?

— Такой... О тебе разговор будет потом, если сам захочешь... А сейчас о твоей матери...

Димка говорил не особенно связно. Но Бушуев его понял.

— Ты что, дружинник? — спросил он.

— Да.

— Звать-то тебя как?

— Димка. А фамилия Зорич.

— Чудно! — Иван улыбнулся совсем несвойственной ему, доброй, немного растерянной улыбкой, словно удивляясь сам себе.

— Ладно. Спасибо, брат. За мной не пропадет. — Он поколебался и добавил: — А в клубе тогда — помнишь! — ножа у меня не было. Это Васька, друг мой бывший... Я не хотел... Пока.

Он кивнул и скрылся в проходном дворе. А Димка отправился домой. Он знал, что должен сейчас испытывать чувство раскаяния: он совершил непростительный для комсомольца и дружинника поступок — позволил уйти преступнику, которого разыскивает милиция. Но никакого раскаяния Димка почему-то не чувствовал, и настроение у него было приподнятое и праздничное, словно он сделал невесть какое хорошее дело.

Прошла неделя. Димка оформил отпуск и стал вольной птицей.

— По путевке едешь? — спросил его Роман.

— Точно, — соврал Димка.

Раньше он всеми своими тайнами делился с Романом, но теперь помалкивал. Он далеко не был уверен в том, что Роман его похвалит.

У Димки есть еще одна тайна, кроме этой путевки, даже не тайна, а гораздо больше. Дело такое важное, что аж дух захватывает.

Он бы рассказал об этом деле Роману или Жилинскому, если бы те не считали его мальчишкой. А они считают. Димка это чувствует, и ему обидно.

Даже Кабанчик и Дуся Карпенко относятся к нему несерьезно. Они не замечают, как он изменился за полгода, с тех пор, как стал дружинником. Они забывают, что Димке уже не шестнадцать лет, а семнадцать. Недавно исполнилось. А что такое семнадцать лет? Это уже очень много. Пушкин в шестнадцать лет написал «Руслана и Людмилу», Аркадий Гайдар в пятнадцать командовал полком, Эйнштейн открыл теорию относительности.

Ничего, скоро все поймут, что к нему пора относиться по-другому.

Насчет того важного дела следует пока помолчать. Вдруг ошибка? Димка не хочет, чтобы над ним опять посмеялись. Но в глубине души он уверен, что никакой ошибки нет. Все правильно.

Димка пришел к выводу, что его сосед по квартире, директор магазина Леонид Максимович Клычко вовсе не тот человек, за которого себя выдает. Димка решил это после длительных наблюдений. Он понял, что директор занимается какими-то таинственными делами, о которых не должны знать посторонние. Собственно, и заметить это было не так-то уж трудно. За последнее время Клычко сильно изменился. Раньше был такой вежливый, корректный и воспитанный, никогда не повышал голоса, настоящий джентльмен, а сейчас иногда ругается так, что хоть уши затыкай. Куда девается в такие минуты вся его вежливость!

Ругает Клычко свою жену, тетю Раю. Еще зимой, подслушав их разговор, Димка подумал, что тут что-то нечисто. Он сообщил о своих подозрениях Роману, но тот поднял его на смех. Ладно, Димка не обиделся. Он потихоньку продолжал наблюдение. И ему стало ясно, что отношения между супругами ухудшаются неспроста.

По вечерам к Леониду Максимовичу приходил гость. Димка ни разу его не видел. Он проскальзывал по коридору бесшумно, как кошка. Он стучал в окно, и Клычко открывал ему дверь. Но зато, когда гость попадал в комнату, Димка сразу узнавал о его присутствии. Тетя Рая немедленно начинала кричать на всю квартиру. Она гнала гостя вон, ругала мужа за то, что он его впустил, и в конце концов уходила сама, оглушительно хлопая дверью. Если Димка в это время был дома, он прислонялся ухом к стене и прислушивался. Гость и директор магазина, оставшись одни, вели себя тихо. А тетя Рая демонстративно расхаживала по двору и дымила папирской.

Столкновения между супругами происходили не только из-за гостя. Леонид Максимович стал являться домой в два, а то и в три часа ночи. Он с шумом

вваливался в коридор и в темноте пробирался к себе, задевая плечами стены. Нетрудно было догадаться, что он вдребезги пьян. Тетя Рая встречала его в халате и пронзительно кричала:

— Когда же это кончится? Когда? Думаешь, я так всегда и буду молчать?

Клыкчо наступал на жену, ругаясь сквозь зубы. Но испугать тетю Раю было трудно.

— Ты меня ударить хочешь? Ударь, — зловеще предлагала она. — Ну, ударь, ударь! Сегодня же будешь в тюрьме ночевать вместе со своим приятелем. Погодите, я вас обоих на чистую воду выведу.

Она так часто упоминала о своем намерении разоблачить мужа и рассказать всем о каких-то его делах, что Димка в конце концов счел себя просто обязанным серьезно этим заинтересоваться.

Он сидел на кровати и прислушивался, а Вера Сергеевна мягко ему говорила:

— Спи, милый, тебе завтра рано вставать. Накрой голову подушкой, тогда будет не так слышно.

Сама она ложилась поздно, все печатала на своей машинке.

...Получив отпуск и попрощавшись с ребятами, Димка поспешил домой. Он влетел в комнату, приготовившись поделиться с матерью радостью, но, взглянув на ее седую голову, склоненную над машинкой, внезапно притих. Ему стало так жалко ее и почему-то стыдно... Он собирается ехать на юг, а мама все будет сидеть и печатать на машинке. Ведь уже немолодая... А сколько вещей подарила она Димке за зиму! Теплое пальто, коньки, меховую шапку, костюм. А он из получки отдавал ей половину, а остальные деньги расходились неизвестно куда. Мама ничего не купила для себя. Ничего... Сейчас лето, а у нее нет босоножек, шляпки, пальто, нет даже хорошего платья... Как же может Димка думать об отдыхе, когда маме так тяжело? Эх, Димка!

Мать не заметила, как скрипнула дверь. Димка вышел. Он поехал в магазин и истратил половину отпускных денег на подарки для мамы. Он купил ей платье, и туфли, и блузку из капрона, и чулки. На-

груженный свертками, Димка вернулся домой на такси. Когда он ввалился в комнату, Вера Сергеевна от удивления не могла сказать ни слова.

— Это тебе! — сияя, сказал Димка. — Примерь блузку. По-моему, как раз. А туфли хороши? Ты ведь тридцать шестой размер носишь, верно я купил?

Мама всплеснула руками.

— Как же твой отпуск?

— А что отпуск, — сказал Димка. — Я знаешь, сколько в этом месяце заработал! Мне хватит, и еще останется. Примеряй сейчас же, мне интересно, пойдет тебе или нет?

Вера Сергеевна была растрогана, но виду не подала. Только глубокой ночью, глядя на умиротворенное лицо Димки, который спал на спине, приоткрыв губы и улыбаясь, она тихонько всплакнула. Она долго поглаживала его руку и думала о том, что вот и вырос мальчуган, ее горе и ее радость. Стал мужчиной... Да, так поступить мог только мужчина... Это признак зрелости. Счастлива была Вера Сергеевна, и в то же время стало ей отчего-то тревожно. Может быть, пожалела об ушедшей молодости, о тех днях, когда лежал Димка у нее на руках и сучил крошечными ручками и ножками... А может, подумала вдруг, что скоро уйдет от нее ее взрослый сын, уйдет, как уходят все дети...

В понедельник Вера Сергеевна задержалась на собрании. Димка не застал ее, придя с купанья. Он взял билет в Сочи, потом поехал на пляж, целый день плавал и нырял, вернулся возбужденный, обгоревший и голодный. Наскоро съев холодную куриную ногу, Димка решил немного соснуть перед дорогой, но вдруг опять отчетливо услышал за стенкой возбужденные голоса. Он прислушался.

Димка, конечно, понимал, что подслушивать не хорошо. Но то, что происходило у соседей, касалось, возможно, не его одного. Он был в этом почти уверен.

Однако голоса в соседней комнате стихли; хлопнула дверь. Клычко и его гость отправились в кухню. Димка вышел в коридор и поставил стул под велосипед, висевший на стенке. Если его заметят, пусть ду-

мают, что он снимает велосипед... В кухне разговаривали два человека. Димка прислушался. Что-то елозило по полу, скрипело...

— Давай шевелись, а то эта кляча сейчас придет, — сдавленно сказал Клычко.

— А ты не понукай, я тебе не грузчик, — огрызнулся второй, и тотчас же что-то грохнуло.

— Осторожнее, побьешь все! — громко сказал Леонид Максимович.

Голоса умолкли. Димка хотел приоткрыть дверь, но она распахнулась, и в коридоре появился долговязый мужчина, согнувшийся под тяжестью ящика, который он нес на плече. Димка едва успел спрятаться за дверь. Он забрался на стул и сделал вид, что отвязывает веревку, которой был притянут к гвоздю велосипед. Но директору магазина было не до него.

Леонид Максимович забежал вперед, чтобы открыть парадную дверь, но в этот момент раздался звонок. Долговязый мужчина, едва не уронив ящик, выругался и с размаху поставил его на пол. Одна доска отскочила, и из ящика высыпалось что-то блестящее и мелкое, как горох... Со стула было не разглядеть... Когда долговязый обернулся, Димка его узнал. Это был Васька Зюзин. Затылком он чуть не задевал лампочку в коридоре. Он вертел головой на длинной шее, как птица, и так же, как у птицы, без всякого выражения глядели сквозь очки его круглые, пустые, словно отмороженные глаза.

— Черт, Райка! — сказал Леонид Максимович. — Ну, сейчас будет! Просил же, поторопись.

Васька молча продолжал вертеть шеей, словно у него был тесный воротник. Щелкнул замок, вошла Раиса Юрьевна. Она окинула взглядом мужа, Ваську, ящик, стоявший на полу, и сказала:

— Опять за свое? Ну, больше терпеть не буду. За решетку с вами не хочу. Никогда нитки чужой не взяла. Хватит!

Она бросила на стул хозяйственную сумку и повернулась к двери. Клычко схватил ее за руку.

— Куда? Стой!

— Пусти! Пусти сейчас же, а то закричу!

— Кричи! — ответил Леонид Максимович и потащил упирающуюся Раису Юрьевну в комнату.

— Брось, не надо, — сказал Васька Зюзин. — Народ же в квартире...

Леонид Максимович опустил руки. Тетя Рая бросилась к двери. Ей повезло: она сумела открыть замок и выскочить на лестницу прежде, чем Клычко снова попытался ее схватить.

Несколько секунд Леонид Максимович, наклонив голову, прислушивался к удаляющимся шагам. Затем посмотрел на Ваську и пробормотал:

— В милицию побежала!

— Ай-ай-ай! — сказал Зюзин. — Чаво же нам теперича, бедным, несчастным, делать? Может, пойдем объявимся? Так, мол, и так, с повинной. Перековались, газет начитавшись.

— Шутишь? — зло спросил Клычко.

— Я шутить не собираюсь! — ответил Васька. — Это вы, интеллигенты паршивые, слюни пускаете. Калым любите, а на расправу слабоваты.

Он застегнул пальто.

— Куда ты? — испуганно спросил директор.

— Вернуть ее надо, — ответил Васька. — Или, может, ты желаешь нары боками протирать?

— Быстрее! — заикаясь, пробормотал Клычко и распахнул дверь.

Васька выскочил на лестницу. Щелкнул замок.

Димка не шевелился.

Директор магазина минуты две постоял в коридоре, затем, согнувшись в три погибели, взвалил ящик на плечо и потащил в кухню.

Димка прыгнул со стула и подобрал с пола несколько тюбиков губной помады. Точно такой же тюбик, купленный у инвалида, лежал у него в кармане. «Так вот оно что!» — прошептал Димка. Стрелой влетев в комнату, он запер дверь на крючок. Его пот прошиб. Лицо и спина были мокрыми.

«Ну, Димка? Что же ты сделаешь теперь? — мелькнуло у него. — Испугаешься, так же как под Новый год?» Он сорвал с вешалки пальто. Васька мог до-

гнать Раису Юрьевну. Он на все способен... Прежде всего надо задержать Ваську! Скорее, скорее!

Выбежав на улицу, Димка остановился. Какой дорогой пошла Раиса Юрьевна? До райотдела минут пятнадцать ходьбы... По Красноозерной улице, потом по скверу, мимо озера. Это самый короткий путь. Раиса Юрьевна спешит. Она пошла именно так. Ваське это на руку. Он догонит ее в сквере, там всегда безлюдно, может произойти все, что угодно...

Димка перемахнул через забор и побежал по захлавленным задворкам и тупикам.

Еще в детстве он пользовался проходными дворами, когда случалось опаздывать в школу или удирать от чужих мальчишек.

«Давай, Димка, давай», — шептал он. Вдруг ему пришло в голову, что Зюзин наверняка вооружен. Он замедлил шаги, но, закусив губы, побежал дальше... Ничего не поделаешь. В клубе у Зюзина тоже был нож, но Роман и Катя не испугались... «Будь спокоен, Роман, — прошептал Димка. — Будь спокоен. Я все сделаю как надо!»

Вот и озеро. Оно и на озеро-то не было похоже. Вся поверхность воды зацвела... Берега обросли колючим кустарником. Как белые руки, тянулись к небу хрупкие стволы акаций. В сквере было пустынно. Ветер швырял по аллее пригоршни сухого песка. Редкие фонари не рассеивали темноты. Возле фонаря было светло, в белом луче плясала мошкара, а ступишь шаг в сторону и словно проваливаешься в яму... Среди деревьев мелькнула маленькая человеческая фигурка. Раиса Юрьевна!

«Успел!» — подумал Димка. Он задышался. Ноги подкашивались. Сердце гулко колотилось о ребра. Сделав последнее усилие, Димка бросился вперед. Он был в двух шагах от тети Раи, когда сзади раздалось тяжелое дыхание. Обернувшись, Димка увидел Ваську Зюзина. Угрюмое и тупое лицо Васьки было бледным, круглые глаза настороженно прилипли к Димке. Он шел огромными шагами, как на ходулях. Поколебавшись, Зюзин решил, по-видимому, обойти

Димку. Но тот успел схватить его за полу пиджака. Затрещала материя.

— Пусти, гад! — прошипел Васька.

— Нет, уж теперь я тебя не отпущу, — твердо ответил Димка. — Я ведь знаю, что у вас там в этих ящиках... Губная помада! Теперь вам все равно не уйти!

Зюзин сунул руку в карман.

— Бегите, тетя Рая! — крикнул Димка. — Бегите!

Он вцепился в Васькину руку, пытаясь помешать ему вытащить нож.

Зюзин был гораздо старше и сильнее его. Свободной рукой он с размаху ударил Димку по лицу. Тот пошатнулся, но не выпустил Зюзина.

Васька хрипел, возился и по-прежнему не мог вытащить руку из кармана, не мог двинуться с места. Это Димке и было нужно. Он знал, что кто-нибудь поможет ему. Кто-нибудь обязательно поможет! Но силы его слабели с каждой секундой.

И вдруг совсем рядом раздался громкий топот. Кто-то подбегал к ним, ломая ветки.

Друг или враг? Повернув голову, Димка увидел человека, похожего на Михаила Шибанова, и подумал: «Вдвоем-то мы справимся!» Но тут что-то легонько кольнуло его в грудь. Было вовсе не больно, но странная слабость вдруг охватила Димку. Ему стало жарко, захотелось глубоко вздохнуть, однако вздохнуть почему-то не удавалось. Вершины деревьев внезапно подпрыгнули и понеслись вверх. Димка замстил, что лежит на песке, Васька куда-то исчез. Перед глазами белела чья-то рука с растопыренными пальцами, очень знакомая, но посторонняя. Он так и не успел догадаться, что это его собственная рука, онемевшая и уже чужая...

Веки стали тяжелыми, но Димка все-таки не закрыл глаза. Ему было очень важно видеть голубую звездочку над головой. Он смотрел на нее, а она улетаала все выше и выше и делалась бледнее, пока не погасла совсем... Осталось лишь черное небо, черное-пречерное, каким настоящее небо никогда не бывает...

Шибанов наклонился над Димкой, увидел багровое пятно, расплывающееся на земле, и понял, что опоздал.

Со всех сторон сбегались люди... Кто-то крикнул: — «Скорую помощь!» Скорее!

Мишка огляделся. Он увидел Зюзина, который, ломая кусты, бежал к ограде сквера. Сжав кулаки, Шибанов бросился вслед за ним.

— Не уйдешь! Нет, не уйдешь!

Одним махом он перемахнул через железную ограду и оказался в тесном переулке, круто спускавшемся к берегу реки. Здесь были понастроены какие-то склады. Зюзин был где-то здесь.

Выскочив на берег, Михаил увидел Ваську. Тот осторожно спускался по ступенькам к воде. На волнах покачивалась лодка. Звякнула цепь. Зюзин, очевидно, решил перебраться на другую сторону и сесть там на троллейбус.

— погоди! — крикнул Мишка. — Не бойся, это я!

Зюзин оглянулся. Михаил помахал ему рукой:

— Порядок. Никто тебя не видел.

— Ты что тут делаешь? — подозрительно спросил Васька. — Это ты за мной бежал?

— Я. Меня в сквере чуть легавые не зацапали. Решили, что я пацана подколов. Вот был бы номер! За что ты его?

Михаил был совершенно спокоен. Голос его звучал почти ровно, только губы были белыми.

— А баба куда делась? — с беспокойством спросил Васька.

— Баба? Да куда... «Скорая помощь» подъехала. Санитары мальчишку унесли, а она сразу смылась. Боялась, наверно, что в свидетели запишут.

— Все равно заложит, стерва! — мрачно сказал Зюзин, понемногу успокаиваясь. — Придется отрывать когти. У тебя деньги есть?

— Для тебя всегда есть! — ответил Михаил. — Как раз вчера получка была. Только я их дома оста-

вил. В кармане носить боюсь, еще пропью! Хочешь, айда ко мне, полтыщи, так и быть, подброшу... Только ты обязательно верни. Сам знаешь, я сейчас по-честному вкальваю, лишних у меня нет.

— Ну и дурак! — ответил Зюзин, поднимаясь на набережную и протягивая Михаилу папироску. — На честных воду возят. Есть у меня одно дельце, хочешь, возьму тебя в долю? Дельце верное...

— Подумать нужно, — ответил Михаил, делая вид, что колеблется. Он еле сдерживался. Как ему хотелось измолотить эту ненавистную испитую физиономию! Но было еще рано, рано... Михаил знал, что должен действовать только наверняка. Он сказал:

— Скучно мне живется. Откровенно говоря, я давно хочу отхватить хороший куш и гульнуть по буфету! Ну, ладно, еще потолкуем. Пошли, что ли?

...На перекрестке стоял регулировщик. Вот теперь можно... Мишка, изловчившись, схватил Зюзина за руки и выкрутил их с такой силой, что Васька диким голосом завопил на всю улицу:

— А-а! Пусти!..

— Молчи, гадина! — сквозь зубы процедил Михаил и крикнул прохожим: — Милиционера сюда да-вайте!

Сделав отчаянное усилие, Зюзин вырвался, сунул руку в карман, но Михаил, отступив на шаг, ударил его под ложечку, и он, как мешок с песком, рухнул на тротуар.

— В чем дело? — строго спросил подоспевший сержант.

— Он человека убил! — ответил Михаил.

Милиционер вызвал по телефону машину. Минут через пятнадцать подъехала синяя «Победа». Васька за это время успел очнуться и сидел на асфальте, хватая ртом воздух. Шибанов помог сержанту втащить его в машину и сам сел рядом. Их отвезли в райотдел.

Михаила допрашивал сам Бандура. Полковнику только что доложили о ранении Димки, он не успел еще даже принять мер к задержанию преступника. Появление Мишки его изумило.

— Молодец! — сказал полковник. — Ну, что ты за молодец! Дружинник небось?

— Нет, — буркнул Михаил, с тоской озираясь по сторонам.

Он ненавидел и презирал себя. В сущности, он был виноват в том, что случилось. Если бы он сразу сообщил Трубникову адрес Зюзина, тот давным-давно был бы арестован. А Мишка знал этот адрес, знал, но молчал. Вот и домолчался.

— Вы мне скажите, пожалуйста, в какую больницу Димку отправили, — попросил он.

Справившись по телефону, полковник сказал адрес.

— Можно мне идти? — не глядя на него, спросил Михаил.

— Пожалуйста, — ответил Бандура, внимательно присматриваясь к Шибанову. — Спасибо за помощь.

Не ответив, Мишка направился к двери, но у порога остановился и, потоптавшись, тихо сказал:

— Вы запишите... Митрохинский тупик, дом шесть, квартира одиннадцать. Там Бушуев. У матери у своей... А на проспекте Революции, дом восемь, квартира сто сорок два, Яшка Малышев... У старушки комнату снимает...

— Запишу, — помолчав, ответил полковник и раскрыл блокнот, лежащий на столе.

— Ну вот, — Мишка вздохнул, хотел еще что-то прибавить, но махнул рукой и медленно вышел в коридор. Бандура задумчиво посмотрел ему вслед. Оба адреса были уже известны ему; Малышева еще неделю назад арестовали, а Бушуев теперь не бывает у матери, но все равно за ее квартирой установлено наблюдение...

И все равно то, что сказал сейчас Шибанов, было очень ценным для полковника, потому что сказал это человек, которого Хорьков считал преступником и хотел даже привлечь в качестве обвиняемого по делу о драке в клубе...

...Лил дождь.

«Может, еще ничего? — шептал Мишка на бегу. — Может, все обойдется?»

Димку отвезли в хирургическую клинику.

...Как только Михаил сказал дежурной сестре, что пришел к Дмитрию Зоричу, его сразу пропустили в приемный покой. Это было плохим предзнаменованием. И дежурная спросила сочувственно:

— Вы кто ему будете?

Узнав, что никто, просто товарищ, она вполголо-са сказала:

— Сейчас выйдет доктор.

Михаил сел на скамью и сложил руки на коленях чтобы не было заметно, как они дрожат. Минут через двадцать в конце длинного коридора, освещенного холодным светом «дневных» ламп, показался человек в белом халате. Халат был расстегнут. Доктор на ходу стягивал с пальцев резиновые перчатки.

Михаил вскочил.

— Товарищ справляется насчет Зорича, — тихо, как бы извиняясь, сказала сестра.

Человек в белом халате остановился и отрывисто спросил, глядя куда-то мимо Михаила:

— У него есть родственники?

— Есть, — шепотом сказал Михаил. — Мать...

— Нужно позвать ее. Немедленно. Дорога каждая минута.

— Хорошо, — ответил Михаил.

На крыльце у него вдруг подкосились ноги. Он сел на ступеньку и, схватившись руками за голову, простонал:

— Что же ты наделал, Мишка? Что ты наделал?

Он долго сидел так, не замечая дождя, который хлестал все сильнее и яростнее, потом вспомнил, что нужно позвать Димкину мать, и вскочил.

..Увидев его в дверях, мокрого, бледного, задыхающегося от бега, Вера Сергеевна отступила на шаг и, прижав руки к груди, сдавленно прошептала:

— Дима!.. Что с Димой?

— Идите скорей в хирургическую клинику, он там, — ответил Мишка и, не глядя на Веру Сергеев-

ну, отступил в темноту лестничной площадки. Он не мог смотреть ей в глаза. Не мог.

...Дома Мишку ждал Иван. Просто невероятно было увидеть его сейчас, после всего, но это был он. Он сидел на подоконнике в подъезде и курил.

— Наконец-то, — сказал он при виде Мишки. — Я тебя целый час дожидаясь. Здорово.

Мишка промолчал. Он уже оправился от неожиданности и теперь соображал, как удобнее задержать Ивана. В первую же секунду он твердо решил задержать его и отправить в милицию.

Иван, словно не заметив сумрачного взгляда Мишки, сказал:

— А я деньги тебе принес. Должок. Держи да пересчитай как следует. Я ведь и обмануть могу.

— Деньги? — внезапно взорвался Мишка и швырнул Ивану в лицо пачку двадцатипятирублевых. — Я тебе сейчас покажу деньги, гад!

— Ты что? — опешил Бушуев.

— А за какие деньги вы Димку убили?! — закричал Мишка зазвеневшим от слез голосом.

— Какого Димку? — прошептал Иван. — Кто?

— Васька, кто же еще! Ну, теперь все! Погуляли!.. Хватит! — сжав кулаки, Мишка шагнул к Ивану, но поведение Ивана настолько его изумило, что он остановился в нерешительности. Лицо у Ивана вдруг сморщилось, стало жалким, губы побелели.

— Димку? — пробормотал он. — Это... вашего Димку?.. Заводского?.. Беленький такой мальчишка, да?..

Внезапно сорвавшись с места, Иван распахнул дверь подъезда и исчез. Мишка рванул за ним, убежал на улицу, но Бушуева нигде не было.

Прошло уже три недели с того дня, как лейтенант был отстранен от работы. Он считал себя правым и упорно не желал писать рапорт с признанием своих ошибок. Его поведение должно было разбираться в особой инспекции городского управления

милиции, куда отправили докладную записку капитана Хорькова с резолюцией Бандуры. Виктор рассказал обо всем отцу, и отец, покачивая головой, ответил:

— Горяч ты больно. К делу надо готовиться, поспешность может только все испортить... Так у тебя и получилось. Но это я бы еще тебе простил. А вот то, что ты упустил Бушуева, совсем плохо. Это могло случиться только с человеком, у которого попросту нет призвания к милицмейской работе.

Отец всегда резал правду в глаза.

Узнав в райотделе о ранении Димки Зорича, Трубников помчался в больницу. Никто его туда не посылал, Хорьков даже разговаривать с ним не захотел, но Виктор попросту не заметил его угрюмого взгляда. Известие потрясло его. Ранен Димка! Славный, благородный Димка! Милый мальчишка, так страстно мечтавший о подвиге. Вот и совершен этот подвиг... И Димка, как солдат, ранен в бою...

У входа в хирургическую клинику Трубников лицом к лицу столкнулся с Иваном; едва не сбив его с ног, Иван скрылся в приемном покое. Хлопнула дверь. От изумления у Виктора захватило дыхание. «Что ему тут надо?» — подумал он и подивился наглости Бушуева, который свободно, не скрываясь, разгуливает по району. Но теперь-то он никуда не денется от Виктора! У Трубникова к нему свой, особый счет...

В приемном покое было тихо и безлюдно. Иван сидел на скамейке, опустив голову. Он тяжело дышал, лицо его было мокрым от пота.

Виктор подошел к нему. Бушуев поднял глаза, узнал лейтенанта, но не двинулся с места; ничего не дрогнуло в его лице, только глаза потемнели.

— Ну, здравствуй, — сказал лейтенант.

— Здравствуйте, — ответил Иван.

Следовало немедленно арестовать его и доставить в милицию, но что-то помешало Виктору это сделать. Уж очень странное, растерянное и несчастное лицо было у Ивана; Трубникову захотелось выяснить, что привело его сюда. Он сел рядом с ним на скамью, но

не успел ничего спросить; в приемный покой вошла сестра; Бушуев вскочил и направился к ней.

— Я насчет Димы, сестричка, — тихо сказал он. — Зорич его фамилия...

— Понимаю, — ответила та, сочувственно глядя на Ивана. — Плохо ему... Совсем плохо... Задето сердце...

— А увидеть... Увидеть его нельзя?

Сестра покачала головой.

— Значит, все? — горестно спросил Бушуев. — Ничего нельзя сделать, да? Может, ему кровь нужна? Вы только скажите... Пусть хоть у меня возьмут, у меня хорошая кровь... Или лекарство какое-нибудь редкое... А может, профессора привезти?.. Теперь такие операции... Я в газете читал...

— Мы все делаем, что нужно, товарищ, — сказала сестра.

— Да, да, понимаю... Прости, сестричка...

Бушуев вернулся к Виктору, постоял немного молча, затем прошептал:

— Я никуда не уйду. Я знаю, ты за мной пришел. Подожди, я сейчас... Я только схожу к врачу, к главному... Парнишка-то этот знакомый мой... Я быстро!

Кивнув Трубникову, он направился к белой двери, на которой висела табличка «Хирургическое отделение». Он открыл эту дверь и скрылся, и Виктор не вскочил и не последовал за ним, потому что совсем не нужно было этого делать, и он это очень ясно почувствовал...

Через несколько минут Бушуев вернулся.

— Все, — сказал он, не глядя на Виктора. — Уже пульса почти нет... Там мамаша его...

Достав пачку сигарет, он хотел закурить, но потом махнул рукой, бросил пачку в урну и сказал:

— Конец!

Его плоское, жесткое лицо словно окаменело.

— Ну что ж, пойдём? — предложил Виктор.

— Да, теперь пойдём, — согласился Иван.

Они вышли на улицу.

— Ты сам знаешь, куда идти, — сказал лейтенант.

— Да, я знаю.

— Ну, вот прямо туда и ступай.

Нагнув голову, Бушуев двинулся вперед.

— Откуда ты Зорича знаешь? — спросил Виктор.

— Путевку он для моей матери достал в санаторий, на завод приглашал.

— На завод?

— «Заходи, — говорит, — к нам. Разговор будет...» Собирался я зайти. Опоздал.

Виктор промолчал.

Они были уже недалеко от райотдела. Иван остановился и, нахмурившись, сказал:

— Вот что. Мне надо домой заскочить.

— Зачем?

— Мать там ждет. Завтра должна ехать... А путевка у меня. Отдать нужно. Зайдем?

— Зайдем, — ответил Виктор.

Он знал, что иначе ответить нельзя и нельзя отказать Ивану, хотя, конечно, путевку можно было бы отдать матери и потом.

Когда поднялись на ветхое крылечко, Бушуев попросил:

— Ты при ней молчи. Она не знает...

— Само собой, — ответил лейтенант.

Их встретила седая старушка. Она захлопотала, придвинула гостю стул, но Иван сказал:

— Нам некогда, мать. Мы спешим. Вот твоя путевка, вот деньги на дорогу. Тысяча рублей. Аванс мне выдали. И до свиданья.

— Надолго теперь? — спросила старушка, и слезы быстро закапали из ее выцветших глаз.

— Надолго, мать, — ответил Бушуев. — Завербовался я на стройку.

— А Зиночка тоже с тобой?

— Нет, она пока остается, она придет к тебе, ты лечись...

Старушка припала к Ивану, он погладил ее по седым волосам и сказал Виктору:

— Пошли.

На пороге он остановился, обвел взглядом комнату и улыбнулся матери.

— Ну вот. Не горюй, старая. Я скоро напишу.

— Насчет стройки-то липа, конечно? — спросил Трубников на улице.

— Почему липа? — нехотя ответил Иван. — Это правильно. Завербовался я. В Дальстрой на три года. И аванс получил. Не вышло, жаль. Значит, не судьба. Решил в последний раз попробовать...

— Что попробовать?

— Жизнь изменить... Надоело все...

Несколько кварталов они прошли молча. Когда до райотдела оставалось метров триста, Виктор сказал:

— Погоди.

— Чего ты? — остановился Иван.

Он опять был такой же, как всегда. Настороженный, угрюмый. Его плоское лицо с каменными скулами было бесстрастным и неподвижным, как маска.

— В чем дело?

— Давай закурим.

— В камере накурюся. Ты только знаешь что, слушай, может, вытянет Димка... Так ты тогда скажешь мне, ладно?

— Ты сам узнаешь, — ответил Виктор.

— Как я узнаю? — усмехнулся Бушуев.

— Это уж дело твое, — сухо сказал Трубников. — Дальше нам с тобой не по дороге. Мне домой надо...

— Домой? — переспросил Иван.

— Да и тебе пора по своим делам. Дел у тебя, наверно, много... Ты ведь уезжаешь на стройку. Черкнешь мне оттуда пару строк. Хорошо?

— Ты... меня... отпускаешь?!

— Пробуй, Бушуев. Пробуй в последний раз... Надо же и тебе когда-нибудь узнать, какая она есть — настоящая человеческая жизнь. Прощай.

Виктор пожал холодную твердую ладонь Ивана и быстро пошел прочь. На углу он обернулся. Иван стоял на том же месте и, сдвинув брови, глядел ему вслед.

Лейтенант поднялся по крутой лестнице райотдела

на второй этаж и вошел в кабинет Хорькова. Павел Ильич надевал плащ, собираясь уходить.

— Вы ко мне, Трубников? Что у вас? — ледяным тоном спросил он.

— Был я у Димки... Худо ему, — грустно ответил Виктор.

— Его ударил ножом один из дружков вашего Бушуева, — сказал капитан едко. — Вот какую цену мы должны заплатить за вашу расхлябанность. Надеюсь, хоть теперь вы это осознаете?

— Зюзин не дружок Бушуева, — ответил лейтенант. — Был когда-то, но теперь с этим покончено.

— Он что, сам вам об этом сказал? — усмехнулся Павел Ильич. — Откуда такая осведомленность?

— Да, сам сказал. Я разговаривал с ним только что.

— Вам удалось его... Он здесь? — поднял брови Хорьков. — Ну, лейтенант, это вам повезло, и тем более перед особой инспекцией...

— Мне повезло в другом, — ответил Виктор, — но вы этого не поймете. А Бушуева здесь нет. Я отпустил его.

— Вот как? — помолчав, бесстрастно сказал Хорьков. — В высшей степени оригинально. Вне всякого сомнения. Надеюсь, что особая инспекция соответствующим образом оценит ваш поступок.

— Что ж, значит придется уйти из органов... — ответил Трубников. — Но я еще вернусь сюда, капитан Хорьков. Вернусь!

36

Хорькову трудно было работать. С каждым годом все трудней. И не потому, что он стал старым и неповоротливым. Нет, он готов был, как в юности, пешком исходить весь город, если требовалось для дела. Причина была в другом.

Всегда Павлом Ильичом было довольно начальство. Начальники приходили и уходили, а Хорьков оставался. Каждый начальник имел свои странности, один требовал, чтобы в идеальном порядке содержалась отчетность, другой был помешан на чистоте,

третий любил, чтобы с ним разговаривали, вытянувшись в струнку. Хорьков умел ладить со всеми. Он умел составлять отчетность, соблюдать чистоту и вытягиваться в струнку. Его ценили. А теперь перестали ценить. Он это чувствовал.

В мире произошли совершенно непонятные вещи. Подули какие-то тревожные ветры. Поколебались основы.

И Хорьков растерялся. Виду не показывал, но растерялся. Он перестал понимать, в чем заключается его задача. И, не зная ее, он не мог руководить событиями, ему оставалось лишь плыть по течению. И он плыл. Он старался изо всех сил. И пока ему удавалось держаться на поверхности. Но это не могло продолжаться долго. Он знал. Раньше все было понятно... Хорьков был поставлен на свою должность для того, чтобы решительно пресекать беспорядки и бороться с нарушителями закона. Существовали уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. И существовали многочисленные инструкции. А кроме инструкций и кодексов, были еще традиции. Были также устные распоряжения высокого начальства. И вот эти неписанные традиции и распоряжения чашечко в корне расходились с тем, что говорилось в законе. Они были даже сильнее закона. Хорькова это не смущало. Он руководствовался в своей работе очень простым принципом.

Любое преступление должно быть раскрыто. Преступник найден. Следовательно обязан заставить его сознаться и собрать доказательства, подтверждающие его вину. Для этого были хороши все средства.

Отдельные люди как таковые Павла Ильича не занимали. Он интересовался тем, что они сделали, а не тем, кто они такие. Он смотрел на своих подследственных так, как врач смотрит на какую-нибудь опухоль, много раз описанную в учебниках. Все заранее известно. Вот сейчас этот человек будет оправдываться. А сейчас примется жаловаться. Теперь он заплачет. Пусть плачет. Хорьков подождет, пока он успокоится... Чужие слезы Хорькова не волновали. Лет тридцать назад они действовали ему на нервы,

а потом он привык. Хорош был бы хирург, падающий в обморок при виде крови! Такой позиции он придерживался много лет, и начальству это нравилось. Но после 1956 года в милицию пришли новые люди, и это перестало нравиться. Пришлось подделываться под этих людей. Павел Ильич подделывался. Но понять духа времени не мог.

Павлу Ильичу было сорок восемь лет, но его биография умещалась на двух страничках. Родился в тысяча девятьсот одиннадцатом году. В семье безземельного крестьянина, батрака. В гражданской войне не участвовал. В оппозиции не состоял. В органах милиции с тысяча девятьсот двадцать девятого года. Сначала был постовым в небольшом сибирском городке, затем участковым уполномоченным в крупном зерносовхозе; за безупречную службу присвоили офицерское звание и послали учиться в областной центр. После окончания школы был направлен в отделение дознания, где и работаю в настоящее время. Точка. Подпись.

Были факты, о которых он не сообщал. Смешно же было, например, писать в официальном документе о том, как он женился, как радовался рождению дочери, как потерял жену...

Ее звали Клавдией. Хорьков увидел Клавдию на станции Унта, куда приехал по просьбе директора совхоза получать запасные части для тракторов. Он тогда был участковым уполномоченным в совхозе «Красная заря».

У Клавдии было бледное лицо, такое худенькое, с серыми щеками, с большими коричневыми глазами. А брови были соболиные, темные, пушистые, и носик прямой, тонкий, словно у статуэтки. Сбоку были видны ее маленькое, розовое, теплое ухо и над ним небрежная прядка легких, как тень, волос...

Ей недавно исполнилось двадцать четыре года. Она ехала к мужу, архитектору, в Восточную Сибирь. Дом, построенный мужем, кому-то не понравился. За вредительство его осудили на десять лет. Перед замужеством Клавдия окончила Ленинградскую консерваторию. Она была учительницей музыки.

Ехала к мужу, да не доехала. Дальше Унты ее не пропустили. Оказывается, нужно было выхлопотать пропуск в Москве, а она не догадалась, отправилась просто так, на свой риск... Теперь ей пришлось возвращаться. Но у нее не было денег. Она рассчитывала, что приедет к мужу в Боровск, поступит учительницей в школу. Теперь она не знала, что ей делать.

...Вместе пили кофе из алюминиевых кружек. Павел Ильич был парнем хоть куда. Стройным, собранным, с застенчивым румянцем.

— Зачем вам возвращаться? — сказал он внезапно. — У вас в Ленинграде все равно ведь никого нет... Поехали бы лучше к нам в совхоз. Будете детишек музыке обучать. Все к мужу поближе. А?

Подумав, она согласилась. Она решила из совхоза написать в Москву, добиваться, чтобы ей дали пропуск и позволили ехать дальше...

Павел Ильич уступил ей одну из своих трех комнат. Она приняла его услугу просто и легко, поблагодарила и забыла о нем. У Клавдии было много работы: драмкружок, школа, занятия с девушками, хор... Она была очень вежливая, деликатная, с тихим голосом. Если обидят, только откроет большие грустные глаза, помолчит и опустит голову... Впрочем, к ней все относились хорошо. И никто не ухаживал. Считалось, что на это имеет право лишь Павел Ильич. А он и подойти-то к ней боялся... Даром, что были соседями, за полгода она всего два раза пригласила его в гости. На именины и на новоселье...

Клавдия написала в Москву несколько писем, но когда проезд в Боровск ей разрешили, выяснилось, что мужа перевели на новое место. И снова нужно было хлопотать.

Муж писал редко, а весной пришло извещение о его смерти. Он простудился, заболел воспалением легких и умер в больнице, на руднике «Ягодный».

Через два года Павел Ильич и Клавдия поженились.

Хорькова послали на работу в большой город. Получил хорошую квартиру в Красноозерном районе.

Родилась дочка Аллочка. Павел Ильич прилично зарабатывал. Он делал все, чтобы Клавдия ни в чем не нуждалась. Его очень огорчало, что он не может уделять ей достаточно внимания. По вечерам он почти всегда бывал занят. Но Клавдия не скучала. Он купил ей пианино, и она, дожидаясь его, играла... Павел Ильич был счастлив. Именно о такой семье он мечтал.

Его только обижало, почему она не хочет поиграть для него на пианино. Правда, он очень уставал и иногда у него слипались глаза... Но слушать он любил. Она играла для него все реже...

...А потом взяла и ушла от него. Ушла совсем. Это случилось в 1948 году.

Все началось с того, что ей вдруг позвонил по телефону Людвинцев, дирижер, ее знакомый по Ленинградской консерватории. Он разыскал ее адрес и напросился в гости. Павел Ильич нарочно в этот день пришел домой пораньше, чтобы лучше принять его. Клавдия рассказала, что у Людвинцева умерла недавно жена и он очень одинок... Хорьков решил окружить его вниманием, чтобы он не чувствовал себя одиноким и никому не нужным... Но за ужином лишним внезапно почувствовал себя сам Хорьков. Дирижер и Клавдия оживленно разговаривали о чем-то непонятном, а Павла Ильича не замечали, точно его не было в комнате.

...Больше Людвинцев в их доме не появлялся. А через месяц Клавдия объявила Хорькову, что решила с ним развестись. Он ничего не мог понять и сперва даже не поверил. Разрушать семью? Да из-за чего?! Из-за этого Людвинцева? Но ведь у них есть дочь...

— Я не могу больше с тобой жить, — спокойно сказала Клавдия. — Не сердись... Дело даже не в Людвинцеве... Я давно это решила. Еще до того, как он пришел к нам...

— Но почему? Почему?

Клавдия промолчала.

Хорьков принялся перебирать в памяти их совместную жизнь. Все было так хорошо... Они нико-

гда не ссорились. Клавдия уважала Павла Ильича и его работу... Правда, насчет его работы в последнее время она начала высказываться как-то странно...

Она взяла себе привычку ходить по судам. Слушала все дела, следствие по которым вел Павел Ильич. Это были обыкновенные, скучные, мелкие дела. В начале лета вышел Указ об усилении ответственности за хищения. И Павлу Ильичу приходилось возиться с мальчишками, стащившими из ларька сто граммов конфет, и с женщинами, которые унесли под телогрейкой с хлебозавода украденную буханку. Просто смешно было их допрашивать. Все было ясно с самого начала. Здесь не требовался следователь. Здесь был нужен делопроизводитель. Регистратор.

По новому Указу женщинам и мальчишкам давали семь или десять лет. Чаше десять. И бандитам, арестованным за вооруженное ограбление, давали столько же. Иногда, правда, их наказывали строже. А иногда оправдывали. Дело в том, что эти бандиты хорошо знали законы и ухитрялись вылезать сухими из воды. Тех же, кто совершал мелкие хищения и попадался в первый раз, не оправдывали никогда. Они во всем сознавались, и судьям ничего не оставалось, как приговаривать их к десяти годам заключения.

Павел Ильич и все его товарищи-следователи были завалены этой скучной, неинтересной работой.

Клавдия ходила на процессы. Она возвращалась задумчивая и притихшая. Однажды она сказала:

— Боже мой, чем ты занимаешься изо дня в день? Вчера судили пожилого рабочего. Он сорок лет проработал мастером на кондитерской фабрике. Он в цехе пил чай с конфетами и положил три конфеты в карман, чтобы отнести внучке. Там было сто двадцать пять граммов конфет. Их взвесили, когда отобрали при обыске. И этого человека приговорили к семи годам лишения свободы. К семи годам! Ты вел следствие. Ты его отдал под суд.

— Ты узко мыслишь, — ответил Хорьков. — Это враги народа. Они по копейке все государство растащат!

— Они-то враги? — с тоской спросила Клавдия. — Они же просто голодные. Война только кончилась. Поругано все...

— Я прошу тебя замолчать! — строго сказал Павел Ильич. — Есть вещи, которые...

Не дослушав, она вышла из комнаты.

Да, да... Все началось именно с этого, а не с визита Людвинцева. Теперь Хорьков понял. И, поняв, успокоился. Заставил себя успокоиться. Клавдия не понимает его работы. Его трудной, но важной работы. Она мыслит по-мещански. Значит, им не по пути. Своей работе Хорьков не изменил бы все равно. Даже ради Клавдии.

Он давно чувствовал, что они чужие. Ну, конечно, ведь он же был слишком прост для нее. Ей требовался интеллигент, чтобы рассуждать с ним о музыке и обо всяких таких вещах. Болтаться по ресторанам. Водить компанию с такими же, как они, бездельниками. Сослуживцы мужа ее не устраивали! Ну ладно. Проживем как-нибудь без вас! Аллочке исполнилось десять лет. Она была уже большая. Клавдия забрала ее. Павел Ильич не протестовал. Он был благородным человеком. Ребенок нуждается в матери.

Но через четыре года Алла написала отцу из Клайпеды, где они жили. Клавдии не повезло в новом браке. Дирижер оказался никчемной личностью. Он не мог ужиться с начальством, его вечно выгоняли с работы, переводили с места на место, к тому же он болел туберкулезом и по полгода валялся в больницах. Клавдии приходилось за ним ухаживать.

«Маме очень трудно, — написала Алла, старательно выводя буквы. — Мы живем в музыкальной школе, в комнате, где была кладовка. Я хочу жить с тобой. Можно мне приехать? Если да, то вышли денег».

Хорьков послал пятьсот рублей. Алла приехала. Клавдия не написала ни слова, даже не передала

привет. Но Хорьков был по-своему удовлетворен. Вот твой интеллигент. Понятно? Со мной ты бы забот не знала. А теперь живи со своим интеллигентом!

Между прочим, он с тех пор невзлюбил представителей умственного труда. Он в глубине души презирал всех этих дирижеров, художников, писателей. Артисты еще куда ни шло. На них хоть смотреть приятно, особенно в кино. А остальные бездельники. Надменные, утонченные, культурные бездельники. Хорьков терпеть не мог интеллигентов. Он был убежден, что государству от них нет никакой пользы. Они не производят материальных ценностей. Надо быть с ними построже. То, что простительно рабочему, образованному прощать нельзя. На то он образованный.

Но обо всем этом Павел Ильич не упоминал в биографии.

Он просто писал: с женой разошелся, имею дочь.

Тридцать лет Хорьков проработал в милиции. Скоро ему будет пятьдесят. Он уже не молод. В этом возрасте особенно тяжело сознавать, что чего-то самого важного ты не понимаешь.

Кому нужны эти новшества? Связь с массами... Неужели Хорьков должен ездить на фабрики и рассказывать рабочим о том, как он борется с преступниками? Отчитываться перед ними? Нет, благодарю покорно. Такие вещи только в газетах хороши. А кто там в зале? Может быть, завтрашний правонарушитель? И я буду ему открывать свои методы?.. Или взять дружины. Тоже пошла новая мода. Помощники. С утра до вечера толкутся в райотделе, засыпают вопросами, вносят предложения... «Через несколько лет мы вас заменим!» Смешно! Нет, капитан Хорьков привык ключ от своего кабинета держать в кармане, посторонних туда он не пустит.

И еще этот мальчишка Трубников. В нем словно соединилось все, чего Павел Ильич терпеть не может в людях. Легкомыслие. Манера все брать под сомнение, не считаться с авторитетами. Убеждение, что обязательно надо работать как-то по-другому. Как? Все это слова: интуиция, индивидуальный под-

ход. Интеллигентщина! Хорькову просто противно было смотреть на самоуверенного, упрямого Трубникова. Дружины, общественность! А сам бандита упустил. Вот это и есть новые кадры с высшим образованием?

Благодарим покорно! Мы университетов не кончали, но у нас есть опыт и преданность долгу. Посмотрим, что нужнее для службы — наш опыт или ваша хваленая интуиция!

Конечно, Трубников провалился. Иначе быть не могло. А ведь способный — в глубине души Хорьков это признавал. Слушался бы меня, уже капитаном был бы. С дипломом это легко.

...Трудно стало работать Павлу Ильичу. А в биографии об этом не напишешь. Биография легко умещается на двух страничках. Хорьков прямо смотрит в глаза начальству. В его жизни нет ни одного темного пятна. Таких, как он, в милиции осталось немного. Возможно, даже совсем не осталось. И он гордился этим.

Он был очень недоволен несколько месяцев назад, когда Трубников подсунул ему склочное дело о губной помаде... Нет, это было не такое дело, на котором можно было бы отыгаться и доказать всем критикам, что старые милицмейские кадры — это надежные кадры! Хорькову совсем не улыбалось связываться с Квасническим.

Он освободил из-под стражи Олега, даже не дожидаясь Трубникова, так как заранее знал, что Виктор ничего не найдет за городом. Подумаешь, билеты на электричку! Все это романтика. От таких улик проку никто никогда не видел.

Однако вопрос был даже не в том, что Виктор не располагал серьезными уликами. Самому Хорькову приходилось начинать дознание вообще без всяких улик. Но он знал, когда можно так действовать, а когда нельзя. Держать в камере такого человека, как Квасницкий, было рискованно. Это при недостаточной солидной позиции обвинения сулило крупные неприятности. Тут надо было действовать или наверняка, или не трогать Олега вообще. Капитан кое-что

повидал в жизни. Он был не таким наивным, как Виктор. И когда через две недели ему позвонил Квасницкий-старший, вернувшийся из-за границы, он ответил:

— Я целиком разделяю ваше возмущение. Я согласен, что для ареста не было достаточных оснований. Сотрудник, допустивший нарушение закона, уже строго наказан, а вашего сына, как вам известно, я освободил тотчас же, как только узнал об его аресте...

Хорьков, говоря так, отнюдь не был убежден в невиновности Олега. Он вполне допускал, что тот действительно связан со спекулянтами. Но вступать в конфликт с Квасницким-старшим Павел Ильич не хотел.

Освобождая Олега, Хорьков предвидел все последствия этого. Он прекрасно знал, что выпускает дело из своих рук. Побывав под арестом, Олег безусловно предупредит сообщников, и те притаятся или перенесут свою деятельность в другой район. Пусть их там и ловят. Хорьков даже поможет товарищам из соседнего райотдела милиции. С удовольствием. Лишь бы самому этим не заниматься... Капитан все очень точно рассчитал.

Вскоре после того, как Олег Квасницкий вернулся домой, инвалид дядя Вася перебазировался с Красноозерной улицы на Красноармейский проспект и стал торговать губной помадой более осторожно. Сведения о французской пудре появились в Кировском и Заречном райотделах милиции. Дело, судя по всему, уплыло к соседям. Хорьков был очень доволен.

Летом Олег принес заявление о том, что его обокрали.

— Вещи ваши найдем, будьте покойны! — пообещал Павел Ильич. И развил бурную деятельность. Тут уж он ничем не рисковал. Мог даже получить благодарность от Казимира Андриановича.

Когда Ларису привезли в город, Павел Ильич сам позвонил Квасницкому и сообщил, что преступница задержана.

Правда, в дело Ларисы вмешались дружинники, райком, предложили отдать Гаевую на поруки. Это уже Хорькова не касалось. Пусть Бандура решает. В глубине души он был недоволен тем, что его лишили возможности пожать причитающиеся ему лавры.

Но все-таки он дождался своего часа!

Убийство дружинника в Софийском сквере! Наконец к нему в руки попало настоящее, перспективное дело. Никаких осложнений не предвидится. Преступник известен. Он был задержан простым рабочим; а между прочим, капитан Хорьков недавно проводил беседу именно на этом заводе. Вот вам связь с массами. Правда, фигура героя-рабочего не совсем подходящая. Шибанов — сам человек с темным прошлым. Ну, ничего. Можно сделать вид, что это нам неизвестно.

Очень хорошо, что отстранен от работы Трубников. Не станет путаться под ногами, лезть со своими советами, а главное, вся заслуга раскрытия этого дела по праву будет принадлежать Хорькову.

Трубников действовал Павлу Ильичу на нервы. Даже упоминание о нем вызывало у капитана раздражение. На днях Бандура, встретив Хорькова в коридоре, неофициальным голосом спросил:

— Что, старик, отсутствие Витьки все-таки чувствуется, а?

— Безусловно, — ответил капитан. — Работать спокойнее стало.

— Не рано ли ты покоя захотел? — задумчиво спросил полковник.

Этот разговор сильно встревожил Павла Ильича. Но теперь-то он продемонстрирует Бандуре, что Трубников был не такой уж заметной фигурой в отделении дознания.

Как ни посмотри, дело об убийстве подоспело кстати. Оно было заметным, привлекло внимание общественности и не требовало большой возни. Но тут Павел Ильич ошибся.

Зюзин не стал запираяться. Впрочем, он не смог, даже если бы захотел. На первой же очной ставке

Шибанов показал, что своими глазами видел, как все произошло. С завода пришло коллективное письмо, в котором рабочие требовали расстрелять бандита. Все население района было возмущено подлым убийством. Васька Зюзин встревожился.

— Что же мне делать, гражданин начальник? — спросил он после того, как Павел Ильич с целью испугать его и заставить рассказать о своих связях дал ему прочитать письмо с завода. — Неужто мне теперь крышка? Шлепнут, как вы полагаете?

— У тебя остался один шанс, — ответил Хорьков. — Расскажи о том, о чем следствие еще не знает. О своих дружках, например. Может, тебе известны еще какие-нибудь преступления? Суд примет во внимание твоё раскаяние.

Павел Ильич не очень-то рассчитывал на откровенность Зюзина, но решил все же попытаться развязать ему язык. Результат превзошел все его ожидания.

— А вы не врете? — спросил Зюзин, привстав. — Я могу вам назвать компанию крупных дельцов. Меня тогда помилуют?

— Возможно, — насторожившись, ответил капитан.

И тут Васька рассказал о Леониде Максимовиче Клычко. Павел Ильич торопливо достал из письменного стола чистый бланк протокола. Был час ночи, но усталость у Хорькова как рукой сняло. Не подвело его чутье! Дело разрасталось как снежный ком.

Зюзин говорил, а Хорьков поспешно записывал. Он даже вопросов не задавал, боясь перебить Зюзина. Ниточка разматывалась, клубок оказался крупным. Зюзин выложил все, что знал. Клычко воровал из своего магазина ящики с различной парфюмерией. Эти ящики Зюзин в определенные дни переправлял к некоему Алику, проживающему по адресу: Красноозерная улица, дом четырнадцать, квартира сто сорок три...

Павел Ильич от неожиданности выронил ручку. Он сразу вспомнил этот адрес. В доме номер четырна-

дцать проживал Олег Квасницкий. Судьба снова привела Хорькова к склочному «делу о губной помаде», к тому самому делу, от которого он с таким трудом избавился. Выходит, прав-то был Трубников со своей интуицией, а не он, Хорьков? Капитан помрачнел, отчетливо сознавая, что дал маху. Оставалось одно — наверстать упущенное, да так наверстать, чтобы комар носа не подточил.

— Я от вас ничего не скрыл! — сказал Зюзин. — Можно мне хотя бы надеяться?

— Надейся, надейся, — буркнул Хорьков.

Отправив Зюзина с конвоиром в камеру, Павел Ильич спустился в дежурную часть и спросил, не поступало ли за эти дни каких-либо заявлений от граждан. Ему протянули письмо Раисы Юрьевны. Хорьков заперся в кабинете и прочел. В письме подробно рассказывалось о деятельности шайки спекулянтов. Зюзин сказал правду.

Павел Ильич умел действовать решительно. Теперь-то его не смущало, что придется поспорить с Квасницким. Убийство не шутка. И улики налицо. К тому же есть коллективное письмо. Эта история может попасть в газеты. Тут не зевай! Что касается Квасницкого... ну что ж... в общем даже не обязательно с ним ссориться... Будем вежливо и спокойно выполнять свой долг. А Казимиру Андриановичу можно даже посочувствовать...

Утром капитан попросил у Бандуры машину и съездил к районному прокурору. Он захватил с собой показания Зюзина и письмо Раисы Юрьевны.

— Разрешите мне арестовать Олега Квасницкого, — сказал Павел Ильич.

— Его же раз арестовывали, а потом выпустили, — ответил Родичев. — Вы еще наказали кого-то...

— Совершенно верно, — нехотя сказал Хорьков. — Но тогда не было материала, а сейчас другое дело.

Запасшись ордером, Павел Ильич вызвал двух оперуполномоченных, они отправились к Олегу. Художник был дома. Дома был и Казимир Андрианович.

— Что это значит? — удивленно спросил ответственный работник совнархоза.

— К сожалению, не могу ответить на ваш законный вопрос, — Хорьков выразил на лице печаль. — В данном случае я только исполнитель.

— Но в чем обвиняется мой сын?

— Вы, безусловно, сможете выяснить это у начальника райотдела, — мягко ответил Павел Ильич.

Он не желал вступать в конфликт с человеком, который еще мог наделать ему неприятностей. Обыск тем не менее он провел очень тщательно. Ему повезло больше, чем Виктору. Олег не ожидал, что снова нагрянет милиция. В тайничке, обнаруженном в письменном столе, оказалось сто пятьдесят пустых тюбиков из-под губной помады с буквами «Made in USA» и сорок флаконов духов «Серебристый ландыш».

— Что это? — изумленно спросил Квасницкий старший.

— Подарки моим дамам, — хладнокровно ответил Олег. — Какой смысл каждый раз ходить в магазин?

— Придется поехать с нами, — вежливо сказал капитан.

— Однажды вы меня уже освободили, — надменно ответил Олег. — Тогда я не жаловался. Теперь будет иначе.

— Ну что ж, — ответил Хорьков. — Конечно, жалуйтесь. И если прокурор неправильно велел вас арестовать, с него взыщут. Со своей стороны, я горячо желаю, чтобы вы оказались невиновным.

Капитан за руку попрощался с Казимиром Андриановичем. Тот был очень расстроен и подавлен. Олег долго всовывал руки в рукава плаща.

В кабинете Павел Ильич заговорил с Олегом по-другому. Теперь он должен был во что бы то ни стало добиться признания. Как можно скорее. Пока Казимир Андрианович не поднял шум.

— Вот что, дружок, — сказал Хорьков деловито. — Ты должен понять, что выкручиваться теперь бесполезно. Это тебе может только повредить. Если у тебя есть голова на плечах, ты сам сообразишь.

Дело серьезное. Твои компаньоны Клычко и Зюзин замешаны в убийстве. Мне нужно знать, кто еще был в вашей компании? Кто торговал помадой? Кто изготовлял фальшивые этикетки с иностранными надписями? Где деньги? Только откровенным признанием ты сможешь смягчить свою участь.

Это был старый, но верный прием. Хорьков, впрочем, не рассчитывал, что Олег сразу во всем признается. Он приготовился к длительному, упорному поединку и был удивлен, когда выяснилось, что художник не собирается отрицать свою вину.

— Хорошо, — ответил Олег. — Вы получите все, что хотите. Для начала закройте дверь. Заприте ее.

Павел Ильич, пожав плечами, повернул в замке ключ.

— Теперь поговорим, — сказал Квасницкий. — Отпираться я не буду, мне это попросту ни к чему. Этикетки и тюбики изготовлял я. Клычко приносил товар, я его перекрашивал. Спрос рождает предложение. У нас полно людей, которые клуют на заграничные этикетки. Эти люди, в сущности, правы — этикетки во всех случаях жизни ценятся выше, чем содержимое, ибо они позволяют ничтожным мошкам считать себя избранными личностями. Я пошел на встречу их вкусам, вот и все. Труд был адский. Одного клея я извел литров пятнадцать. А для тюбиков соорудил небольшой штамп, которым выдавливал латинские буквы. Вот и вся механика. Кто занимался распродажей моих изделий, вам, должно быть, без меня известно. Что касается выручки, то она делилась на три части. Треть уважаемому директору магазина, треть мне и треть Ваське Зюзину за организацию и непосредственное руководство сбытом продукции. В общей сложности я заработал не так уж много. Я кончил, товарищ капитан. Я глубоко убежден в том, что не совершил никакого преступления. Во всяком случае, мой поступок в уголовном порядке ненаказуем, следовательно, вы будете вынуждены освободить меня вторично. Не так ли?

— Нет, не так, — усмехнулся Павел Ильич, записывая показания Олега. — То, чем вы занимались,

вполне подходит под понятие мошенничества. Сто шестьдесят девятая статья. От шести месяцев до двух лет тюрьмы. Конечно, не исключено, что народный суд учтет ваше чистосердечное признание и применит к вам статью сорок третью, в которой говорится о смягчающих обстоятельствах. Правда, лично я таких обстоятельств в вашей биографии не нахожу. Вы не инвалид Отечественной войны, не персональный пенсионер и не глава многочисленной семьи. Но все же советую вам надеяться на лучшее.

Квасницкий прищурился и с расстановкой ответил:

— Хорошо. Я буду надеяться на лучшее. Есть у меня одно смягчающее обстоятельство. Думаю, что суд им заинтересуется. Я не хотел вам о нем говорить, но теперь у меня не остается другого выхода. Дело в том, что я не назвал еще одного участника нашей группы. Того, кто устроил у себя дома склад готовой продукции. Это женщина, вернее молодая девушка. Ее имя — Алла, фамилия Хорькова. Почему же вы не пишете? Занесите мои показания в протокол!

Павел Ильич беспомощно смотрел на Олега. А тот торжествующе продолжал:

— Понимаю ваши чувства и не стану растревлять рану. Думаю, мы разойдемся по-хорошему. Об Аллочке никто не узнает, но вы сейчас же отпустите меня домой. Я очень хорошо отношусь к вашей дочери, капитан, и никогда не позволю себе бросить на нее тень. Но согласитесь, было бы несправедливо отвечать мне одному за преступление, совершенное вдвоем.

— Вы сказали о складе. Где этот склад? — опустив глаза, спросил Хорьков.

— На даче, — быстро ответил Олег. — На вашей даче, капитан. Это смешно, не правда ли? Ирония судьбы! Так как же? Я могу идти?

Хорьков выглянул в коридор и позвал дежурного милиционера:

— Отведите его в камеру.

Олег нахмурился, но тут же лоб его разгладился.

Он беззаботно улыбнулся. Все кончится хорошо. Никуда этот Хорьков не денется.

Но Квасницкий плохо знал Павла Ильича.

37

В свое время Хорьков был уверен, что Алла написала письмо из Клайпеды по наущению Клавдии. Но он заблуждался. Алла действовала самостоятельно. Она считала себя трезвой и мыслящей девушкой. Она понимала, что жить у отца в отдельной квартире гораздо лучше, чем ютиться в кладовке, спать на двух сдвинутых ящиках, бегать в больницу с передачами и переписывать для мамы ноты. Она хотела, чтобы жизнь у нее была приятной.

Когда пришел перевод, Клавдия удивилась. Дочь ничего не говорила о своем решении. Клавдия попыталась предостеречь ее. Но Алла ответила:

— Я хочу к папе.

Это было сказано так значительно, что Клавдия умолкла.

Все вышло так, как мечтала Алла. Отец встретил ее радостно, не знал, куда посадить и чем накормить. Отдельная квартира была предоставлена в ее распоряжение. Папа накупил массу дорогих и красивых нарядов для дочери.

Они дружили. Алле нравился отец, нравились его сухость, его манера ко всему относиться слегка иронически. Ей казалось, что он очень смелый. Он таскал в заднем кармане пистолет и пропадал по ночам на «операциях». Бандиты могли убить его каждую минуту, а он не боялся... Они были друг с другом откровенны. Павел Ильич рассказывал о своей работе, дочь, в свою очередь, делилась с ним школьными новостями. В университет Алла поступила с трудом. Способности у нее были не ахти какие, но она и не стремилась хватать звезды с неба.

Она считала, что смысл жизни совсем в другом. Главное, побольше зарабатывать. А после окончания университета заработок будет хорошим. Кроме того, ее окружают интеллигентные люди; в этой среде боль-

ше шансов встретиться с настоящим мужчиной. С таким, который создаст для Аллы обеспеченную жизнь.

Не зря она изучала английский язык. Она знала его хорошо и хотела знать в совершенстве. У нее была мечта: стать переводчицей и уехать с каким-нибудь дипломатом за границу.

Павел Ильич знал о планах дочки, она их не скрывала.

Олег Квасницкий окончил художественное училище в том году, когда Аллу приняли на первый курс университета. Они познакомились в областном Доме моделей, где Алла бывала довольно часто. Она рисовала для себя с натуры платья и костюмы и пыталась изобрести новые фасоны. Иногда ей это удавалось.

Узнав, что Олег сын ответственного работника совнархоза, Алла решила выйти за него замуж. Он, конечно, не был дипломатом, но он все же мог создать для нее приличную жизнь. Она заметила, правда, что не так уж сильно ему нравится, но это ее не смутило. Браки по любви редко бывают счастливыми. Олег слегка ухаживал за Аллой. Этого ей было мало. Она решила с ним подружиться. Вскоре Олег стал рассказывать Алле обо всех своих делах. Делиться с ней даже своими мужскими секретами. Например, очередными победами на сердечном фронте. Вокруг него постоянно увивались какие-то девчонки. Алла не ревновала. Она гордилась тем, что он ей доверяет, и знала: будущее за ней, а не за этими девчонками!

Потом она познакомилась с Виктором. Трубников ей понравился гораздо больше Олега, кроме того, Олег что-то не спешил делать предложение, а Виктор все же был сыном прокурора. Не так плохо! Можно было придержать его про запас.

Олег несколько раз намекал ей, что ему нужна ее помощь в чрезвычайно деликатном деле. Есть возможность хорошо заработать. Не хочет ли она принять участие?

Вся эта затея с губной помадой показалась Алле смешной. Она сказала, что Олег может всегда на нее рассчитывать, но ввязываться в их компанию ей не хочется. Зачем ей, спрашивается, лишние хлопоты? Это

мужчинам к лицу добывать деньги. Женщина должна лишь уметь найти для них достойное применение.

Когда Трубников в филармонии показал ей тюбик помады, Алла встревожилась. Все-таки она была дочерью следователя. Она поняла, что Олег в опасности. Раз уж помада попала в руки Виктора, значит делом заинтересовалась милиция. В этот же вечер Алла предупредила Квасницкого об опасности. Олег попросил ее срочно приехать.

— Товар нужно перепрятать, — сказал он. — Придется к тебе. Лучше не придумать. Никому в голову не придет.

Алла попыталась отказаться, но Олег был настойчив, и пришлось подчиниться. Она все-таки дорожила его дружбой. В тот же день отвезли на дачу два ящика, хранившиеся в комнате у Олега. С этого момента Алла стала участницей предприятия. Это случилось против ее воли, но она не пожалела об этом. Ее увлекли простота и остроумие такого способа добывания денег.

«Дело» было поставлено на широкую ногу. Ящики с парфюмерией поступали на дачу каждые три-четыре дня. Олег запирался на антресолях и шелкал своим штампом. Потом приезжал какой-то знакомый Олега и забирал готовую продукцию.

Алла, бывая в городе, видела на Красноармейском проспекте дядю Васю, бойко торговавшего духами и пудрой. Она понимала, что Олег зарабатывает уйму денег, и в конце концов ее возмутило, что он не делится с ней. Ведь она рискует так же, как они. Алла поговорила с Олегом откровенно. Он не стал спорить и сказал, что в пятницу привезет две тысячи рублей, причитающиеся Алле за вторую половину июля.

Она сидела на веранде и ждала его. Олег не ехал. Алла нервничала. Внезапно открылась калитка, и вошел отец.

Алла спустилась ему навстречу, слегка удивленная. Отец ведь в это время всегда был на работе.

— Доброе утро, папочка! — она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, но он отстранил ее и поднялся на крыльцо.

— В чем дело? — встревоженно спросила Алла.

Павел Ильич отвернулся. Он не мог на нее смотреть. В эти минуты рушилось все, что он любил, самое дорогое в его жизни. Он сам не знал, зачем приехал. Убедиться? Но он и так не сомневался в показаниях Квасницкого. В его душе совершился переворот; все, во что он верил, потеряло цену. Показания Васьки Зюзина были первым ударом. Откровения Олега — вторым. Страшнее всего для Хорькова было с полной ясностью осознать, что лейтенант Трубников оказался прав во всем — во всем, до мелочей. Даже Михаил Шибанов, которого Павел Ильич искренне считал отпетым хулиганом и смеялся над нелепой верой в него Трубникова, — даже Шибанов поступил именно так, как ждал от него лейтенант, а не он, Хорьков. И все, что говорил Трубников насчет дружины, целиком оправдалось. Действительно, ведь здорово помогают милиции ребята, это надо признать. Да взять хотя бы это дело о губной помаде — и начато оно было дружинником, и главного преступника задержал обыкновенный рабочий парень... Но если все так и Хорьков во всем ошибался, то, значит, он был не прав всегда, всю жизнь, и Клавдия ушла от него не напрасно! Думать об этом было страшно. Рушилось все вокруг... В сорок восемь лет тяжело прийти к выводу, что ты прожил жизнь зря. Случившееся нельзя было рассматривать как обычное несчастье. Оно было слишком многозначительным, это несчастье, — прямое следствие роковой ошибки Хорькова. Ошибки, которая лежала в основе всего, что он делал в своей жизни...

Не снимая фуражки, Павел Ильич поднялся на антресоли, распахнул дверь... Огляделся. На письменном столе белела скатерть. Угол спускался до пола. Павел Ильич поднял скатерть. Под столом были два ящика. Он заглянул в один из них, выпрямился... Алла стояла в дверях, растерянно и жалко улыбаясь.

Павел Ильич, глядя сквозь нее, вышел во двор. Солнце палило... Его лоб покрылся капельками пота.

— Куда же ты? — спросила Алла.

Хорьков, тяжело наступая на траву, шагал к воротам. В ушах у него звенело. «Как же так? Дочка... Ведь, кажется, я для тебя ничего не жалел...»

Внезапно Павлу Ильичу показалась знакомой эта фраза. Ну да, он слышал ее не раз от родителей, потрясенных арестом своих непутевых сыновей. «Как это могло случиться? — недоумевали они. — Ведь он имел все, что хотел». Хорькову было смешно их слушать. Он сурово отвечал: «Именно потому, что не жалели, ваш сын и вырос таким». Ему не стоило никакого труда поучать их... Он был уве-

рен, что сам в такую ситуацию не попадет, даже не думал об этом никогда. Что же, зато теперь у него будет время подумать.

Хорьков понимал, что его служебная карьера закончилась, но почему-то это его не волновало. Он шагал к станции по пыльной дороге. Ему было душно, в горле как будто застряла сухая корка хлеба...

Он приехал в город, постучал к полковнику и, когда Бандура пригласил его в кабинет, сухо сказал:

— Прошу отстранить меня от работы.

38

День был летний, жаркий, сияло солнце, но кое-где в листве деревьев уже мелькали золотые точки, и в прозрачном воздухе поблескивала паутинка.

Роман зашел в пустой клуб. Здесь было прохлад-

но. В полутемном зале какой-то парень носил на сцену стулья. Он брал по четыре стула сразу, соединив их спинками. Потом парень притащил стол, накрыл кумачовой скатертью и поставил на него графин с водой.

Роман сообразил, что за этим столом будут сидеть члены заводского товарищеского суда. Парень, вытирая со лба пот, обернулся, из-за портьеры на него упал пыльный луч солнца, и Роман узнал Мишку Шибанова.

— Это ты, Мишка? — спросил он.

— Я.

— Ну как, все в порядке?

— Да вроде, — сказал Мишка, оглядываясь, и, словно извиняясь, прибавил: — Попросил, понимаешь, меня Жилинский. А мне все равно. Воскресенье, делать нечего...

— Ну, правильно, — сказал Роман и повернулся к двери. Ему было жарко и неловко в новом костюме, который он нарочно надел с утра, чтобы вечером чувствовать себя в нем посвободнее.

— Значит, ты все-таки будешь обвинительную речь толкать? — с любопытством спросил Мишка.

— Я.

— Не боишься?

— Боюсь, — со вздохом признался Роман. — Даже, вернее, не боюсь, а просто волнуюсь. Она мне не чужая. Понимаешь? Особенности слова надо найти. Давно я хотел с ней поговорить по большому счету, она все от меня убегала. Вот и придется теперь этот разговор вести при всех... Ты гляди, Мишка, вон стол криво поставил. И скатерть углом висит.

Роман залез на сцену, поставил стол как следует. Глянул в пустой, темный зал, откуда тянуло прохладным ветром, и внезапно ему стало страшно. Он представил, как через несколько часов будет стоять здесь и тысячи глаз будут смотреть на него, и среди этих глаз — заплаканные глаза Ларисы, — и, представив все это, Роман решил еще раз как следует продумать свое выступление, чтобы оно не оказалось, как сказал сейчас Мишка, просто обвинительной речью.

Ведь Роман не прокурор; а брат Ларисы и самый верный ее друг; и надо, чтобы его речь была речью не прокурора, а брата и друга... Роман сам вызвался быть общественным обвинителем на предстоящем товарищеском суде. Это решилось недели две назад, в штабе. Ребята только что вернулись с похорон Димки и сидели молча, не глядя друг на друга. Кто курил, а кто просто смотрел в окно. Не хотелось расходиться. У всех перед глазами был гроб, усыпанный цветами, а в нем запрокинутое белое лицо Димки. Вера Сергеевна не плакала. Глаза ее были сухими. Даже когда гроб опускали в могилу и о дерево застучали комья земли, она не изменилась в лице. Она стояла между Катей и Дусей, которые бережно поддерживали ее под руки, и не отрывала взгляда от могилы, словно желая навеки вобрать в себя все, что было перед нею: и траурные ленты венков, и толпу людей, и склоненные красные знамена.

Заводской оркестр играл траурный марш Шопена, а потом был митинг, и выступали директор завода, и полковник Бандура, и Жилинский. Приняли решение первую на заводе бригаду коммунистического труда назвать именем Дмитрия Зорича, и навсегда оставить его в списке бригады, и портрет его повесить над станком.

Роман не выступал на митинге; он плакал — впервые в жизни, — и Валька Кабанчик плакал, и Дуся рыдала над гробом. Вера Сергеевна тихонько погладила ее по голове... После похорон они пошли с кладбища вместе, и Дуся осталась с Димкиной мамой...

Не сговариваясь, собрались в тот день дружинники в своем штабе. И Жилинский сказал:

— Завтра Ларису должны освободить... Сами судить ее будем... своим, рабочим судом. Партком и комитет комсомола обратились к нам с предложением выделить общественного обвинителя из числа членов штаба дружины. Кто из вас возьмется? Предупреждаю, дело очень нелегкое и очень ответственное. От того, каким будет выступление обвинителя, во многом зависит вся дальнейшая жизнь Ларисы.

Ребята переглянулись. И тогда Роман сказал:

— Прошу поручить мне.

— Тебе? — помолчав, переспросил Жилинский. — Но ведь ты... удобно ли это будет? Впрочем, конечно, это было бы очень хорошо. Но осилишь ли ты? Не сорвешься?

— Я постараюсь, — твердо ответил Роман. — Я должен с ней говорить! Мы росли вместе, она все равно, что моя сестра. Я ее лучше всех знаю. И мои слова быстрее до ее души дойдут. Ведь весь этот суд нужен не нам и не милиции, а только ей одной.

— Да, пожалуй, ты сделаешь это лучше любого другого, — задумчиво сказал Кондрат Григорьевич.

...Утром Роман поехал в тюрьму. Лариса вышла из ворот и остановилась, опустив голову. В тюрьме ее коротко подстригли, и с этой незнакомой прической она выглядела девчонкой, сразу стало видно, что ей совсем немного лет; и впереди у нее очень, очень много хорошего и плохого, что все вместе и называется жизнью...

Роман подошел к ней, взял ее за руку, и они поехали в общежитие. По дороге почти не разговаривали. Роман только спросил про здоровье, и Лариса ответила, что здоровье ничего... У самого дома она спросила:

— Что же теперь со мной будет?

— Что ты сама захочешь, то и будет, — ответил Роман.

Два дня Лариса просидела дома, не выходя из комнаты, а в понедельник отправилась в отдел кадров, и ее снова взяли копировщицей в технический отдел.

Был назначен день товарищеского суда. Роман знал, что должен как следует подготовиться к выступлению, каждый вечер он собирался сесть за стол и наметить, что нужно сказать, но ни одна путная мысль не шла в голову, и, просидев в комнате час-другой без всякого толка, он одевался и шел или в штаб, или в гости к Вальке Кабанчику, который опять по вечерам что-то изобретал, или к Ларисе на второй этаж.

Он еще в первый день сказал ей, что ему поручили выступить на товарищеском суде и что она должна подготовиться услышать о себе всю правду. Лариса приняла это как должное, не удивилась, не обиделась, ей как будто было все равно. Она ходила на работу, по вечерам читала или сидела на скамейке у крыльца, задумчиво глядя под ноги; Роману не нравилось, что она какая-то пришибленная, но он утешал себя, что это пройдет рано или поздно...

И вот настал день суда.

— Помог бы стулья расставить, — попросил Мишка.

Очнувшись от задумчивости, Роман помог ему расставить стулья и вышел из клуба.

— Я тоже пойду, — сказал Мишка. — Вроде все сделали как положено... Мне еще обед сготовить надо, представляешь?

— Какой обед? — рассеянно спросил Роман.

Они вышли из клуба и направились к трамвайной остановке.

— Дядька у меня на бюллетене. Гриппует старик. Ну, я ему вместо няньки. Вчера щи варил, сегодня хочу солянку заделать. Любишь солянку?

— Люблю, — улыбаясь, ответил Роман.

— Приходи обедать...

— А сто грамм будет?

— Куда там! — засмеялся Мишка. — Мой старик дал торжественную клятву даже не нюхать спиртного.

— Ну? — удивился Роман. — И что же? Неужели держится?

— Попробовал бы он не продержаться! — сказал Мишка. — Ты мой характер знаешь! Ну, пока. Обедать-то приходи. — Он подмигнул Роману и вскочил на подножку трамвая.

Роман помахал ему рукой, подумав: «Ах, Мишка, Мишка! Мне-то про свой характер можешь не рассказывать. Многие до сих пор от него далеко не в восторге. И только те, кто хорошо, до конца тебя узнал, поняли, чего ты на самом деле стоишь...»

Недавно Мишку приняли в дружину. Он как буд-

то не изменился. По-прежнему нелюдимый, грубоватый, и с мастером ссорится, и Романа частенько посылает подальше, когда тот делает ему замечания по работе. Но что-то в нем сдвинулось с места, глаза его словно посветлели и смотрят на мир без прежней подозрительности и настороженности. Работал он и раньше неплохо, а теперь появилось у него еще новое свойство; он стал таким же беспокойным, как Валька Кабанчик, Жилинский, Дуся... Его стали интересовать дела цеха, дружины. Мнения своего он пока ни о чем не высказывает, но бывает и на пятиминутках, и на производственных совещаниях. Сидит в уголке, думая о чем-то своем... А губы его по привычке кривятся в язвительной усмешке.

На днях Роман попросил его взять шефство над мальчишками-ремесленниками.

— Очень надо! — ответил Михаил, но вечером отправился к ним в общежитие и часа три подряд рассказывал им какие-то истории, судя по всему забавные, потому что из комнаты раздавались взрывы смеха. Через два дня ремесленники уже ходили за Мишкой по пятам и глядели на него с обожанием. И он, видимо, к ним привязался. Должно быть, они напоминают ему Димку.

Над Димкиным станком висит красный флажок с черной каймой. И на стене Димкин портрет, весь в еловых веточках. Димка, как живой, глаза сощурил, вот-вот подмигнет... На его станке пока никто не работает. Многие хотят попасть в бригаду коммунистического труда имени Дмитрия Зорича. Но не каждый достоин такой чести. Роман меряет новичков Димкиной меркой и остро ощущает, каким чудесным, светлым, благородным мальчишкой был Димка.

Димка, Димка, просто не верится, что тебя уже нет! Роман во время работы часто оборачивается, ему кажется, что за спиной слышится Димкин смех. И когда он приходит в штаб и здоровается с ребятами, то невольно ищет среди них Димку.

Димки нет... Эта мысль неотвязно преследует Романа. И не только его. Ребята и девушки — дружинники из Димкиного звена ходят подавленные; все

вдруг занялись неотложными делами и встречаются только на заводе, да еще иногда по вечерам на дежурствах. Аркашку из дружины выгнали, он уволился с завода и, говорят, укатил куда-то на север делать свою карьеру там, где его не знают...

...Вчера на завод пришла Вера Сергеевна. В завкоме ее окружили девчата, обняли, отвели в сторону и долго нашептывали что-то. Не утешали, нет. Разве можно ее утешить?

Каждый день Веру Сергеевну кто-нибудь навещает. Роман был у нее три раза. В Димкиной комнате все по-прежнему. Даже кровать, как была постелена его руками, так и стоит нетронутая...

В последний раз заходили к Вере Сергеевне вместе с Михайлом. Он стоял у порога с нахмуренными бровями, опустив вдруг подозрительно заблестевшие глаза. Вера Сергеевна обняла его и заплакала. А потом сняла со стены Димкину фотокарточку и подарила ему.

Это было неделю назад, в тот самый день, когда в городском суде началось слушание дела по обвинению Васьки Зюзина, Клычко, Олега Квасницкого и дяди Васи. Мишка был вызван свидетелем. От Веры Сергеевны отправились прямо в суд. Просторный зал был полон народа. Когда ввели подсудимых, раздался ропот, но тотчас же стих... Васька сел, словно жердь, сломавшись посередине. Лицо у него было озлобленное и испуганное, как у хищника, попавшего в капкан.

Михаил давал показания после Раисы Юрьевны. Роман боялся, что он будет волноваться, но Мишка был спокоен, только губы у него стали белыми. Катя, нарочно севшая в первом ряду, ободряюще ему кивнула, и Мишка заговорил. Он рассказал все, что видел, и прибавил несколько слов от себя.

— Его надо расстрелять, — сказал Мишка, указывая на Зюзина. — Я бы сам его расстрелял...

Мишка запнулся, и в этот момент в зале словно потолок обрушился: дружно грянули аплодисменты. Судье пришлось долго стучать карандашом по столу...

Зюзина приговорили к расстрелу, Клычко — к десяти

годам, а Олега Квасницкого — к трем годам заключения в исправительной колонии. Дядя Вася был осужден условно. Аллу Хорькову сочли возможным к уголовной ответственности не привлекать... Ее допрашивали как свидетельницу, и она, глядя перед собой, стиснув пальцы, с трудом удерживаясь от слез, давала показания.

Это было совсем недавно.

...А сегодня будут судить Ларису... Как долго тянется день!

Время как будто остановилось.

...Подошел трамвай. Роман приехал в общежитие и снова попытался подготовиться к выступлению. Но снова ничего путного не пришло ему в голову. Ну и пусть. Не так уж это страшно. Он будет говорить то, что подскажет сердце. Все хорошо знают Ларису. Роман не оратор, его и так поймут.

Он вышел из комнаты и до темноты пробродил по улицам. Он нарочно старался думать о посторонних вещах, но ничего у него из этого не получалось, он волновался с каждой минутой сильнее. От напряжения у него даже голова разболелась.

Но, явившись в клуб и поднявшись на сцену, он внезапно успокоился; в первых рядах он увидел знакомых ребят и девушек: Катю Назарову, Михаила, Дусю Карпенко, Кабанчика, инженера Горчакова. Это были друзья. Ничего плохого не могло произойти ни с Романом, ни с Ларисой, пока друзья рядом с ними!

Он взглянул на Ларису. Она сидела на длинной и пустой скамье, поставленной на краю сцены. Глаза ее были припухшими, а лицо бледным. Роман слышал ее прерывистое дыхание. Посреди сцены, за столом сидели судьи: председатель завкома, Жилинский и секретарь партийной организации. Роман вышел на авансцену. В зале наступила тишина.

— Слово предоставляется общественному обвинителю товарищу Гаевому! — негромко сказал Жилинский.

Откашлявшись, каким-то чужим, незнакомым голосом Роман заговорил. Его слушали внимательно.

Он рассказал о том, как Лариса работала, как

участвовала в самодеятельности; и помимо его воли то, что он говорил в похвалу ей, звучало очень убедительно и горячо, а когда он перешел к последующим событиям, голос его стал мягким и неуверенным. Нет, он не был объективным и беспристрастным, хотя и не оправдывал Ларису. Он говорил о ней ласково и любовно, и все видели и чувствовали, что она дорога ему. Но, может быть, вовсе и не нужно беспристрастие, когда решается судьба человека? Наверно, не нужно, потому что всем выступление Романа понравилось. Он должен был только изложить

суть дела — так они условились с Жилинским, — но Роману очень хотелось как можно больше и подробнее рассказать о Ларисе, чтобы те, кто не знает ее, видели не только ее проступок, но и поняли, почувствовали, какой она в общем неплохой и способный человек...

И Роман вспомнил войну, и то, как они жили вместе у сапожника, отца Ларисы, и детский дом, и увлечение Ларисы живописью, и еще многое, многое другое, о чем знали лишь он да она.

— Я знаю, — закончил он, — что Лариса не преступница. То, что она совершила, конечно, нельзя оправдать, но можно верить ей, что она больше никогда не поступит так. За последнее время она многое поняла. Вся жизнь у нее еще впереди. Вы знаете, она мне как сестра. И как ее брат я готов поручиться за нее. И прошу всех вас поручиться за нее

тоже, потому что она еще себя покажет, вот увидите! Правда, Лариса?

Роман обернулся и посмотрел на нее. Лариса плакала. Слезы лились по ее лицу и стекали на губы и подбородок.

— Вот это я понимаю, обвинитель, — шепнул Кате Мишка Шибанов. — Мне бы такого, когда меня судили...

Он хотел пошутить; но Катя, помолчав, очень серьезно ответила:

— Что ж... Ты прав.

После Романа выступали соседки Ларисы по обществу, ее товарищи по работе. Почти все ее ругали. Ругали за эгоизм, за высокомерие и лень. За легкомыслие. Лариса притихла и закрыла лицо руками. Ромка сидел в первом ряду и кусал губы. Он понимал, что так нужно, но слышать ему все это было больно.

Наконец взял слово Жилинский. Роман замер. Кондрат Григорьевич тоже отозвался о Ларисе не лестно: он сказал, что Лариса негодный товарищ, ленива и слишком много воображает о себе. Роману захотелось убежать из зала. Он не мог слушать. Все, что говорил Жилинский, было правильно, но Роману начало казаться, что они поступают с Ларисой чересчур уж жестоко. Он страдал за нее и думал: «Ну, хватит же, достаточно... Она и так все поняла...»

Но тут Жилинский совершенно неожиданно и, казалось, без всякой связи с прежними своими словами закончил:

— Таким образом, я думаю, товарищи, что мы с вами попросим милицию и прокуратуру отдать ее нам на поруки. Мы поверим Ларисе Гаевой, и поручимся за нее нашим честным рабочим словом, и постараемся сделать из этой девушки полезного человека. Кто за такое решение, прошу поднять руки. Прошу опустить. Ну, что скажешь, Лариса?

Лариса встала, лицо ее было мокрым.

— Спасибо, — сказала она совсем тихо, но все ее услышали.

Романа окружили Катя, Дуся, Мишка, еще какие-то знакомые ребята и девушки; что-то говорили ему, он отвечал на их вопросы, но потом никак не мог вспомнить, о чем шел разговор.

Члены товарищеского суда поднялись из-за стола, и Лариса осталась на сцене одна. Одна посреди огромной сцены, и свет бил ей прямо в глаза, но она улыбалась радостно и виновато, и, кажется, ее совсем не тяготило то, что она стоит на виду у всех и весь зал смотрит на нее.

Роман подивился этому, но тут же понял, что действительно бояться ей нечего, потому что клуб полон ее друзей и взгляды их доброжелательны...

Лариса спустилась со сцены и скрылась в толпе. Девчонки принялись о чем-то расспрашивать ее и вели себя так, точно совершенно ничего не произошло, и они, конечно, были правы, потому что все плохое навсегда осталось позади и не стоило вспоминать о плохом.

Роман с трудом разыскал Ларису на улице. Он пробился сквозь толпу и подошел к ней; она стояла близ крыльца и ждала его.

— Нам пора домой, завтра на работу, — сказал он строго.

Он решил с первой же минуты быть с ней строгим, но помимо воли его губы расплывались в улыбке, и Лариса, улыбнувшись, ответила:

— Пойдем.

Они вышли на Красноозерную улицу, ярко освещенную в этот теплый воскресный вечер; листва акаций казалась серебряной от голубых ламп дневного света.

Навстречу им попался патруль дружинников. Ребята шли не торопясь, на рукавах у них алели красные повязки.

— Как дела? — спросил Роман.

— Нормально, — ответил один из дружинников. — Происшествий не было. Все спокойно.

— Это хорошо, что все спокойно, — сказал Роман.

— Конечно, хорошо.

Прощавшись с Романом и Ларисой, ребята

так же не торопясь отправились дальше, поглядывая по сторонам и негромко беседуя о разных своих делах.

ЭПИЛОГ

Люся, выглянув в коридор, сказала:

— Совещание окончилось. Полковник просит вас в кабинет.

Виктор Трубников, очнувшись от своих мыслей, взглянул на часы. Прошло всего двадцать минут. А ему показалось — целая вечность.

Одернув пиджак и держа кепку по привычке, как фуражку, в согнутой левой руке, Виктор вошел в кабинет. Бандура предложил ему сесть.

От его баса зашевелились занавески на окнах. Виктор сел в кресло.

— Что ж вы носу не показываете, лейтенант? — спросил полковник, помолчав. — Совсем дорогу к нам забыли?

— Какой я лейтенант? — ответил Виктор. — Глубоко штатский человек.

— Ну и что же, устраивает вас это положение?

— Нет, — признался Трубников. — Работаю я юрисконсультантом... Важное, конечно, дело, но, честно говоря, не по мне. Да что теперь об этом толковать?

— Ну, я просто так, к слову, — сказал Бандура. — Сейчас-то вы стали постарше. На жизнь смотрите, наверно, серьезнее. Как считаете, правильно вас тогда уволили?

— Считаю, что правильно, — ответил Виктор. — Но все-таки, товарищ полковник, я был тогда не так уж не прав. Бушуев-то мне за это время три письма написал. Работает в леспромхозе. Мать к нему приехала с невестой. Женился.

— Вот как, — сказал Бандура. — Ну что ж... Узнать такую новость очень приятно... Но ведь могло получиться иначе, не правда ли?

— В данном случае, пожалуй, иначе быть не мог-

ло, — покачал головой Виктор. — Таким, как Зюзин, места в нашей жизни нет. Бушуев человек неглупый, он это понял и сделал вывод...

— А вы-то откуда узнали о его выводе тогда, два года назад? — усмехнувшись, спросил полковник. — Интуиция?

Виктор смущенно опустил голову.

— Интуиция в нашей работе необходима, — серьезно сказал Бандура, — но только тогда, когда она соединяется с опытом, трезвым расчетом, железной логикой...

— Вот это верно, — согласился Виктор.

— А кстати, что вам подсказывает ваша интуиция в данную минуту? — прищурился полковник, Растерянно улыбнувшись, Виктор пожал плечами.

— Ай, ай, ай, Трубников, — сказал Бандура. — А я-то считал вас более догадливым. Ведь не для того же я вас вызывал, чтобы просто так поболтать с вами. Для этого я пригласил бы вас к себе домой на чашку чаю. А сейчас мы беседуем в сугубо официальной обстановке... Ну? Что же вы молчите? Хотите снова у нас работать?

— Товарищ полковник, — ошеломленно пробормотал Трубников. Он давно все понял, но не верил своим ушам.

— К работе приступайте немедленно, — деловито сказал Бандура. — Приказ о вашем назначении старшим оперуполномоченным уже в отделе кадров.

— Хорошо... Я приступаю немедленно, — заикаясь, ответил Виктор. Радость переполняла его. Он был готов расцеловать полковника или пройти по кабинету колесом. Но вовремя вспомнил, что он теперь человек взрослый, солидный, и сделав усилие, придал лицу озабоченное выражение.

— У меня для вас имеется срочное задание, — сказал полковник, нагнувшись над столом, чтобы скрыть улыбку. — Сходите вечером в горком комсомола, там открывается общегородское совещание дружинников... Из штаба города утром звонили, просили прислать нашего представителя. Насколько мне

известно, вы были энтузиастом этого дела, оно вам хорошо знакомо...

— Буду там обязательно! Когда начало?

— В шесть часов. Больше вас не задерживаю. В отделе кадров вас ждут.

Выйдя из кабинета, Виктор поднялся по лестнице на второй этаж, где был раньше его кабинет. Голова у него кружилась. Даже запах масляной краски был ему мил. Он отвечал на приветствия и улыбки товарищей и остро ощущал, что он не может жить без этих людей в синих форменных кителях, без этого хмурого на вид дома, без своей трудной, хлопотливой, опасной, но такой интересной и нужной работы... Он был счастлив!

Он вошел в кабинет, сел за свой письменный стол с исцарапанной, выдавшей виды крышкой, придвинул мраморную чернильницу с трещиной посередине и вспомнил, как два года назад на этом столе лежал перед ним тюбик губной помады с вытисненными на нем буквами «Made in USA».

В половине шестого Трубников надел кепку и отправился в горком комсомола.

В коридоре горкома толпился народ. Люди подходили к дежурному, регистрировавшему прибывших, и называли свои фамилии и предприятия, откуда они приехали. Виктор понял, что все это были члены и начальники штабов дружин, командиры отрядов и звеньев.

— Заречный район, фабрика детских игрушек, в дружине состоят сорок шесть человек, — услышал он.

— Авторемонтный завод. Четыреста человек.

— Сельскохозяйственный техникум. Триста шестьдесят человек.

— Ого! — с улыбкой сказал дежурный. — Значит, все студенты в полном составе.

Дружинники продолжали подходить.

— Кировский район. Университет. Шестьсот сорок человек.

— Художественно-промышленное училище. Сто.

— Объединенная дружина драматического, оперного театра и филармонии. Сто десять человек.

— Молодцы артисты! — сказал кто-то.

— Завод радиоаппаратуры.

— Камвольный комбинат.

И вдруг Виктор услышал:

— Завод сельскохозяйственных машин. Семьсот пятьдесят человек.

Протолкавшись поближе к двери, он увидел Кондрата Григорьевича Жилинского, Катю Назарову и Михаила Шибанова.

— Дружина номер один! — торжественно провозгласил дежурный и встал. — Дорогу дружине номер один!

Шум стих. Собравшиеся с любопытством и уважением смотрели на Жилинского, Катю и Михаила.

Назвав свои фамилии, они отошли в сторону. Тотчас же их со всех сторон окружили дружинники и принялись о чем-то расспрашивать.

— Погодите, погодите, — послышался глуховатый басок Жилинского. — Этакие вы нетерпеливые! Все расскажу, ничего не утаю. Секретов никаких у нас нет. Есть здесь дружинники из рабочего поселка?

К нему подошел высокий худощавый парень в очках.

— Я слышал, вы какое-то новое дело затеяли, — сказал Кондрат Григорьевич. — Общественное отделение милиции. Верно это?

— Верно, — ответил дружинник.

— Это очень интересно. Очень. И что? Ходит к вам народ?

— Ого! Еще как! Работает наше отделение с шести до десяти часов вечера ежедневно, кроме воскресений. Поселок у нас небольшой, по штату милиции не положено, а в город по всяким мелким делам, требующим помощи милиции, каждый раз обращаться неудобно, да и ездить далеко... Вот мы и создали отделение целиком на общественных началах. Райком партии поддержал... Там у нас есть и автоинспекция, и паспортный стол, и отдел борьбы с хищениями и спекуляцией, и детская комната. Работают у нас ин-

женеры, юристы, врачи, студенты, производственники — все увлечены очень, и население городка нас уважает...

— Как это прекрасно! — задумчиво сказал Кондрат Григорьевич. — Ведь это была мечта нашего Димки.

— Пожалуйста, в зал! — пригласил дежурный.

Трубников увидел, как Михаил рванулся к двери, но Катя дернула его за рукав и негромко сказала:

— Боже мой, до чего ты лохматый!

Она достала из сумочки гребенку и причесала его жесткие черные вихры. Потом приподнялась на цыпочки и поправила ему воротник. Шибанов стоял, не шевелясь, вытянув руки по швам. Лицо его было смущенным и счастливым.

Они увидели Виктора и помахали ему руками.

Он улыбнулся им и вслед за ними вошел в огромный, пронизанный солнцем и воздухом светлый зал.

*Ленинград — Москва — Новосибирск — Гагра
1959—1962 гг.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

В повести этой нет настоящих фамилий. Я не могу сообщить адреса своих героев. И все же я вполне мог бы назвать повесть документальной. В ней нет выдуманных событий. Все, что вы прочли, произошло на самом деле: и драка в заводском клубе, и необычный ночной рейд дружинников, и грустная история Ларисы Гаевой. Только случилось все это в разных местах и не в одно время.

Впервые я услышал о народных дружинах сравнительно давно. Первая дружина была создана в Ленинграде в 1959 году, на Кировском заводе. Я поехал в Ленинград и месяц жил жизнью дружины, ходил с ребятами на дежурства, участвовал в их спорах, вместе с ними писал первый проект устава дружины.

Потом я решил написать повесть, решил поделиться с читателем тем, что я видел сам и слышал от очевидцев, рассказать о людях, объявивших непримиримую войну равнодушию.

Возможно, о многом я не сказал, многое происходило не так, как в моей книге, но первые шаги в самых первых дружинах были именно такими.

И. ГОЛОСОВСКИЙ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании и оформлении книги, а также пожелания автору и издательству.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская, 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», редакция комсомольской литературы.

Голосовский Игорь Михайлович

ИЗГНАНИЕ ВАСИЛИЯ ЗЮЗИНА. Повесть.
М., «Молодая гвардия», 1963.
336 с., с илл.

P2

Редакторы В. Быков, Е. Цветков
Художник Ю. Цышевский
Худож. редактор Ю. Хамов
Техн. редактор В. Лубкова

A10701. Подп. к печ. 14/XI 1963 г.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$. Печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 16,6:
Заказ 1126. Тираж 65 000 экз. Цена 65 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая
гвардия», Москва, А-30, Суцеская, 21.

В издательстве «Молодая гвардия»
к 45-летию комсомола вышли книги:

Сборник *«Ленинский комсомол»*.

Сборник *«В кольце фронтов»*.

Альбом *«Эстафета поколений»*.

Н. Исполатов, *Люди трудной судьбы*.

К. Костенко, *Это было в Краснодаре*.

П. Гаврутто, *Тучи над городом*.

65 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ